

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2022. Т. 83. № 6

Николай Максимович Шанский – академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, ученый-русист, методист, педагог. Его имя широко известно научно-педагогической общественности не только в России, но и за ее пределами.

Круг научных и педагогических интересов Н. М. Шанского разнообразен и многогранен. Вся его деятельность была направлена на решение коренных вопросов филологической науки и неразрывно связана с практическими потребностями. Ученый стремился к углубленному изучению русского языка и искал эффективные методы обучения русскому языку.

На протяжении многих лет ядром творческой деятельности Н. М. Шанского было многоаспектное изучение лексики русского языка: истории его развития и периодизации, этимологии лексического состава, проблем лексикографии, фразеологии и культуры речи, – что нашло отражение в трудах ученого: «Лексика и фразеология русского языка» (1957), «Лексикология современного русского языка» (1969), «В мире слов» (1978), «Слова, рожденные Октябрем» (1980), «Фразеология современного русского языка» (1999) и др.

Широкую известность принесли Н. М. Шанскому написанные им и составленные под его руководством этимологические и фразеологические словари: «Этимологический словарь русского языка» (1963–1975), «Фразеологические обороты русского языка» (1988), «Фразеологический словарь русского языка» (2000) и др.

В 1990-е – начале 2000-х гг. ученый акцентирует внимание на лингвистическом анализе художественного текста («Филологический анализ художественного текста» (1990)). Исследователь изучает язык и стиль А. С. Пушкина (в частности, составляет лингвистический комментарий к роману «Евгений Онегин»), М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, А. А. Блока и других классиков русской литературы.

Способности Н. М. Шанского как ученого-педагога раскрылись в 70-е гг. XX в., когда он возглавил Научно-исследовательский институт преподавания русского языка в национальной школе Академии педагогических наук СССР (ныне Центр филологического образования в системе Российской академии образования). Коллектив института под руководством Н. М. Шанского изучал проблемы преподавания русского языка как неродного, разрабатывал актуальные вопросы двуязычия и многоязычия, взаимодействия языков, роли и места родного языка в преподавании второго языка и т. д. Обобщающий труд «Русский язык в национальной школе. Проблемы лингводидактики» (1977) получил заслуженное одобрение у отечественной научно-педагогической общественности.

Талант Н. М. Шанского как ученого-методиста ярко проявился при составлении школьных учебников (учебник для 6-го класса был отмечен Государственной премией) и учебных пособий для студентов: «Современный русский язык: в 3 ч.» (1981), «Современный русский литературный язык» (1981) и др.

Более 40 лет Н. М. Шанский руководил журналом «Русский язык в школе», который в трудных коммерческих условиях, переживаемых сегодня печатными СМИ, не только успешно функционирует, но и является наиболее популярным изданием для учителей русского языка школ и вузов РФ.

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 6 раз в год

Том 83

6

2022

Главный редактор

Наталия Анатольевна Николина, канд. филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь

Анастасия Евгеньевна Куманьева, канд. пед. наук, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Редактор

Елена Александровна Фролова, канд. филол. наук, доцент, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Переводчик

Анна Николаевна Овешкова, канд. филол. наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

Редактор перевода

Наталья Геннадьевна Попова, канд. социол. наук, зав. кафедрой иностранных языков, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Редакционный совет

Харри Вальтер, Институт славистики, Грайфсвальдский университет, г. Грайфсвальд, Германия

Алевтина Дмитриевна Дейкина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Александр Васильевич Зеленин, Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия

Светлана Вениаминовна Иванова, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Резеда Фаилевна Мухаметшина, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Сергей Саядович Оганесян, Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Россия

Иоанна Ожеховска, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, г. Ольштын, Польша

Ильдико Палоши, Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт, Венгрия

Марина Николаевна Приемышева, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Бранко Тошович, Грацкий университет им. Карла и Франца, г. Грац, Австрийская Республика

Стелла Наумовна Цейтлин, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Ян Кэ, Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуанчжоу, провинция Гуандун, КНР

Редакционная коллегия

Любовь Геннадьевна Антонова, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Борис Геннадьевич Бобылев (монах Нафанаил), Свято-Духов монастырь, Ливенская епархия, Орловская митрополия, г. Новосиль, Россия

Нина Сергеевна Болотнова, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Юлия Николаевна Гостица, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ирина Нургаиновна Добротина, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ольга Евгеньевна Дроздова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Ленвладовна Ерохина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Людмила Геннадьевна Ларионова, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Светлана Васильевна Науменко, Канский педагогический колледж, г. Канск, Красноярский край, Россия

Олег Викторович Никитин, Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия

Наталья Викторовна Патронева, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Татьяна Михайловна Пахнова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Владимир Маркович Пахомов, справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Екатерина Витальевна Пересветова, школа № 1522 им. В. И. Чуркина, г. Москва, Россия

Вера Анатольевна Пищальникова, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Анна Романик, адъюнкт, Университет в Белостоке, г. Белосток, Польша

Марина Робертовна Шумарина, Балашовский институт, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий...» ВАК РФ по специальностям: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительносопоставительная лингвистика (филологические науки) (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>). Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования, индексируется в 24 российских и международных базах данных, в том числе RSCI, Scopus, ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar.

Учредитель и издатель: ООО «Наш язык».

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС7780108 от 31 декабря 2020 г.

ISSN 2619–0966 (Online)

Корректор — Т. Ю. Смирнова. Компьютерная верстка — К. В. Морозов.

Тираж 400 экз. Формат 70х100¹/₁₆ Печ. л. 8. Бумага офсетная. Заказ

Дата выхода номера в свет 15.11.2022. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя: Большая Андроньевская ул., д. 17, г. Москва, 109544, Россия; телефон: +7 (495) 671-09-85; сайт: <https://www.riash.ru/>; email: admin@riash.ru

Отпечатано в типографии АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор», ул. Полиграфистов, д. 1, г. Чехов, Московская область, 142300, Россия.

Оформить подписку на журнал можно через подписные агентства: «Почта России» (индекс ПЗ896), «УралПресс» (индекс 73334), «Прессинформ», «Информсистема», ООО «ИВИС». Приобрести электронную версию журнала можно на сайте: <https://www.riash.ru>

© ООО «Наш язык», 2022

The scientific and methodological journal

RUSSIAN LANGUAGE

at school

Founded in august 1914
6 issues per year

Vol. 83

6

2022

Chief Editor

Natalia A. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Responsible Secretary

Anastasia E. Kumanyaeva, Cand. of Sci. (Ped.), Company «Our Language», Moscow, Russia

Editor

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Company "Our Language", Moscow, Russia

Translator

Anna N. Oveshkova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Translation Editor

Natalia G. Popova, Cand. of Sci. (Sociol.), Head of Foreign Languages Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Editor Council

Harry Walter, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Institute of Slavic Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Alevtina D. Deikina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), Lecturer

Svetlana V. Ivanova, Dr. of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Ped.), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Scientific Director, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Leonid P. Krysin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Reseda F. Mukhametshina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Sergei S. Oganessian, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, State Councillor of the Russian Federation of the First Rank, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Joanna Ozhehowska, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Warmian-Masurian University of Olsztyn, Olsztyn, Poland

Ilidkó Pálóshi, PhD, Senior Lecturer, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. (Philol.), Leading Research Associate, Deputy Director, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Branko Toshovich, Professor, University of Graz, Graz, Republic of Austria

Stella N. Tseirlin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Yang Ke, Professor, Director, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, Guangdong Province, China

Editorial Board

Lyubov G. Antonova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia

Boris G. Bobylev (Monk Nathanael), Dr. of Sci. (Ped.), Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Syvato-Dukhov Monastery, Livenskaya Eparchy, Orlovskaya Metropolis, Novosil, Russia

Nina S. Bolotnova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Yuliya N. Gosteva, Cand. of Sci. (Ped.), Senior Research Associate, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Irina N. Dobrotina, Cand. of Sci. (Ped.), Researcher Fellow, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Olga E. Drozdova, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena L. Erokhina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Lyudmila G. Larionova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Svetlana V. Naumenko, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Kansk Pedagogical College, Kansk, Krasnoyarsk region, Russia

Oleg V. Nikitin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Region State University, Moscow, Russia

Natalia V. Patroeva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Tatyana M. Pakhnova, Cand. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Vladimir M. Pakhomov, Cand. of Sci. (Philol.), Chief Editor, Reference and Information Internet-portal «Gramota.ru»; Researcher Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina V. Peresvetova, Cand. of Sci. (Ped.), Teacher, School No. 1522 named after V. I. Churkin, Moscow, Russia

Vera A. Pishchalnikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Anna Romanik, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, University of Bialystok, Bialystok, Poland

Marina R. Shumarina, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Balashov Institute, Saratov State University, Balashov, Russia

The journal is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Journals of the RF Higher Attestation Commission in the categories: 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by areas and levels of education) (Pedagogical sciences); 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (Philological sciences); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (Philological sciences) (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>). The journal is registered in the Russian Science Citation Index and 24 Russian and international databases, including RSCI, Scopus, ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar.

Founder and publisher: Limited Liability Company "Our Language". ("Nash Yazyk" LLC)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications, registration number PI No. FS 77-80108 of 31.12.2020 ISSN 2619–0966 (Online)

Corrector – T. Yu. Smirnova. Computer layout – K. V. Morozov.

Edition 400 ex. Format 70x100¹/₁₆ Printed sheet 8. Offset paper. Order Release date of the issue 15.11.2022. Free price.

The address of the editorial office and publisher: 17 Bolshaya Andronievskaya str., Moscow, 109544, Russia; telephone: +7 (495) 671-09-85; website: <https://www.riash.ru/>; email: admin@riash.ru
Printed in the printing house of JSC "First Model Printing House", branch of "Chekhov Printing House", 1 Polygraphistov str., Chekhov, Moscow region, 142300, Russia.

A subscription can be entered through the following subscription agencies: Russian Post (index P3896), UralPress (index 73334), Pressinform, Inform-system, IVIS LLC. The electronic version of the journal can be purchased at: <https://www.riash.ru/>

© LLC "Our Language", 2022

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

<i>Войтелева Т. М.</i> Родное слово как воплощение народного духа	7
<i>Бондаренко М. А.</i> Уроки по Шанскому: потенциал наследия Н. М. Шанского в решении задач, стоящих перед современным учителем русского языка	12
<i>Шутан М. И.</i> О междисциплинарном подходе к изучению концептов в школе	25

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Бобылев Б. Г.</i> Филологический анализ художественного текста как наука и искусство в трудах академика Н. М. Шанского	35
<i>Черникова Н. В.</i> Композиционно-смысловая структура сложного синтаксического целого в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева	44

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Маркова Е. М.</i> Русская фразеология в аспекте учения Н. М. Шанского	53
<i>Шестакова Л. Л.</i> Учебные словари языка писателей	63
<i>Зеленин А. В.</i> Жизненные циклы суффикса <i>-ость-</i> в русском языке (перечитывая Н. М. Шанского)	73

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Приемышева М. Н.</i> Ученый, просветитель, новатор... (к 100-летию со дня рождения Н. М. Шанского)	85
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Никитин О. В.</i> Рецензия на книгу: Астахина Л. Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 492 с.	93
--	----

ХРОНИКА

<i>Никитин О. В.</i> Международный научный семинар «Славистика на перекрестке эпох: от А. Х. Востокова и А. Ф. Гильфердинга до А. А. Шахматова и О. Брока»	97
<i>Колгушкина Н. В., Никитин О. В.</i> V Международная научно-практическая конференция «Традиции И. И. Срезневского в русской лексикологии и лексикографии XXI века. К 210-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского»	99
Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русский язык в школе» в 2022 году	102

CONTENT

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

<i>Voiteleva T. M.</i> Native word as the embodiment of the national spirit	7
<i>Bondarenko M. A.</i> Lessons according to Shansky: the potential of N. M. Shansky's legacy to overcome the challenges posed to the modern Russian language teacher	12
<i>Shutan M. I.</i> On an interdisciplinary approach to studying concepts at school	25

LITERARY TEXT ANALYSIS

<i>Bobylev B. G.</i> Philological analysis of a literary text as science and art in Academician N. M. Shansky's works	35
<i>Chernikova N. V.</i> The compositional and semantic structure of a complex syntactic unity in "Poems in Prose" by I. S. Turgenev	44

LINGUISTIC NOTES

<i>Markova E. M.</i> Russian phraseology in the context of N. M. Shansky's teachings	53
<i>Shestakova L. L.</i> Educational dictionaries of writers' language	63
<i>Zelenin A. V.</i> The life cycles of the suffix <i>-ost'</i> in Russian (rereading N. M. Shansky)	73

LINGUISTIC HERITAGE

<i>Priemysheva M. N.</i> Scientist, enlightener, innovator... (to the 100th anniversary of the birth of N. M. Shansky)	85
--	----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Nikitin O. V.</i> Review of the monograph: L. Yu. Astakhina. Sources on Russian historical lexicology. Voronezh: Science-Unipress, 2021. 492 p.	93
---	----

CRONICLE

<i>Nikitin O. V.</i> International scientific seminar "Slavistics at the crossroads of history: from A. Kh. Vostokov and A. F. Gilferding to A. A. Shakhmatov and O. Broch"	97
<i>Kolgushkina N. V., Nikitin O. V.</i> V International scientific and practical conference "The traditions of I. I. Sreznevsky in Russian lexicology and lexicography of the XXI century. To the 210th anniversary of the birth of Academician I. I. Sreznevsky"	99
Thematic index of the papers published in the "Russian Language at School" journal in 2022	102

МЕТОДИКА И ОПЫТ METHODOLOGY AND EXPERIENCE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-7-11>

Родное слово как воплощение народного духа

Татьяна Михайловна Воителева

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Московская область, Россия,
voitelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>

Аннотация. В современном обществе актуальным является вопрос сохранения культурно-исторической самобытности России, нравственных ценностей народа, которые нашли отражение в родном языке. Особенности национальной культуры, традиций народа проявляются в фольклоре, устойчивых выражениях, художественных произведениях. Цель статьи – рассмотреть основы содержания школьного курса русского языка (русского родного языка), связанного с формированием у обучающихся понимания родного слова как инструмента познания национальной картины мира. Определены лексические единицы, способствующие формированию ценностного отношения обучающихся к родному языку: фразеологизмы, малые жанры фольклора (загадки, пословицы и поговорки), и их роль в формировании языковой личности. Охарактеризовано понятие лингвокультурного концепта и представлены особенности его анализа.

Ключевые слова: русский язык, родное слово, национальная языковая картина мира, фразеологизмы, малые жанры фольклора, лингвокультурный концепт, культурно-историческое наследие, Н. М. Шанский

Для цитирования: Воителева Т. М. Родное слово как воплощение народного духа // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 7–11. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-7-11>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Native word as the embodiment of the national spirit

Tatiana M. Voiteleva

Moscow State Regional University, Mytishchi, Moscow region, Russia, voitelev@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9314-1758>

Abstract. In modern society, it is relevant to preserve the cultural-historical identity of Russia and the people's moral values reflected in the mother tongue. Language plays an important social role since it is viewed as a social phenomenon that reflects the peculiarities of the national character and psychology of each nation as well as the changes taking place in society. The word embodies the national spirit and the national self-awareness of the people. Specific features of national culture, the people's traditions are manifested in folklore, set expressions, works of art. The paper considers the basics of the content of the school Russian language course (i. e. Russian as a native language) which facilitate learners' awareness of the native word as a tool for understanding the national picture of the world. The research has identified lexical units contributing to the formation of students' values-based attitude to their native language and their role in the formation of a linguistic personality. These lexical units include phraseological units, small genres of folklore (riddles, proverbs, and sayings). The paper also characterises the linguocultural concept and the specific features of its analysis to cognize the national picture of the world. Mastering the mother tongue as a cultural phenomenon, schoolchildren conclude that the native language reflects the nature of the historical and intellectual development of society. Moreover, they realise it is the property of all people belonging to this society and a source of the nation's unity and spirituality.

Keywords: Russian language, native word, national linguistic world picture, phraseological units, small folklore genres, linguocultural concept, cultural-historical heritage, N. M. Shansky

For citation: Voiteleva T. M. Native word as the embodiment of the national spirit. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(6):7–11. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-7-11>.

Введение. В Примерной рабочей программе по русскому родному языку отмечается, что к важнейшим предметным результатам изучения учебного предмета «Русский родной язык» относится «осознание... взаимосвязи исторического развития языка с историей общества»¹. Родной язык рассматривается как способ знакомства обучающихся с национальной культурой, средство формирования нравственных норм, ценностных ориентиров. Важно понимать, что национальная культура состоит не только из материальных сооружений, но и из представлений о добре и зле, традиций гостеприимства, литературных произведений.

Методы и материалы исследования. В представленной статье использованы традиционные методы исследования: анализ лингвистических и методических источников по заявленной теме, обобщение содержания Примерной рабочей программы по русскому языку² и Примерной рабочей программы по русскому родному языку³. Мы опираемся на труды К. Д. Ушинского, Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, заложивших основы обучения русскому языку как средству постижения культуры, подчеркивавших важность развития духовных способностей учащихся, приобщения их к настоящему и прошлому своего народа в процессе обучения. Подход к языку как

феномену культуры, отмеченный в исследованиях Е. А. Быстровой, А. Д. Дейкиной, Т. К. Донской и других ученых-методистов, предусматривает анализ национально-культурного компонента значения языковых единиц, несущего информацию о национальной культуре народа, характеристику языковых процессов, связанных с происходящими событиями и изменениями в жизни общества.

Обсуждение. Овладение национальным языком обостряет чувство родного слова. В словарном составе, фольклорных и художественных текстах отражаются особенности русской культуры, традиций русского народа, сохраняется и передается от поколения к поколению его исторический опыт. Язык является материальной и духовной ценностью общества, источником его единства.

Академик Н. М. Шанский утверждал: «Слова образуют строительный материал языка как определенной знаковой системы, отражающей нашу прошлую и современную жизнь, изменяющийся быт, наше мировоззрение, культуру и духовное самосознание»⁴. Характеризуя слово как элемент лексической системы, ученый учитывал также и его функциональный аспект, т. е. использование в речевой практике. Вне контекста, по мнению Н. М. Шанского, значение слова можно определить только приблизительно.

Взгляд народа на жизнь отражается в слове уже при самом наименовании предмета. Исходя из этого можно сделать вывод, что основой в освоении родного языка является не только анализ языковых средств как элементов языковой системы, но и характеристика их как инструмента познания объективной действительности, средства формирования бережного отношения к духовно-нравственным ценностям.

Профессор А. И. Горшков отмечает: «Слово не просто значит “речь”, “язык”,

¹ Русский родной язык. Примерные рабочие программы. 5–9 классы: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / О. М. Александрова, Ю. Н. Гостева, И. Н. Добротина; под ред. О. М. Александровой. М.: Просвещение, 2020. С. 11.

² Примерная рабочая программа основного общего образования. Русский язык (для 5–9 классов образовательных организаций). М.: ИСПО РАО, 2021. 146 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://fgosreestr.ru/uploads/files/7dca02ecacbf7a8a5b2f1ec40a06ac5.pdf?ysclid=170wt41qwb835288933> (дата обращения: 18.10.2022).

³ Русский родной язык. Примерные рабочие программы. 5–9 классы: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / О. М. Александрова, Ю. Н. Гостева, И. Н. Добротина; под ред. О. М. Александровой. М.: Просвещение, 2020.

⁴ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Жизнь русского слова: книга для старшеклассников. М.: Вербум-М, 2006. С. 16.

оно выступает как воплощение народного духа, национального самосознания русского народа»⁵. В слове отражается менталитет народа. С помощью родного слова происходит освоение и понимание национальной языковой картины мира, которая представляет собой «неотъемлемый компонент национального характера» [Чернявская 1998: 57]. Как ментальное образование, картина мира требует специфических форм воплощения, одной из которых является язык. По утверждению отечественных лингвистов: Е. М. Верещагина, В. В. Колесова, В. Г. Костомарова, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия – в языковой картине мира находят свое выражение особенности родной культуры, исторически сложившиеся национальные ценности, национальное мировосприятие, «способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи» [Маслова 2011: 16].

Интерес современного человека к своему прошлому, истокам своей культуры заставляет его внимательно всматриваться в язык, анализировать его, находить в нем разные смыслы. Знание языка становится ключом к познанию родной культуры, приобщает учащихся к многовековой истории страны.

Особая роль в отражении национальной специфики родного языка принадлежит фразеологизмам. По мнению академика Н. М. Шанского, подчеркивающего ярко выраженный национальный характер русской фразеологии, «фразеологические обороты придают речи силу и убедительность, красочность и образность» [Шанский 1996: 50].

Изучение фразеологизмов имеет большое воспитательное значение. В них могут заключаться морально-нравственные представления (*держат камень за пазухой, чувство локтя*), отражаются исторические события (*как Мамай прошел, сирота казанская*), часто присутствует символика цвета (*белая ворона, синий чулок*). Некоторые фразеологизмы связаны с историей и бытом Древней Руси. После принятия христианства на Руси появились выражения, взятые из богослужебных книг, Библии,

Евангелия: *зарыть талант в землю, манна небесная, земля обетованная, камень преткновения* и др. Обращение к этимологии фразеологизмов дает возможность повторить и обобщить учебный материал о старославянизмах, устаревших словах, рассмотреть особенности их использования в ходе анализа текстового материала.

В процессе знакомства с фразеологией у школьников формируется представление о фразеологическом обороте как устойчивом словосочетании, характеризующемся общностью лексического значения, о его признаках, стилистической принадлежности. Учащиеся определяют нейтральные и стилистически окрашенные фразеологизмы, особенности их употребления в речи. Работа над фразеологизмами стимулирует развитие у школьников чувства языка, способности пользоваться ими в собственной речи, формирует навыки самостоятельной исследовательской деятельности: выяснение состава и значения фразеологизма, подбор синонимов, антонимов, нахождение примеров фразеологических оборотов в художественных текстах.

Русский язык богат меткими образными выражениями – крылатыми словами, связанными с историческими событиями, вошедшими в родную речь из истории, художественной литературы, фольклора. Введение информации о фразеологизмах и крылатых словах формирует у школьников понимание того, что реальный смысл фразы может быть скрыт; у обучающихся появляется интерес к открытию этого смысла через поисковую деятельность, развивается творческая активность, креативное мышление.

Национальный характер языка отчетливо проявляется в малых жанрах фольклора: загадках, пословицах и поговорках. В загадках в «зашифрованной» форме отражается свод знаний и представлений русского народа о мире и о себе. В древнерусском языке слово *гадать* означало «думать, размышлять». В загадке кратко иносказательно описывается какое-либо явление, для узнавания которого требуется осмыслить высказывание, используя сравнение, сопоставление фактов, различные ассоциации, и на этой основе представить определенное умозаключение (отгадку). В древности только знающий загадки человек считался

⁵ Горшков А. И. Русская словесность: от слова к словесности. 10–11 кл.: учеб. для общеобразов. учреждений. 4-е изд., испр. и доп. М.: Дрофа, 2000. С. 10.

сильным, мудрым, а умение разгадывать их, по мнению людей, приносило счастье. Школьникам интересно узнать, что загадки возникли, когда люди, познавая природу, наделяли ее способностью чувствовать, действовать и влиять на их жизнь и судьбу. Анализ загадок помогает активизировать внимание обучающихся на ключевых словах, способствует формированию умения понимать и чувствовать художественный образ, развивает речь, любознательность, тренирует память. Загадки помогают увидеть в обыкновенном необыкновенное, а в необычном — обычное.

Об обычаях русского народа, традициях, об отношении человека к тому или иному явлению человек узнает из пословиц и поговорок, которые сопровождают народ на всем протяжении его истории. Пословицы — краткие, меткие, образные выражения с поучительным смыслом в виде законченной фразы, в которой выражена народная мудрость. Кладезь народной мудрости — русские пословицы — учат нас искусству меткого слова. В пословице заложены основы духовного бытия человека, суждения о том, что волнует народ. Например: *Любишь кататься — люби и саночки возить; В гостях хорошо, а дома лучше; На чужой сторонушке рад своей воронушке*. В пословицах, по выражению Д. С. Лихачева, содержится «русскость» нашей души. Поговорка — образное выражение, отражающее собой какое-то жизненное событие или противопоставление, но в отличие от пословицы не является законченным высказыванием: *шила в мешке не утаишь, гусь свинье не товарищ, сердце не камень*. Это «свернутые пословицы», которые вводятся в речь для образного оформления мысли. Пословицы и поговорки рисуют не только внешние черты людей, но и образно говорят об их внутреннем душевном состоянии. Сложность изучения пословиц и поговорок заключается в выявлении их основной мысли, подтекстовой информации, характеристике языковых средств: *Родителей чти — не собьешься с истинного пути*. Основная мысль пословицы — уважение к родителям, любовь к ним. Затрудняет понимание высказывания и незнание значений многих слов. Например, *Взялся за гуж — не говори, что не дюж*. Чтобы понять смысл этой

пословицы, необходимо определить лексическое значение слов *гуж* и *дюж*, входящих в пассивный лексический запас современного школьника: *гуж* — кожаная петля у хомута, служащая для скрепления оглобель и дуги; *дюжий* — здоровый, сильный.

Ознакомление школьников с пословицами и поговорками родного языка — один из эффективных приемов обучения. Знание пословиц и поговорок не только обогащает словарный запас учащихся, но и помогает им усвоить образный строй языка, приобщает к народной мудрости, рассудительности, знакомит с жизненным опытом.

Связующим звеном между языковой личностью и культурой лингвисты считают концепты культуры, являющиеся носителем культурной памяти народа. Это слова, обозначающие наиболее значимые явления действительности, в которых заложена суть национально-культурного мировидения народа, оценка, отношение человека к отражаемому предмету и другие компоненты. Введение в содержание школьного курса русского родного языка указанного феномена позволяет осмыслить наиболее актуальные для русской культуры и русского человека понятия: *мир, душа, Родина, счастье, справедливость, тоска, судьба* и др. Концепт служит условной единицей сознания и культуры и является важным компонентом языковой картины мира. «Концепт рождается как образ, но он способен... постепенно превращаться из чувственного образа в собственно мыслительный. Образ холода лежит в основе концепта “страх”, поэтому и существуют для выражения страха формы: *дрожать от страха, зуб на зуб не попадает, мороз по коже продирает, дрожь пробегает по спине, кровь стынет* и др.» [Маслова 2011: 25].

Анализ лингвокультурного концепта способствует формированию системного знания о понятии, существующем в сознании человека. Кроме этого, работа над концептом — прекрасное средство обогащения словарного запаса школьников, мощный фактор повышения интереса к изучению русского языка. Такой анализ позволяет выявить особенности образа, который стоит за тем или иным словом в сознании носителей языка [Мишатина 2006]. В анализ концепта входит определение семантики слова, выявление его синонимов,

антонимов, словообразовательный и этимологический комментарий, использование концепта в речевой практике (фразеологизмах, пословицах, текстах). Заключительным этапом становится построение собственных высказываний, в которых проявляется ценностное отношение к анализируемому слову-концепту, понимание его как отражения языковой картины мира. Такую работу следует проводить на уроках, посвященных вопросам связи языка и культуры, при изучении лексикологии и фразеологии, используя тексты культуроведческой направленности, насыщенные сведениями о традициях, истории, событиях, связанных с национальной и мировой культурой.

Заключение. Мы рассмотрели основы содержания школьного курса русского языка (русского родного языка), связанного с формированием у обучающихся понимания родного слова как воплощения народного духа, как инструмента познания национальной культуры.

Владение богатством языка приобщает человека к культурно-историческому наследию своего народа, позволяет пользоваться результатами жизни каждого поколения, сохраняя память о прошедших эпохах и людях. Язык не может оставаться неизменным, потому что изменяются люди, которые на нем говорят. Меняются социально-политические и экономические условия существования государства, стремительно развиваются наука и техника, появляются новые технологии, преобразующие жизнь общества, прослеживается иноязычное влияние, и все это находит отражение в родном слове.

Такой подход к обучению дает возможность ученику лучше осознать, что «язык — мощное общественное орудие,

формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова 2000: 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 293 с.
2. Мишатина Н. Л. Работа с художественным концептом как средство речевого развития школьника // Русский язык в школе. 2006. № 3. С. 23–26.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М., 2000. 262 с.
4. Чернявская Ю. В. Народная культура и национальная традиция. Минск, 1998. 198 с.
5. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Специальная литература, 1996. 192 с.

REFERENCES

1. Maslova V. A. Introduction to cognitive linguistics: a textbook (5th ed). Moscow, Flinta: Nauka, 2011. 293 p. (In Russ.)
2. Mishatina N. L. Work with an artistic concept as a means of speech development of a schoolchild. Russian Language at School. 2006;3:23–26. (In Russ.)
3. Ter-Minasova S. G. Language and intercultural communication. Moscow, 2000. 262 p. (In Russ.)
4. Chernyavskaya Yu. V. Folk culture and national tradition. Minsk, 1998. 198 p. (In Russ.)
5. Shansky N. M. Phraseology of the modern Russian language: a textbook for the students of Russian language and literature faculty (4th ed., corrected and enlarged). Saint-Petersburg: Special literature, 1996. 192 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Михайловна Воителева, доктор педагогических наук, профессор

Tatiana M. Voiteleva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

Статья поступила в редакцию 31.05.2022; одобрена после рецензирования 26.07.2022; принята к публикации 14.08.2022.

The article was submitted 31.05.2022; approved after reviewing 26.07.2022; accepted for publication 14.08.2022.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-12-24>

Уроки по Шанскому: потенциал наследия Н. М. Шанского в решении задач, стоящих перед современным учителем русского языка

Марина Анатольевна Бондаренко

Академия труда и социальных отношений, г. Москва, Россия, marbondina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1202-9375>

Аннотация. В статье предлагается рассматривать научные и научно-популярные труды Н. М. Шанского как источник, который современный учитель русского языка может использовать с целью формирования интереса обучающихся к изучению русского языка, развития исследовательских навыков, умения выявлять закономерности и противоречия в рассматриваемых явлениях, в том числе при разработке проектно-исследовательских заданий. Использованы методы анализа научных, учебно-методических, научно-справочных и научно-популярных источников; метод наблюдения; поисковый и описательный методы; сопоставительный анализ; метод моделирования. Представлены задания, содержание которых базируется на идеях и сведениях, нашедших отражение в трудах Шанского. Задания предлагается использовать при изучении лексикологии и фразеологии, словообразования и орфографии, при освоении функциональных разновидностей языка, при характеристике стилистических особенностей текстов разного типа. В статье описаны разнообразные приемы работы с этимологическими, толковыми словарями, словарями фразеологизмов, с литературными источниками, в том числе задания на сопоставление статей в словарях одного типа, текстов научно-справочного и научно-популярного характера; материалы для лингвистических разминок, занимательные задания, темы исследовательских работ, даются указания на возможность использования групповых форм работы, обращения к интернет-ресурсам. Сделан вывод о непреходящей ценности заложенных в трудах ученого идей, о потенциале, который может быть использован учителем для формирования значимых компетенций современных учащихся и для достижения личностных, предметных и метапредметных результатов обучения, которые сформулированы в федеральных государственных образовательных стандартах.

Ключевые слова: Н. М. Шанский, этимология, словообразование, методика преподавания русского языка, исследовательская и проектная деятельность, мотивация, занимательная лингвистика, анализ художественного текста

Для цитирования: Бондаренко М. А. Уроки по Шанскому: потенциал наследия Н. М. Шанского в решении задач, стоящих перед современным учителем русского языка // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 12–24. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-12-24>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Lessons according to Shansky: the potential of N. M. Shansky's legacy to overcome the challenges posed to the modern Russian language teacher

Marina A. Bondarenko

Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia, marbondina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1202-9375>

Abstract. The paper considers N. M. Shansky's scientific and popular scientific writings as a resource available to a modern teacher of the Russian language. Teachers can use these materials to spark students' interest in studying Russian, to enhance their research skills and their ability to identify patterns and discrepancies in the phenomena under consideration, including the development of project research assignments. The study analysed scientific, educational, scientific reference, and popular scientific sources. It also employed observation, search, and descriptive methods as well as comparative analysis and scientific modelling. The paper presents those tasks whose content is based on the ideas and information reflected in N. M. Shansky's works. I propose using such tasks in studying lexicology and phraseology, word formation and spelling, in mastering the functional varieties of the Russian language, and in characterising the stylistic features of texts of different types. The paper describes a variety of techniques for working with etymological, explanatory

(defining), phraseological dictionaries, and literary sources. It also includes tasks for comparing entries in dictionaries of the same type as well as scientific reference and popular scientific texts. The paper provides materials for language warm-ups, entertaining tasks, topics for research papers. Additionally, I show the feasibility of using groupwork and referring to Internet resources. The paper concludes by arguing for the enduring value of the ideas suggested in the scientist's works. Moreover, I highlight the potential of these materials for developing modern students' crucial competencies as well as achieving personal, subject, and meta-subject learning outcomes formulated in the federal state educational standards.

Keywords: N. M. Shansky, etymology, word formation, Russian language teaching methodology, research activity, project work, motivation, entertaining linguistics, literary text analysis

For citation: Bondarenko M. A. Lessons according to Shansky: the potential of N. M. Shansky's legacy to overcome the challenges posed to the modern Russian language teacher. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2022;83(6):12–24. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-12-24>.

Введение. Известно, что современный школьник практически не может представить себе жизнь без мобильного телефона и Интернета. Это его естественная среда обитания. Такой же естественной средой обитания для современного учителя русского языка является мир, созданный трудами Николая Максимовича Шанского. Данное высказывание не преувеличение, как не преувеличение и первый тезис — о современном школьнике. Действительно, методические идеи Н. М. Шанского, 100-летие со дня рождения которого филологическая общественность отмечает в этом году, — это то, что лежит в основе нашей ежедневной педагогической деятельности, отдаем мы себе в этом отчет или нет.

Базовые принципы построения школьного курса русского языка, прежде всего целостность и системность, нашедшие отражение в учебниках, созданных коллективом авторов под научным руководством Н. М. Шанского еще в 1960-е гг., остаются актуальными и сегодня. Востребованность этого учебного комплекса, разумеется, доработанного в последующие годы в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования, подтверждается в том числе тем фактом, что эти учебники, несмотря на достаточное число достойных УМК, предлагаемых другими авторами, пользуются наибольшим доверием учителей.

Методические подходы к изучению лексикологии, фразеологии, морфемики и словообразования, грамматики, орфографии в том варианте, в котором они представлены в школьном курсе русского языка, — это в значительной мере заслуга Н. М. Шанского. Формирование интереса к русскому языку, в том числе через

пристальное внимание к слову, его истории, межсловным связям, исследовательский поиск как первооснова учебной деятельности при осмыслении слова в тексте — это лишь немногие из тех заветов, которые оставил своим последователям ученый, отразив их и в строгих научных трудах, и в методических работах, и в учебных пособиях для школьников и студентов, в словарях, в научно-популярных сборниках с занимательными историями слов и фразеологизмов.

Значимость идей и трудов академика Шанского в любой из перечисленных областей подтверждается постоянным обращением к ним ученых. В большинстве случаев при осмыслении истории слов используются этимологические словари русского языка, подготовленные Н. М. Шанским в соавторстве с другими учеными¹, при изучении фразеологии — словари фразеологизмов, научные труды по фразеологии и научно-популярные книги ученого². При рассмотрении сложных вопросов

¹ См., напр.: Березович Е. Л., Кабинина Н. В. Еще раз о происхождении слова *варезки* // *Русская речь*. 2019. № 6. С. 58–72. <https://doi.org/10.31857/S013161170007625-6>; Горбушина И. А. О происхождении рус. *кутерьма* // *Русская речь*. 2022. № 1. С. 61–70. <https://doi.org/10.31857/S013161170018740-3>; Захарова Ю. Г. Иноязычная лексика в письмах А. П. Чехова // *Русская речь*. 2022. № 1. С. 90–105. <https://doi.org/10.31857/S013161170017984-1>.

² См., напр.: Буре Н. А. «Глаза — зеркало души» (Фразеологизмы со словом *глаза*) // *Русская речь*. 2017. № 5. С. 66–70; Ломакина О. В. Идеи Н. М. Шанского и современная фразеология // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2017. Т. 3(69), № 4. С. 31–37; Северская О. И. «В Греции все есть!» Образ Греции в русском языковом сознании // *Русская речь*. 2015. № 6. С. 90–96.

русского словообразования, новых тенденций в образовании слов, а также методики преподавания словообразования в школе и вузе традиционно обращение к капитальному труду Н. М. Шанского «Очерки по русскому словообразованию»³.

Нельзя не сказать о востребованности разработанной Н. М. Шанским теории и практики филологического анализа художественного текста, образцы которого предложены в работах ученого. Очерки Шанского, представляющие собой комплексный анализ отдельных произведений русской классической литературы, чаще всего именуются не совсем по-научному — лингвистическими этюдами, миниатюрами, новеллами, при этом исследователи подчеркивают не только совершенство слога создателя этих сочинений, но и роль разработанного ученым методического приема прочтения художественного текста, в основе которого чтение замедленное: «Лингвистические миниатюры Шанского помогают почувствовать вкус к слову, к красоте языка, преодолеть “пафос дистанции” современных учащихся и студентов от классики» [Бобылев 2017: 17].

Воздействие трудов академика на исследователей и популяризаторов русского языка проявляется и непосредственно, как в названных выше работах, и опосредованно,

как, например, в книге В. Т. Бабенко, автор которой фактически продолжает дело Шанского и его предшественников, «раскручивая», как детективные, занимательные «истории слов»⁴ и называя вступительную часть своей работы, адресованной студентам, «Капустные детективы»⁵. Как здесь не вспомнить «В мире слов» Н. М. Шанского⁶, в которой одна из частей называется «Этимологические детективы», входящая в нее глава — «Что общего между словами *капитан* и *капуста*?», а также книгу «Лингвистические детективы»⁷. Нет сомнения и в том, что приемы и формы общения Шанского с юными читателями, которые использованы ученым в книгах «Лингвистические детективы», «Слова, рожденные Октябрем»⁸, «Художественный текст под лингвистическим микроскопом»⁹, вдохновили и писателя Н. М. Голя, автора «Жизни замечательных слов»¹⁰, и автора книги «Знаем ли мы

⁴ «У истоков этого жанра стоял филолог-классик Борис Васильевич Казанский, которого В. Б. Шкловский назвал “прародителем жанра научного детектива”, — автор книг “Приключения слов” (1931), “Разгаданная надпись” (1934), “В мире слов” (1958), традицию которого продолжил в 1950-е гг. Л. В. Успенский (“Слово о словах”, “Загадки топонимики”, “Ты и твое имя”, “По закону буквы”, “По дорогам и тропам языка” и др.), а чуть позднее, конечно же, — Н. М. Шанский» [Приемышева 2022: 87–88].

⁵ Бабенко В. Т. Удивительные истории о словах самых разных: книга о том, что мы говорим, сами того не ведая. М.: ЛомоносовЪ, 2015. С. 7.

⁶ Шанский Н. М. В мире слов: пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1978. 319 с.

⁷ Шанский Н. М. Лингвистические детективы. 5-е изд., стер. М.: Дрофа, 2010. 524 с.

⁸ Шанский Н. М. Слова, рожденные Октябрем: книга для учащихся. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. 127 с.

⁹ Шанский Н. М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом: кн. для внеклассного чтения учащихся 8–10-х классов средних школ. М.: Просвещение, 1986. 157 с.

¹⁰ Голь Н. М. Жизнь замечательных слов, или Беллетризованная этимологическая малая энциклопедия. СПб.: Дом детской книги, 2020. (Первое издание книги с таким названием было адресовано младшим школьникам, последующие — школьникам среднего и старшего возраста.) В одном из заданий, предлагаемых ниже, будет использован этюд из этой книги.

³ См., напр.: Баско Н. В. Активные словообразовательные процессы в русском языке новейшего времени // Вопросы филологии. 2014. № 3–4 (48). С. 79–87; Конопкина Е. С., Лунина Т. П. Усечение как способ компрессивного словообразования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2(31). С. 107–111. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-31-107-111>; Корнеева Т. А. Этимологические особенности бесприставочных имен нулевой суффиксации в русском языке // Филология и культура. 2020. № 3(61). С. 68–71. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2020-61-3-68-71>; Николина Н. А. Висячий дефис и его употребление в современной речи // Русский язык в школе. 2015. № 11. С. 47–51. Назвать все работы, авторы которых обращаются к трудам Н. М. Шанского или опираются на его идеи, не представляется возможным, и целью данного перечисления является другое — обратить внимание современных учителей на то, что труды академика продолжают оставаться востребованными и актуальными.

русский язык?» М. Д. Аксенову, на обложке, а затем и в предисловии к которой автор предупреждает: «Истории о происхождении слов увлекательнее любого романа и таинственнее любого детектива»¹¹.

Внимание к слову, встретившемуся в художественном тексте и не нашедшему достаточного отражения в словарях русского языка либо вызвавшему сомнения в объективности его понимания и толкования, — это тоже продолжение лучших традиций отечественной лингводидактики, и именно они ложатся в основу современных исследований, например слова *овошенный*, звучащего в скромном монологе Хлестакова, героя всем известной комедии [Бондаренко 2019]¹². А мало ли таких слов, не очень понятных, странных, встречается нашим ученикам, когда они читают русскую классику или выполняют упражнения на уроках русского языка? Остановить их внимание на этих словах, показать, насколько интересно, хотя и непросто пройти путем обретения смысла неизвестного слова, его корней, его истоков — вот задача учителя. Ее решение является основой формирования функциональной грамотности и поисковых, исследовательских навыков обучающихся, развития лингвистической зоркости и мотивации к изучению русского языка — всего того, что диктуется в том числе официальными документами, регулируемыми современным учебный процесс. И методическую помощь в решении этих непростых задач способны оказать сегодня труды Н. М. Шанского, потенциал которых в этом плане безграничен.

Обсуждение. В рамках одной статьи представить в развернутом виде возможные способы применения лингвометодических идей Н. М. Шанского, отраженных в его публикациях, конечно, не представляется возможным. Варианты «преломления» этих идей, того, в каких формах на уроках русского языка можно творчески использовать

этот потенциал, учитель найдет, например, в статьях А. Д. Дейкиной и Т. А. Остриковой [Дейкина 2018; Острикова 2018].

Мы же рассмотрим варианты привлечения научно-популярных изданий Н. М. Шанского, в первую очередь книг «В мире слов» и «Лингвистические детективы»¹³, в которых «в занимательно-поучительной форме он освещал острые вопросы жизни слова» [Дейкина 2018: 10], этимологического словаря и школьного словаря фразеологизмов для подготовки занимательных заданий, в том числе в формате лингвистических разминок, целью которых является формирование интереса к русскому языку, возбуждение любопытства к изучаемому материалу, т. е. повышение мотивации обучающихся, остановимся на некоторых вариантах организации исследовательской деятельности.

Предлагаемые материалы можно использовать как при изучении конкретного раздела школьной программы, так и на этапе повторения изученного, а кроме того, на любом этапе обучения для расширения лексического запаса обучающихся, формирования навыка работы со словарями, исследовательских навыков, умения анализировать и синтезировать полученные сведения.

В V классе при изучении паронимов и синонимов можно обратиться к миниатюрам «Плагольные близнецы — *одеть* и *надеть*», «*Проверка и проверка*», «Чем существенные *порт*, *гавань* и *пристань* отличаются друг от друга», при изучении орфографии — к очеркам «Почему в слове *лестница* пишется буква *т*?», «Почему в глаголе *расспросить* два *с*», «О двух *л* в слове *аллея*», «*Расчеты и подсчеты*», «Почему глагол *отворить* пишется с одним *т*?». В дальнейшем материалы орфографических очерков можно будет использовать и для поиска ответов на морфемные и словообразовательные задачи.

В качестве лингвистической разминки можно с опорой на этимологический словарь готовить «чистые» лексико-семантические диктанты и диктанты с двойной функцией, например объединить орфографический (правописание гласных *о–ё* после шипящих в корнях слов) и лексикологический (лексическое значение слова) компоненты.

¹¹ Аксенова М. Д. Знаем ли мы русский язык? Книга первая. М.: Центрполиграф, 2016. С. 4.

¹² На основе данного исследования подготовлены материалы для разработки в VIII классе исследовательского проекта. См.: Бондаренко М. А. Русский язык. Проекты и творческие задания. 8 класс. М.: Просвещение, 2019. С. 97–103.

¹³ Выбор данных книг определяется в том числе тем, что к их электронным копиям есть свободный доступ через Интернет.

Задание. Запишите слова, опираясь на их буквальное значение¹⁴ и учитывая, что во всех словах есть орфограмма «Гласные о—ё после шипящих в корнях слов»: выдолбленное бревно; ткань из Китая; ручная мельница; короткие брюки; легко читаемый; прядь, падающая на лоб; такой, которым можно бить; съедобный плод.

Ответ. Жёлб, шёлк, жёрнов, шорты, чёткий, чёлка, чёрствый, жёлудь.

Аналогичные лексико-семантические диктанты можно предложить подготовить самим учащимся, используя при этом групповую форму работы и в качестве опорной книги — этимологический словарь (этимология как понятие рассматривается в шестом классе, но стоит познакомить с ним учащихся уже в пятом). Распределить учащихся по группам можно с использованием алфавитного принципа: каждая группа подбирает слова на определенную букву алфавита. При отборе слов учитель рекомендует обратить внимание на те слова, которые входят в орфографический минимум (вынесены на поля, есть в словаре в конце учебника), содержат в себе какую-либо «загадку», вызывают у обучающихся интерес.

Приведем пример подбора слов для таких диктантов и «по алфавиту», и в смешанном варианте. Последний диктант можно использовать с дополнительным заданием — записать слова по алфавиту. Разумеется, во всех случаях, когда учащиеся будут испытывать затруднение в отгадывании слов, им на помощь приходит учитель, предусмотрительно подготовивший материалы с опорой на словари (можно такую работу «по секрету» поручить заранее нескольким учащимся — каждому из них дать одно из слов).

Диктант «На букву Б». Борода на щеках; хижина из глины; небольшое возвышение; водяной бык; вода, прокипяченная с мясом.

Ответ. Бакенбарды, барак, барельеф, бегемот, бульон.

Диктант «Разгадай и запиши по алфавиту». Страж ворот; степное растение; голое, пустое место; ковш с дырками; употребляющий растительную пищу; увенчанный лавровым венком; время, когда живет хорошо; смолистое дерево; расщепленный на зубцы; отряд для охраны порядка.

¹⁴ Здесь и далее все буквальные значения взяты из книги: Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 398 с. (Шанский, Боброва — 1994).

Ответ. Голкипер, вереск, плешь, дурилаг, вегетарианец, лауреат, весна, сосна, чеснок, патруль.

Вегетарианец, вереск, весна, голкипер, дурилаг, лауреат, патруль, плешь, сосна, чеснок.

Для лингвистических разминок в **VI классе**, когда освоены понятия «заимствованные слова» и «этимология» (и в дальнейшем, в более старших классах), можно подготовить, например, такие задания с использованием этимологического словаря и материалов научно-популярных книг.

Задание 1. Найдите среди данных слов огурец и разберитесь с тем, где какое яблоко.

Дано: а) дыня; б) помидор; в) арбуз; г) апельсин.

Буквальные значения слов: 1) 'ослиный огурец'; 2) 'золотое яблоко'; 3) 'кидонское яблоко'; 4) 'китайское яблоко'.

Ответ. Арбуз — 'ослиный огурец'; яблоки: 2 — б; 3 — а; 4 — г.

Задание 2. Что любимо в каждом из слов? Какое исконное слово образуется от находящегося в этом ряду имени собственного?

Дано: философия, простофиля, филология, филантроп, ацидофилин, Филипп.

Ответ. Мудрость, простота, слово, человек, кислое, лошадь. Филя, иск. — 'любящий'.

Задание 3. Определите, какое значение объединяет группы слов и чем они различаются. Запомните значение, написание и произношение слов: 1) бельэтаж, бельведер, бельканто; 2) Монблан, бланманже, бланк.

Ответ: 1) «бель» — буквально 'прекрасный': прекрасный этаж; прекрасный вид; прекрасное пение; 2) «блан» — буквально 'белый': белая гора; белое кушанье; белый (чистый) лист.

Задание 4. Как связаны между собой слова капюшон, капот, капутино и капелла? В каких отношениях с ними исконное слово кепка?

Ответ. Все слова, независимо от того, из какого языка они пришли в русский (из итальянского или посредством французского), производны от лат. *sarra* — 'вид головного убора', даже капелла (хор), названная так «по схожести своей формы с головным убором, значение "хор" является переносом по смежности»¹⁵. Исконное слово кепка образовано от французского *keri*, также восходящего к *sarra*.

Дополнить данное задание можно словом капюцин, рассматривая его в обоих значениях ('монах', 'обезьяна'). Слово капот стоит проанализировать с учетом омонимии, поскольку капот в значении 'женское домашнее

¹⁵ Шанский, Боброва — 1994. С. 121.

платье свободного покроя, халат» (устар.) встречается учащимся в классических текстах¹⁶. Заинтересовавшихся вопросом, почему такие похожие и по облику, и по происхождению слова *капот*¹ и *капот*² рассматриваются как омонимичные, адресуем к этимологическому словарю, где будет указано их разное время заимствования¹⁷.

Понятие омонимии можно закрепить в **VI классе** при изучении диалектизмов и архаизмов на примере слова *бурак*, которое, как правило, используется при освоении первого термина. Материал для размышления найдем в очерке Н. М. Шанского «Что было у Плюшкина»: «...слово *бураки* — вовсе не название свеклы (ведь у Гоголя они “из плетеной берестки”), а “корзиночки, туюски”¹⁸ и предложим исследование с использованием различных словарей (его можно провести и в IX классе при чтении «Мертвых душ», и на этапе повторения в конце учебного года). Не забудем обратиться к Словарю В. И. Даля, где слово *бурак* представлено достаточно оригинально: в южных говорах — в обоих указанных у Шанского значениях; в тверском — как короб и хлопушка с зарядом пороха; в московском — одиночная каморка в тюрьме (остроге)¹⁹. Для того чтобы убедиться в том, что оба эти слова «не забыты» и современными словарями, предложим учащимся найти их, например, на портале «Грамота.ру» (там они даны с пометой «нар.-разг.») или в Малом академическом словаре, оцифрованном для сайта Фундаментальной электронной библиотеки — ФЭБ (имеют помету «обл.»). Интересно также сравнить эти словарные статьи со статьями в словаре Д. Н. Ушакова²⁰, где слово это дано как многозначное: «БУРАК, а, м. 1. Красная свекла (обл.). 2. Одна из фейерверочных фигур.

3. Круглый коробок из бересты (обл.)»²¹. Словарь современного русского литературного языка включает три статьи со словом *бурак*: первое, с пометой *обл.*, — «свекла»; второе, с пометой *уст.*, — многозначное, помимо значения «берестяной короб» имеет также значение «твердое, негнувшееся голенище сапога»; третье, с пометой *уст.*, — «гильза с пороховым зарядом»²².

Если предложить более детальное исследование данного слова, то стоит обратиться также к Словарю омонимов русского языка, где *бурак* — «свекла», *обл.*, сопоставлено с укр. *бурак*, а *бурак* — «короб», *обл.*, сопровождается таким указанием: «[От швед. *burk* — банка, коробка]»²³.

Материалы, полученные в результате работы со словом *бурак*, могут быть предложены учащимся для сопоставительного анализа, самостоятельной формулировки вопросов, осмысления того, почему слово *бурак* присутствует практически во всех словарях, хотя является диалектным словом, а сама работа может быть оформлена как проектно-исследовательская.

Интересны также истории слов, недавно заимствованных (*дайджест*, *хит*, *бренд*, *имидж*, *допинг*, *уикенд*, *кутюрье*), возвратившихся в употребление из категории устаревших (*бомонд*), получивших новое звучание (*эксклюзивный*) и, конечно, привычных, но открывающихся с необычной стороны. Они представлены в книге «Жизнь русского слова»²⁴ и могут стать предметом различных занимательных заданий, в том числе подготовленных самими учащимися. Поскольку названная книга адресована старшеклассникам, можно предложить им подготовить задания для ребят более младшего возраста в процессе своего рода «педагогической практики» с привлечением их к урокам, посвященным соответствующим темам. Вот несколько примеров²⁵.

²¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М., 1935. Стлб. 205.

²² Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 1. М., 1991. С. 825.

²³ Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. 3-е изд., стереотип. М., 1986. С. 30.

²⁴ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Жизнь русского слова: кн. для старшеклассников. М.: Вербум-М, 2006. 398 с. (Шанский, Боброва — 2006).

²⁵ Задания подготовлены с использованием и ранее названных книг.

¹⁶ См., например: Маша укуталась шалью, надела теплый *капот*, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо (А. С. Пушкин. Метель); Надев приготовленный *капот* и чепчик и облокотившись на подушки, она до самого конца не переставала разговаривать с священником (Л. Н. Толстой. Детство).

¹⁷ Шанский, Боброва — 1994. С. 122.

¹⁸ Шанский Н. М. Лингвистические детективы. 5-е изд., стер. М.: Дрофа, 2010. С. 333.

¹⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 142.

²⁰ Словарь Ушакова также представлен в ФЭБ.

Задание 1. Укажите название косметического средства, буквально значащее 'вода из Кёльна'.

Ответ. *Одеколон*.

Задание 2. В чем разница между словами *ЭВМ* и *компьютер*? Какое из них продуктивно в плане словообразовательного потенциала? Докажите свое мнение.

Ответ. Это слова-синонимы. *ЭВМ* — исконное сложносокращенное, сейчас может рассматриваться как архаизм; *компьютер* — заимствованное, от него образуются с помощью исконных морфем слова *компьютерный*, *компьютеризировать*, *компьютерщик* и др.

Задание 3. Какое слово вытеснило *шлягер*?

Ответ. *Хит*.

Задание 4. Вы сторонник использования исконных слов. Замените синонимами слова *кутюрье*, *портмоне*, *дайджест* и *корректный*.

Ответ. *Портной*, *кошелек*, *обзор*, *правильный*.

Задание 5. Где в понедельник спрятался «день отдыха»? Загляните в корень и подумайте, какой у слова исторически морфемный состав.

Ответ. Исходно *неделя* — 'день, когда ничего не делают', поэтому этимологический морфемный состав *по-не-дель-ник*; приставка *по-* в значении 'после' — после дня, когда ничего не делали. В русском укоренилось слово *воскресенье*, а в других славянских языках в этом значении употребляется общеславянское *неделя*: *чеш.* *neděle*; *польск.* *niedziela*; *хорв.* *nedjelja*; *болг.* *неделя* и др.

Задание 6. Что общего между фамилиями *Воробьев* и *Врубель* и между *косметикой* и *космосом*?

Ответ. У слов исторически одинаковые корни. У первых двух они славянские, а у двух вторых — греческие. *Воробей* — это по-русски, а по-польски — *wróbel*, от этих слов и образованы фамилии. У слов *косметика* и *космос* один и тот же исходный греческий корень — *kósmos* 'порядок'.

Старшеклассники могут подготовить задания и для уроков литературы, посвященных русской классике, в виде лингвистического тренинга или викторины в формате медленного чтения (выше уже был дан пример употребления слова *капот* в повести «Метель»; дополнить ряд не очень понятных шестиклассникам слов из этой повести можно словами *бостон*, *отставной заседатель*, *тульская печатка*, *дражайшие родители* и др.). Разумеется, в работе такого плана будут использоваться разные источники.

Таким образом, в работе с подобными заданиями можно максимально задействовать основные лексикологические понятия: лексическое значение, однозначность

и многозначность слов, прямое и переносное значение, происхождение слов, сфера употребления, пассивный и активный лексический запас, синонимия, антонимия, омонимия, словарная помета, использовать разные виды словарей, в том числе в формате их сопоставления.

Следующее задание имеет иной характер. Это сопоставление статьи из этимологического словаря и подготовленного на ее основе научно-популярного текста. Учащимся предлагается сначала провести сопоставление структуры и содержания текстов, использованного в них фактического материала, затем рассмотреть стилистические свойства каждого — определить, какие языковые особенности характерны для научно-справочного описания слова и представления его в научно-популярном сочинении.

Этимологический словарь	Научно-популярный текст
ЩЁГОЛЬ. Искон. Возникло на основе <i>щегол</i> как названия птицы с пестрым, ярким оперением. Ср. подобные переносы названия с птицы на человека, характерные для слов <i>гусь</i> , <i>ворона</i> , <i>орел</i> , <i>пава</i> , <i>голубь</i> и др. ²⁶	ЩЁГОЛЬ. Когда человек прихорошится, придется его называют щеголем. А еще говорят, что он перышки почистил. Как про птицу какую-нибудь. Для этого есть все основания. Ведь когда-то они назывались совсем одинаково — модник (щеголь) и птичка с ярким пестрым оперением (щегол). Подобное до сих пор и с некоторыми другими птицами бывает. «Ну ты и ворона!» — говорят про человека рассеянного. «Ну ты и гусь!» — про хитрого. Не удивляйтесь этому, орлы! ²⁷

²⁶ Шанский, Боброва — 1994. С. 381.

²⁷ Голь Н. М. Жизнь замечательных слов, или Беллетризованная этимологическая малая энциклопедия. СПб.: Дом детской книги, 2020. С. 146. Для подбора материала и проведения аналогичного анализа-сопоставления можно воспользоваться оцифрованной копией другой книги Н. Голя — «Занимательного этимологического словаря», к которому есть доступ на портале «Культура письменной речи» (gramma.ru) в рубрике «Справочный раздел».

Одна из задач, которую мы ставим перед учащимися, — увидеть, как научные данные «переведены» на популярный язык изложения, убедиться в том, что имеющихся в словарной статье сведений вполне достаточно, чтобы создать текст другого, занимательного типа. Остается «подключить» свои творческие способности.

Интересующимся орнитологией можно предложить и дополнительное задание: подготовить материал, иллюстрирующий устоявшуюся в этимологии точку зрения на то, что слово *щёголь* в значении ‘франт, модник’ возникло на основе названия птицы семейства вьюрковых (подотряд певчих воробьиных), а не образовано путем переноса значения слова *щёголь* — птицы из семейства бекасовых (подотряд куликов). И сам материал можно назвать, позаимствовав у Шанского манеру называть лингвистические миниатюры, например: «Чем различаются эти пернатые — *щёголь* и *щегол*?» или «Еще немного о *щёголе* и *щегле*».

Материалы проведенного в классе сопоставления могут стать основой для разработки коллективного проекта — книжки занимательных историй, придуманных самими учащимися, о происхождении слов. В основу создаваемых историй лягут словарные статьи из этимологического или фразеологического словаря. В качестве материала для сопоставления фразеологического оборота в словаре и в популярном издании станут новеллы, составившие раздел «Лингвистических детективов» — «Среди фразеологизмов»²⁸. Приведем материалы для работы такого типа.

Статья из фразеологического словаря
С гулькин нос. <i>Шутл.</i> Очень мало; очень мал, невелик. <i>Собств. русск.</i> Букв. «с голубиный клюв». <i>Гуля (ласк.)</i> — голубь²⁹.

²⁸ В книге Н. М. Шанского «В мире слов» раздел называется «В стране фразеологических оборотов».

²⁹ Школьный фразеологический словарь русского языка: значение и происхождение словосочетаний / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2001. С. 208.

Лингвистическая новелла
С гулькин нос о с гулькин нос Вы никогда не задумывались, почему этот оборот имеет именно такое значение? Очень просто. Ведь буквально выражение <i>с гулькин нос</i> обозначает «с голубиный (очень маленький) клюв». Предлог <i>с</i> указывает на употребление по размеру (ср. <i>сам с ноготок</i>). А слово <i>гулькин</i> является притяжательным прилагательным от <i>гулька</i> «голубь», в свою очередь образованного с помощью суффикса <i>-к(а)</i> от <i>гуля</i> того же значения. Слово же <i>гуля</i> как название голубя возникло на базе звукоподражательного подзывания <i>гуль-гуль</i>³⁰.

Работа со вторым текстом в связи с другими законами его построения в сопоставлении с первым может быть дополнена анализом заголовка; определением функционально-смыслового типа речи; характеристикой использованных конструкций (в том числе вопросно-ответной формы), лингвистических терминов; средств связи между предложениями (союзы, частицы, повтор слов, видо-временные формы глаголов и др.).

Новеллы Н. М. Шанского, посвященные фразеологизмам, способны значительно образом оживить учебный процесс и при освоении соответствующего раздела программы, и в дальнейшем. При этом формы их использования могут быть разными: краткий пересказ самостоятельно прочитанной миниатюры, подготовленные учащимися на их основе вопросы-загадки, разыгрывание диалога, подбор дидактического материала и др.

В работе с такими текстами можно предложить и «обратный» перевод лингвистических новелл: учащиеся, имея опыт анализа статей этимологического и фразеологического словарей, зная особенности их построения, могут получить задание создать соответствующую статью на основе прочитанной новеллы. Работу можно организовать как парную или групповую, со взаимной оценкой получившихся работ, с выбором на конкурсной основе лучшей словарной статьи с предварительно коллективно разработанными критериями оценки.

Желательно, чтобы учащиеся смогли увидеть, что в разных словарях одни и те же языковые единицы могут быть

³⁰ Шанский Н. М. Лингвистические детективы. 5-е изд., стер. М.: Дрофа, 2010. С. 165.

представлены по-разному, чтобы понять, что научный текст — это тоже творчество, творчество ученых, его создающих. Для иллюстрации используем такие статьи.

Школьный фразеологический словарь	Учебный фразеологический словарь
Как белка в колесе (вертеться). Быть в беспрестанных хлопотах, заботах, много суесться. <i>Собств. русск.</i> Из басни И. А. Крылова «Белка» (1833). Белка, посаженная в колесо-клетку, своим бегом вертит его, а сама нисколько не продвигается вперед³¹	Вертеться [крутиться, кружиться] как белка в колесе, только <i>нсв</i>; употр. <i>во всех формах</i>. Обычно <i>сказ.</i> Употр. при подл. со значением лица. <i>Разг.</i> Быть в постоянных заботах, занятиях, хлопотах. Син.: вертеться [кружиться] колесом (<i>разг.</i>); как [словно, точно] в котле кипеть (<i>разг.</i>); вертеться волчком (<i>разг.</i>)³²

Задание. Объясните использованные в текстах статей пометы. Выделите в каждой статье информацию, которой нет в другой статье. Выводы оформите в виде небольшого сочинения на лингвистическую тему.

Продолжением работы с представленным фразеологизмом может стать лингвистическое лото на основе фразеологических выражений из басен И. А. Крылова. В карты лото включены названия басен, например: «Квартет», «Лебедь, Щука и Рак», «Лисица и виноград», «Кот и Повар», «Любопытный», «Волк и Лисица», «Лжец», «Ларчик», «Пустынник и Медведь», «Слон и Моська»; «Мышь и Крыса», «Скворец» и др. На карточках, которые в произвольном порядке (здесь даны последовательно, в соответствии с названием басен в приведенном перечне) читаются ведущим, содержатся цитаты из басен: «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь»; «А воз и ныне там»; «Хоть видит око, да зуб неймет»; «А Васыка слушает да ест»; «Слона-то я и не приметил»; «Охотно мы дарим, что нам не надобно самим»; «Римский огурец»; «А ларчик просто открывался»;

«Услужливый дурак опаснее врага»; «Без драки попасть в большие забияки»; «Сильнее кошки зверя нет»; «Пой лучше хорошо щегленком, чем дурно соловьем».

Материал такого характера может быть использован не только при изучении или повторении фразеологии, но и при работе над средствами выразительности языка, в том числе при анализе фигур контраста, например антитезы, чему примером является последнее из приведенных выражений, хотя у Крылова, разумеется, не единственное (см.: «Орел и Куры»: «Орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда до облак не подняться»; «Воспитание Льва»: «Великий зверь на малые дела»). Разумеется, в данную работу следует включить анализ и других фразеологизмов, в том числе использованных в миниатюре Н. М. Шанского «Черным по белому о выражении *черная кошка пробежала*». В названии этом интересны не только сами фразеологизмы, но и умение употреблять их в речи.

Отталкиваясь от данной миниатюры, можно сформулировать и задание для исследовательской работы учащихся по поиску и группировке зоонимов во фразеологизмах. В работе рекомендуется по возможности использовать словарь фразеологизмов с этимологическими сведениями, чтобы развести исконные фразеологизмы и заимствованные. Это особенно полезно на этапе обучения в старших классах гуманитарного профиля, поскольку при рассмотрении происхождения выражений приведено достаточно много сведений, которые дополняют школьную программу такими, например, понятиями, как *калька* и *полукалька*³³. Вот небольшая иллюстрация: «**Какая-то муха укусила кого-л.** Что-то случилось непонятное с кем-л. *Калька* с франц. *Quelle mouche vous piqué?* С XVIII—XIX в.»³⁴; «**Взять реванш.**

³³ Данные понятия многократно использованы Н. М. Шанским и за пределами словарей — в «Лингвистических детективах», в книгах «В мире слов», «Жизнь русского слова» в материалах, связанных с заимствованием слов и фразеологизмов.

³⁴ Школьный фразеологический словарь русского языка: значение и происхождение словосочетаний / Н. М. Шанский, В. И. Зимин,

³¹ Там же. С. 94.

³² Учебный фразеологический словарь русского языка / А. Н. Тихонов, Н. А. Ковалева. М.: Айрис-Пресс, 2014. С. 59. Статья дана в сокращении: опущена заключительная часть с двумя примерами употребления фразеологизма.

Отыгаться, победить после поражения. *Полукалька* с франц. *prendre sa revanche*. С XVIII — нач. XIX в. Реванш — “месть”³⁵.

С данными понятиями полезно познакомиться и шестиклассников, используя для этого адаптированное объяснение, например такое: *калька* — пословный перевод заимствуемого выражения на русский язык, *полукалька* — перевод не всего выражения, а только его части. Эти понятия могут вызвать интерес учащихся при изучении словообразования, поскольку калькирование — один из способов заимствования, представленный в русском языке, что хорошо иллюстрируется сложными словами, имеющими русские корни. Работа с такими словами — это фактически небольшие исследования, которые требуют привлечения и этимологического словаря, и двуязычных словарей.

Представим два задания, которые можно предложить учащимся.

Задание 1. Почему слова *азбука*, *жизнеописание*, *правописание* (греч.); *небоскреб* (англ.); *земледелие* (лат.); *глазомер* (нем.) — это кальки (указаны языки заимствования), а слова *телевидение* и *стихотворец* — полукальки?

Для доказательства переведите эти иностранные слова: греч.: *alphabētos* (αλφάβητο), *biographia* (βιογραφία), *orthógraphia* (ορθογραφία), *stichos* (στίχος), *tēle* (τήλε); англ.: *skyscraper*; лат.: *argicultura*; нем. *Augenmaß*.

Задание 2. Какое из имен героинь известной сказки братьев Гримм в русском переводе — *Белоснежка* или *Краснозорька* — является калькой? (На немецком сказка называется «Schneeweißchen und Rosenrot», дословно переводится как «Белоснежка и Алоцветик».)

При изучении способов словообразования школьный объем сведений можно расширить за счет остающихся за пределами программы способов образования слов, в современном языке весьма продуктивных (см. подробнее: [Николина 2021]) — универбации и усечения, тем более что «усечения в современной речи представлены в разных тематических группах, отражающих различные сферы человеческой деятельности» [Конопкина 2019: 82]

и активно используются в речи молодого поколения. Для старшеклассников можно предложить исследование таких явлений, как гаплоглогия и редеривация (обратное словообразование).

Достаточно много интересных сведений о названных понятиях можно найти у Н. М. Шанского, например в очерках и миниатюрах «В пути слово *электричка*», «О слове *дояр* и обратном словообразовании», «Как же все-таки сейчас образуются новые слова»³⁶, «Почему в слове *гаплоглогия* нет гаплоглогии», «Что было раньше — *фляга* или *фляжка*», «*Баки*, *дупель*, *Каспий* и другие», «Вкратце об именах собственных Евангелия»³⁷; «*Зина*, *Мила*, *Лиза* и другие»³⁸ и др.

Приведем примеры заданий, которые можно использовать для иллюстрации усечения и универбации, опираясь на известные учащимся способы образования (сложение с сокращением; сокращение с суффиксацией). Модель, по которой создаются сокращенные слова (по типу аббревиации) с одним корнем, учащимся должна быть понятна: *спец* (от *специалист*), *препод* (от *преподаватель*). Универбацию, т. е. превращение словосочетания в слово — сжатие/стяжение оборота в слово с использованием суффикса, чаще всего *-к(а)* — можно проиллюстрировать с помощью таких примеров: «зачетная книжка → зачетка, электрический поезд → электричка»³⁹.

Задание 1. Опираясь на предложенные образцы усечения, определите, усечением каких элементов (частей) слов образованы интимные формы личных имен *Толя*, *Клава*, *Слава*, *Ася*, *Боря*, *Мила*, *Варя*, *Леша* и вашего имени.

Александр → *Алексаша* → *Саша* → *Еашура* → *Шура*⁴⁰; *Елена* → *Лена*; *Анастасия* → *Настя*; *Михаил* → *Миша*.

³⁶ Шанский Н. М. Слова, рожденные Октябрем: книга для учащихся. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. С. 83, 94, 117.

³⁷ Шанский Н. М. Лингвистические детективы. 5-е изд., стер. М.: Дрофа, 2010. С. 78, 102, 112, 194.

³⁸ Шанский, Боброва — 2006. С. 239.

³⁹ Шанский Н. М. Слова, рожденные Октябрем: книга для учащихся. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. С. 123.

⁴⁰ См.: Шанский Н. М. Лингвистические детективы. 5-е изд., стер. М.: Дрофа, 2010. С. 204.

Задание 2. Восстановите слова, от которых в разговорной речи образовались такие усеченные варианты: *мерс, комп, бутер, универ, ноут, инет/нет, абитура, литра, Афган, Питер, Сбер, чел, деза, клавиа* (клавиатура), *шпора, заява*.

В каких из этих слов усечена середина?

Ответ. *Литкультура, интернет*.

Какие еще усеченные слова вы встречали в речи?

Задание 3. Чем от слов, составивших задание 2, отличаются слова: *телик, велик, мультик, общага, племяш*?

Ответ. Добавляется суффиксация.

Задание 4. Произведите анализ слов, образованных стяжением словосочетаний (образец: *наличка* ← *наличные средства*). Найдите слово, в котором при стяжении материально выраженный суффикс не используется.

Минералка, продленка, вечерка, методичка, манка, сгущенка, стеганка, анонимка, личка, Третьяковка, Александринка, ветрянка, многотиражка, неотложка, выделенка, мобила, сменка, кредитка.

Подберите слова, образованные аналогичным способом, которые встречались вам в речи. Проверьте все слова на то, какие из них фиксируются в толковых словарях. Если фиксируются, то какими сопровождаются пометами.

А теперь немного поэкспериментируйте: придумайте сами слова такого типа, составьте с ними предложения. Не забудьте учесть, для какой функциональной разновидности языка более всего характерны такие слова.

Задание 5. Определите способ образования каждого из слов и найдите слово, в образовании которого присутствует усечение.

Подвода, подножка, подставка, подполковник, подсказка, подъезд, подлодка, подстаканник, подтекст.

Ответ. *Подлодка* ← *подводная лодка*.

Задание 6. Чем похожи слова *самбо* и *завуч*; *самбо* и *универсам*?

Ответ. 1. В словах *самбо* и *завуч* использован слоگو-звуковой способ сокращения. 2. В обоих сложносокращенных словах есть корень *-сам-* — из *самообороны* и *самообслуживания*⁴¹.

Задание 7. Найдите слова, которые подверглись гаплогонии (упрощению за счет выпадения одного из подобных слогов), и те, которых данная процедура не затронула, хотя и должна была бы.

Филология, знаменосец, трагикомедия, военачальник, гаплогония, дикобраз, орденосец, некрасовед, миноносец, противовоздушный, минералогия.

Задание 8. В каждой группе найдите слова, при образовании которых происходит гаплогония, проявляющаяся в наложении (совмещении) морфем.

1. *Лысоватый, коричневатый, кудреватый, розоватый, щеголеватый, сиреневатый, синеватый, молодцеватый, светловатый*.

2. *Лоббизм, либерализм, вещизм, крутизна, таксист, регбист, телеграфист, юморист, березняк, сосняк, сыщик, помещик, сборщик*.

3. *Манговый, сливовый, курский, брянский, кавказский, ростовский, губчатый, рассыпчатый, бревенчатый, перепончатый*.

Подготовка заданий такого характера не только полезна, но и увлекательна, причем дает возможность проявить творческие способности и самому учителю, и учащимся, у которых в результате такой деятельности не только развивается лингвистическое чутье, формируются исследовательские навыки, но и появляется вкус к занятиям подобного рода. И нам, чтобы не лишать удовольствия читателей самим испытать родниковой воды из наследия Николая Максимовича Шанского, приходится остановиться почти в начале движения по этой дороге из желтого кирпича, ведущей в Изумительный мир, созданный ученым, и буквально в нескольких словах обозначить некоторые вехи на этом пути.

В VII классе весьма полезно обратиться к главе, которая посвящена междометиям («По следам междометий»⁴²), найти сведения о звукоподражательных словах⁴³, «собрать» в рамках специального исследования интересные факты о словах, восходящих к звукоподражаниям.

В VIII классе можно провести исследование текста «Лингвистических детективов» на предмет языковых особенностей, характерных для этой книги, в том числе используемых автором средств языковой выразительности (в частности, сформулировать задание по подбору используемых Н. М. Шанским метафор), чтобы сделать вывод о том, за счет чего научный материал,

⁴² Шанский Н. М. В мире слов: пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1978. 319 с.; Шанский Н. М. Лингвистические детективы. 5-е изд., стер. М.: Дрофа, 2010. 524 с.

⁴³ Статья «Звукоподражательные слова»: Шанский, Боброва — 2006. С. 137–139.

⁴¹ Шанский, Боброва — 1994. С. 334.

представленный в книге, становится занимательным, интересным и понятным читателю.

В IX классе можно предложить подготовить проектную работу, связанную с рассмотрением неоднозначной трактовки выражении *Александрйский столп* в стихотворении А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», с учетом точки зрения Н. М. Шанского: «Совершенно несомненно, что словосочетание *Александрйский столп* у Пушкина означает Александрйскую колонну, т. е. Помпееву колонну в Александрии... Об этом говорят не только языковые правила и нормативное производное с суффиксом *-ск-* от *Александрия*, но и характер сравнения памятника как “чудесного” (нерукотворного) с одним из семи чудес света античных времен...» [Шанский, Махмудов 1999: 198]⁴⁴.

Раздел «Слово и художественный текст»⁴⁵ стоит рассмотреть в качестве своеобразного проводника — помощника в непростом для современного юного читателя постижении русской классики, для проникновения в мир писателя через пристальное, «под микроскопом»⁴⁶, внимание к слову, в том числе для достижения такого предметного результата, как умения выявлять особенности языка художественного произведения⁴⁷ в процессе его осознанного, неформального анализа. Образцы именно такого подхода и представлены в работах Н. М. Шанского. Старшеклассникам, осваивающим филологический профиль, на примере материалов, входящих в этот раздел книги, можно предложить провести

исследование в рамках темы «Поэтические вольности и (или) стилистические архаизмы» в творчестве выбранного ими поэта.

Заключение. Как уже было отмечено выше, немислимо, а в определенной мере и неоправданно перечислить все возможные варианты использования идей и трудов Н. М. Шанского. Но мы уверены, что они остаются одним из неиссякаемых источников для учителя русского языка, способных оказать значительную помощь в формировании значимых компетенций современных учащихся, найти в процессе преподавания русского языка подходы к достижению личностных, предметных и метапредметных результатов обучения, которые сформулированы в обновленном федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования, а помимо этого, готовят каждому, кто к этому источнику прикасается, и множество «открытий чудных».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев Б. Г. Филологический анализ художественного текста как метод обучения и воспитания // *Образование и общество*. 2017. № 5–6 (106–107). С. 16–21.
2. Бондаренко М. А. Товар суровский, шепетильный, москательный, овошенный... // *Русская речь*. 2019. № 4. С. 67–76. <https://doi.org/10.31857/S013161170005363-8>.
3. Дейкина А. Д. Значение лексикографических трудов Н. М. Шанского для современной методики преподавания русского языка // *Современное русское языкознание и лингводиактика: сб. научных трудов, посвященный 95-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского* / научн. ред. В. В. Никульцева. М.: МФЮА, 2018. С. 8–12.
4. Конопкина Е. С. Тематические группы усечений в современной русской речи // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. № 3. С. 79–84.
5. Николина Н. А. Типы дериватов-усечений в современной русской речи // *Русский язык в школе*. 2021. Т. 82, № 3. С. 69–74. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-3-69-74>.
6. Острикова Т. А. Николай Максимович Шанский — современному учителю русского языка и литературы // *Современное русское языкознание и лингводиактика: сб. научных трудов, посвященный 95-летию со дня рождения*

⁴⁴ Материалы для данного проектного задания см.: Бондаренко М. А. Русский язык. Проекты и творческие задания. 9 класс: учебное пособие для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение, 2019. С. 39–62.

⁴⁵ Шанский Н. М. Лингвистические детективы. 5-е изд., стер. М.: Дрофа, 2010. 524 с.

⁴⁶ Материалы книги Н. М. Шанского «Художественный текст под лингвистическим микроскопом» 1986 года издания вошли в качестве главы в «Лингвистические детективы», в том числе и в форме заданий под рубрикой «Решите сами».

⁴⁷ Примерная рабочая программа основного общего образования предмета «Литература». М.: ИСРО РАО, 2021. С. 27.

академика РАО Н. М. Шанского / научн. ред. В. В. Никульцева. М.: МФЮА, 2018. С. 13–18.

7. Приемышева М. Н. Ученый, просветитель, новатор... (к 100-летию со дня рождения Н. М. Шанского) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 85–92. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-85-92>.

8. Шанский Н. М., Махмудов Ш. А. Филологический анализ художественного текста. СПб.: Специальная литература, 1999. 319 с.

REFERENCES

1. Bobylev B. G. Philological analysis literary text as a method of education and upbringing. *Obrazovaniye i obshchestvo = Education and society*. 2017;5–6(106–107):16–21. (In Russ.)

2. Bondarenko M. A. Product surovsky, shepetilny, moskatelny, ovoshenny... *Russkaya rech = Russian Speech*. 2019;4:67–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013161170005363-8>.

3. Deikina A. D. The value of the lexicographic works of N. M. Shansky for modern methods of Russian teaching. *Sovremennoye russkoye yazykoznanie i lingvodidaktika: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 95-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAO N. M. Shanskogo = Modern Russian linguistics and linguodidactics: Collection of scientific papers dedicated to the 95th anniversary of the birth of Academician of the Russian Academy of Education N. M. Shansky*. Moscow: MFLA. 2018. P. 8–12. (In Russ.)

4. Konopkina E. S. Thematic groups of truncations in the modern Russian speech. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:*

Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2019;3:79–84. (In Russ.).

5. Nikolina N. A. The types of truncated derivatives in contemporary Russian speech. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021;82(3):69–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-3-69-74>.

6. Ostrikova T. A. Nikolay Maksimovich Shansky for the modern teacher of Russian and literature. *Sovremennoye russkoye yazykoznanie i lingvodidaktika: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 95-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAO N. M. Shanskogo = Modern Russian linguistics and linguodidactics: Collection of scientific papers dedicated to the 95th anniversary of the birth of Academician of the Russian Academy of Education N. M. Shansky*. Moscow: MFLA. 2018. P. 13–18. (In Russ.)

7. Priemysheva M. N. Scientist, enlightener, innovator... (to mark N. M. Shansky's centenary anniversary). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(6):85–92. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-85-92>.

8. Shansky N. M., Makhmudov Sh. A. Philological analysis of a literary text. St. Petersburg: Special Literature. 1999. 319 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марина Анатольевна Бондаренко, кандидат педагогических наук, профессор

Marina A. Bondarenko, Candidate of Sciences (Pedagogy), Professor

Статья поступила в редакцию 09.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 21.09.2022.

The article was submitted 09.05.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 21.09.2022.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-25-34>

О междисциплинарном подходе к изучению концептов в школе

Мстислав Исаакович Шутан

Нижегородский институт развития образования, г. Нижний Новгород, Россия, mshutan@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0745-9020>

Аннотация. В статье на примере учебного занятия, посвященного работе с концептом «слог», раскрывается сущность междисциплинарного подхода, предполагающего ослабление границ между предметами в рамках образовательного процесса. Этот концепт создает условия для реализации принципа междисциплинарности, потому что, во-первых, он входит в терминологические системы как лингвистики, так и литературоведения. Во-вторых, работа с ним невозможна без актуализации лингвостилистических понятий, общих для этих двух филологических наук – лингвистики и литературоведения. Одиннадцатиклассники, решая поставленные учителем задачи, приближаются к постижению филологии как глобальной системы, что обусловлено их вниманием не только к лексическому значению слова-концепта, но и к тем смыслам, которые он выражает в разных контекстах, в том числе и литературно-художественных. В статье характеризуются этапы деятельности школьников (лексическая работа по разграничению омонимов, анализ и конструирование словосочетаний и предложений, комментирование афоризмов, анализ фрагментов из произведений А. С. Пушкина и Б. А. Ахмадулиной, идентификация предложенных микротекстов представителей поэзии Серебряного века, осмысление филологического текста как способ обобщения, творческое задание). При этом акцентируется внимание на тех видах деятельности учеников, которые являются общими для уроков русского языка и литературы.

Ключевые слова: междисциплинарность, концепт, лексическое значение, смысл, образ, текст, лингвистика, литературоведение, лингвостилистический анализ, идентификация

Для цитирования: Шутан М. И. О междисциплинарном подходе к изучению концептов в школе // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 25–34. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-25-34>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

On an interdisciplinary approach to studying concepts at school

Mstislav I. Shutan

Nizhny Novgorod Institute of Educational Development, Nizhny Novgorod, Russia, mshutan@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0745-9020>

Abstract. The paper uses the example of a learning session which focused on working with the concept of 'syllable' to reveal the essence of the interdisciplinary approach. The method involves blurring or even obliterating the boundaries between subjects within the framework of the educational process. This concept creates conditions for the implementation of the principle of interdisciplinarity, since, firstly, it belongs to the terminological systems of both linguistics and literary criticism. Secondly, it is impossible to apply this principle without updating the linguo-stylistic concepts common to both philological sciences. Students of the 11th form completing the tasks assigned by the teacher approach the comprehension of philology as a global system. This development is determined by their attention not only to the lexical meaning of the lexical concept, but also to the meanings that it expresses in different contexts, including literary and artistic ones. The paper characterises the stages of schoolchildren's activity which involves lexical work aimed at the differentiation of homonyms, completing the tasks of analysing and constructing phrases and sentences, commenting on aphorisms, analysing fragments from A. S. Pushkin's and B. A. Akhmadullina's works. Additionally, students have to do the assignment of identifying the offered microtexts written by poets of the Silver Age, understand the philological text as a way of generalisation, perform a creative task. At the same time, attention is focused on those types of students' activity that are common Russian language and literature lessons.

Keywords: interdisciplinarity, concept, lexical meaning, meaning, image, text, linguistics, literary criticism, linguo-stylistic analysis, identification

For citation: Shutan M. I. On an interdisciplinary approach to studying concepts at school. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(6):25–34. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-25-34>.

Введение. Особенность уроков, посвященных изучению концептов, обуславливается тем, что, наряду со «значимостным» компонентом, отражающим инкорпорированность концепта в лексическую систему языка, в их содержание обычно входит «образная составляющая, включающая культурно значимые символические и ценностные смыслы» [Мишатина 2022: 52]. В этом случае очевидна интеграция предмета «Русский язык» с предметом «Литература». В связи с этим Н. Л. Мишатина выдвигает идею филологизации содержания предмета «Русский язык», которая понимается «как “выход” за пределы лексики как системы в область языковой картины мира и концептосферы культуры (т. е. в область концепта, его прецедентных текстов и литературных образов)» [Там же: 72].

Работа с концептами — один из способов реализации идеи текстоцентризма в преподавании в школе филологических дисциплин, так как продуктом анализа текста становится выявление смыслов: «Понимание смысла слова достигается систематическим обращением к тексту, где активная функция ключевых слов проявляется в контекстном окружении, которое помогает проявлять и связывать с другими словами ценностные смыслы исследуемого слова», а «уточнить смысл, переданный словом, — необходимое качество познающей русский язык личности» [Дейкина 2017: 121–122].

В эту логику органично вписывается и принцип соизучения языка и культуры (Л. А. Ходякова), способствующий «формированию и развитию языковой, коммуникативной и культуроведческой компетенций школьников в единстве» [Богданова 2022: 23]. В ходе урока, на котором реализуется названный выше принцип, используются художественные и культуроведческие тексты, осуществляется работа над словом, выделяются культуроведческие лексемы, обогащаются знания учащихся о способах выражения эмоций в языке, о культурных традициях прошлого, презентуются произведения живописи и музыки, становящиеся источником речевой деятельности школьников [Там же: 22]. Причем особую значимость приобретают приемы активизации фоновых культурных знаний, к которым, в частности, относится «смысловая антиципация»

(предвосхищение содержания текста), «ассоциативное поле» (создание нестандартных связей, возникающих на слово-ассоциат), «лингвистическое расследование» (самостоятельное исследование источников информации), «карта активного мышления» (выявление смысловых акцентов и связей, сосредоточенных в ключевых словах текста) [Ходякова, Супрунова 2017: 9].

Идея интеграции предметов связана с понятиями «трандисциплинарность» и «междисциплинарность».

Если при трандисциплинарном подходе рождается *новое качество*, ибо такой подход предполагает существование глобальной системы, без строгих границ между дисциплинами (Жан Пиаже), то при междисциплинарном подходе к решению той или иной проблемы граница между дисциплинами остается, но фиксируется некое объединяющее их начало.

Отметим, что в практической методике междисциплинарный подход к преподаванию филологических дисциплин не раз реализовывался, в связи с чем трудно переоценить значение учебных пособий Н. М. Шанского¹.

В этой статье мы рассмотрим особенности междисциплинарного подхода к изучению концептов в школе.

Нельзя не отметить следующее: междисциплинарности уроков, посвященных концептам, способствует выбор учителем такого концепта, работа с которым предполагает анализ значительного количества художественных текстов, что актуализирует навыки учащихся, формирующиеся и развивающиеся прежде всего на уроках литературы. Покажем это на примере **учебного занятия по концепту «слог»**.

Этот концепт создает условия для реализации принципа междисциплинарности, так как, во-первых, он входит в терминологические системы как лингвистики, так и литературоведения. Во-вторых, работа с ним невозможна без применения лингвостилистических понятий, общих для этих

¹ Шанский Н. М. В мире слов: книга для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 255 с.; Шанский Н. М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом: книга для внеклассного чтения учащихся 8–10 классов. М.: Просвещение, 1986. 157 с.

двух филологических наук. Причем сам процесс постижения концепта школьниками организуется в двух направлениях деятельности: условно говоря, теоретическом (работа со смыслами, представленными в афоризмах и поэтических текстах, в которые входит концепт; обобщения на основе разных видов деятельности) и практическом (работа с индивидуальными авторскими стилями).

Обсуждение

Этапы учебного занятия

1. Лексическая работа (разграничение омонимов)

В русском языке есть два слова, объединенных буквенно-звуковым комплексом *слог*, — и прежде всего следует сконцентрировать внимание учащихся на разграничении этих омонимов. Сначала одиннадцатиклассникам предлагается для осмысления лингвистический текст и задания к нему:

С точки зрения артикуляции слог определяется как минимальная произносительная единица, то есть такая последовательность речевых движений, которая образуется единым дыхательным толчком (Р. Стетсон), единым импульсом мускульного напряжения (Л. В. Щерба) <...> При акустическом подходе слог определяют как волну нарастания и ослабления звучности (О. Еперсен, Р. И. Аванесов). При том и другом подходе вершиной слога считается гласный, являющийся слогаобразующим элементом, согласные считаются его периферийными элементами. <...> Говорят об открытых слогах, то есть слогах, кончающихся гласными (*ты, сто, три*), о закрытых слогах, то есть слогах, кончающихся согласными (*он, пёк*)» (Л. В. Бондарко)².

1. Что представляет собой слог с артикуляционной и акустической точек зрения?

2. Назовите слогаобразующий элемент. Сопоставьте закрытый слог с открытым. Разделите на слоги слово *величина*.

Далее ученики самостоятельно формулируют лексическое значение другого слова-омонима, приближаясь к следующей характеристике: «Слог — это способ, манера словесного изложения, стиль»³.

² Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 311.

³ Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. С. 757.

Одиннадцатиклассники соотносят лексические значения двух слов и не обнаруживают в них ничего общего, тем самым доказывая, что работают с лексическими омонимами. При этом они отмечают, что слова совпадают в звучании и написании и относятся к общей части речи — имени существительному.

II. Задания на сочетаемость слов

На этом этапе деятельности школьники подбирают эпитеты — согласованные определения к имени существительному *слог* как с положительной (*изысканный, возвышенный, поэтический*), так и с отрицательной коннотацией (*напыщенный, канцелярский*).

На примере эпитетов (*бойкий, едкий, острый, старинный*), названных учителем, ученики доказывают, что положительная или отрицательная коннотация эпитета нередко зависит от контекста. Причем эту зависимость они раскрывают на примере составленных предложений, как в следующем случае: *Едкий слог помогал писателю живо, убедительно обличать социальные пороки. — Едкий слог учителя был оскорбителен для детей, испытывавших затруднения при выполнении упражнения.*

После этого одиннадцатиклассникам предлагается комплекс вопросов к следующей фразе из книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»: *Читая немецких стихотворцев, он находил, что слог их был плавнее российского...*

1. При помощи какого эпитета характеризуется слог?

2. В какой морфологической форме он употреблен?

3. Какова его синтаксическая роль?

Учащиеся отмечают, что эпитет *плавнее* выражен именем прилагательным в простой форме сравнительной степени и в предложении является именной частью составного именного сказуемого.

Затем перед школьниками ставится задача придумать предложение со словом *слог*, которое будет определяться эпитетом — именем прилагательным в той же морфологической форме и синтаксической функции («Его слог *изысканнее* (*изысканнее, напыщеннее*)»).

Выполняя предложенные выше задания, учащиеся убеждаются в том, что

у эпитета могут быть разные синтаксические функции.

III. Анализ афоризмов о слоге

Школьникам предлагаются для осмысления следующие афоризмы⁴:

1. Чересчур блестящий слог делает незаметными как характеры, так и мысли (Аристотель).

2. Цветистость слога в рукописи и речах похожа на васильки во ржи, которые гуляющему нравятся, а добивающемуся пользы бывают только в тягость (А. Поп).

3. Я не знаю ни одного блестящего слога, который не заимствовал бы более или менее своего блеска от истины (Г. Лессинг).

4. Слог имеют твердый, возвышенный, громкий, благородный, однако сходственный всегда с предметом; в противном случае теряют свою изящность... Гимн и ода заимствуют свое наречие, свои краски, свою силу от восплаемого ими предмета; но никогда площадных или простонародных слов себе не позволяют (Г. Р. Державин).

5. Слог есть расположение и действие, в которое мы приводим свои мысли. Если мы их стесним, то и слог делается силен и краток. Если мы их распустим, а свяжем одними словами, хотя и благозвучными, то слог будет растянут, вял и мертв (К. Н. Батюшков).

6. Мы только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем (А. С. Пушкин. О поэтическом слоге. 1828).

7. Если у писателя есть слог, его эпитет резко определительный, всякое слово стоит на своем месте и в немногих словах схватывается мысль, по объему своему требующая многих слов (В. Г. Белинский).

8. Когда не могут воспарить мыслями, то прибегают к высокому слогу (П. Буаст).

9. От слога зависит прочность произведения и бессмертие поэта. Красивые выражения украшают красивую мебель, сохраняют ее. Это в одно и то же время украшение и вооружение. Слог для идеи — то же, что эмаль для зуба (В. Гюго).

Перед учащимися ставится задача — прокомментировать предложенные высказывания и сделать выводы о слоге.

Приведем примеры комментариев к афоризмам.

Аристотель утверждает, что блестящий, эффектный слог мешает автору в раскрытии характеров и передаче мыслей, так как отвлекает человека, воспринимающего текст, от главного, сама речевая форма давит над содержанием.

А. Поп, характеризуя слог, использует эпитет *цветистый*, выражая к такому слогу отрицательное отношение через сравнение с васильками среди ржи и исходя из критерия пользы: «цветистый» слог, по его мнению, этому критерию не соответствует.

Г. Лессинг же считает, что блестящий слог есть отражение истины, ее блеска. Но, видимо, он имеет в виду тот случай, когда противоречие между содержанием и речевой формой отсутствует.

Г. Р. Державин уверен в том, что речевая форма должна соответствовать предмету изображения. На примере жанров оды и гимна он показывает справедливость своего утверждения.

К. Н. Батюшков выступает врагом многословия. «Стеснение» слога делает его сильным и кратким. В противном же случае он станет вялым и мертвым. Близкая позиция у В. Г. Белинского, по мнению которого передать при помощи нескольких слов мысль, требующую большого количества слов, — несомненное достоинство высказывания.

А. С. Пушкин является сторонником «благородной простоты». Напыщенность, условные украшения стихотворства, по его мнению, недостатки, от которых современные литераторы никак не могут избавиться. У А. С. Пушкина, К. Н. Батюшкова, В. Г. Белинского обнаруживается общее в понимании слога.

Как считает П. Буаст, высокий слог дискредитирует автора высказывания, так как является свидетельством неумения «воспарить мыслями».

Значимость слога подчеркивает В. Гюго, сравнивая его с эмалью для зуба (а зуб — это выражаемая автором мысль) и называя «украшением и вооружением».

Какой же вывод о слоге на основе прокомментированных афоризмов возможен?

Необходимо с большой осторожностью относиться к «высокому» слогу, к образности речи, к многословию, так как они могут помешать в точном, адекватном выражении мысли, могут «затуманить» высказывание: нельзя забывать о чувстве меры. Кроме того, следует помнить о том, что сама манера высказывания должна в полной мере соответствовать его содержанию.

⁴ Афоризмы 1–3, 7–9 взяты из следующего издания: Энциклопедия афоризмов: мысль в слове. М.: АСТ, 1998. С. 511–512.

(это соответствие называют уместностью речи). И самое главное: к слогу нельзя относиться с пренебрежением, иначе вы, пытаясь донести до читателя или слушателя мысль или комплекс мыслей, не достигнете своей цели.

IV. Анализ поэтических текстов, в которых встречается концепт «слог»

Этот вид деятельности необходим для выявления художественных смыслов в концепта.

Прежде всего одиннадцатиклассникам предлагается для анализа следующий фрагмент из набросков А. С. Пушкина к роману «Евгений Онегин»:

Хозяйкой светской и свободной
Был принят слог простонародный,
И не пугал ее ушей
Живую странность своей
(Чему наверно удивится,
Готовя свой разборный лист,
Иной глубокий журналист...).

Учащиеся определяют тему поэтического фрагмента и аргументируют свою позицию.

В этом фрагменте говорится о простонародном слоге и выражается положительное отношение к нему. Причем подчеркивается его живость, непосредственность, естественность. Обращает на себя внимание и прием контраста, используемый поэтом: «светская и свободная» хозяйка из поместных дворян, постоянно общающаяся с народом и перенимающая его лексику, противопоставляется «элитарной» журналистской среде, представитель которой награждается ироничным эпитетом *глубокий*. Иначе говоря, в пушкинском фрагменте концепт «слог» приобретает социальный смысл.

Далее ученики знакомятся с первыми строфами стихотворения Б. А. Ахмадулиной «Влечет меня старинный слог...» и задумываются о том, что означает для поэтессы словосочетание *старинный слог*:

Влечет меня старинный слог.
Есть обаянье в древней речи.
Она бывает наших слов
и современнее и резче.
Вскричать: «Полцарства за коня!» —
какая вспылчивость и щедрость!
Но снизойдет и на меня
последнего задора тщетность.

Когда-нибудь очнусь во мгле,
навек проиграв сраженье,
и вот придет на память мне
безумца древнего решенье.

О, что полцарства для меня!
Дитя, наученное веком,
Возьму коня, отдам коня
За полмгновенья с человеком,
любимым мною. <...>

Нередко употребляют словосочетание *старинный слог*, подчеркивая возвышенность, даже напыщенность высказывания, но поэтесса наполняет это словосочетание совсем другим содержанием: она видит его обаяние в резкости, вспылчивости и... щедрости! По ее мнению, во фразе, вложенной Шекспиром в уста Ричарда III: «Полцарства за коня!», — все эти смыслы присутствуют. Причем это не просто фраза — это «безумца древнее решенье». И далее Б. А. Ахмадулина соотносит «старинный слог» с собственной внутренней жизнью: шекспировская фраза оказывается уместной для того, чтобы сказать о непреодолимом стремлении лирической героини оказаться рядом с любимым человеком хотя бы на полмгновенья. В этом случае полцарства (несомненно, метафорический, даже символический образ) по сравнению со счастьем этой встречи не имеет никакой цены («О, что полцарства для меня!»).

Как мы видим, концепт «слог» наполняется в художественных произведениях не только социальным, но и психологическим смыслом, в то же время не выходя за рамки базового лексического значения слова.

V. Идентификация авторов поэтических фрагментов

Под идентификацией подразумевают отождествление, уподобление, опознание, установление совпадения объектов, распознавание через сличение⁵. Возможна грамматическая идентификация, жанровая, историко-литературная, стилевая и др. К последней следует отнести и определение автора того или иного высказывания на основе тех или иных индивидуальных стилистических черт.

⁵ Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. Минск: Интерпресс-сервис; Книжный Дом, 2001. С. 400.

Учащиеся, приводя аргументы, определяют автора каждого из предложенных поэтических фрагментов, представляющих такие литературные течения, как символизм, акмеизм, футуризм, новокрестьянская поэзия, и не рассматривавшихся на уроках литературы по поэзии Серебряного века. Причем школьники нередко выходят за рамки лингвостилистической характеристики поэтических фрагментов, выявляя особенности художественного содержания, которые характерны для того или иного поэта.

<...>

Снова шопот — и в шептаны
Чья-то ласка, как во сне,
В чем-то женственном дыханьи,
Видно, вечно радость мне!
Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон;
Ты нездешней, видно, силой
Наделен и открыт⁶.

А. А. Блок

Смещение реальности и сна, характерное для ранней лирики поэта-символиста; мистическая тема Вечной Женственности; мотив шепота, усиливающий ауру таинственности; абстрактность, неопределенность образов, как бы намекающая на высший, потусторонний мир; лексический повтор и обращение с нагнетанием глаголов в форме повелительного наклонения с одинаковой приставкой, также способствующие созданию мистической атмосферы (*милый, милый; пошепчи, посмейся*).

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны.
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.
Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы.
И — кто поймет намек старинной тайны? —
В них девушки в венке великой жрицы.

Н. С. Гумилёв

«Опредмечивание» психологического мира при помощи имен существительных и прилагательных, являющихся эпитетами, любование реалиями земной жизни, характерное для поэзии акмеизма; экзотические образы (*девушка в венке великой жрицы*); мистические мотивы.

Равноденствие

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера.
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность, как в метрике Гомера.
Как бы цезурой зияет этот день:
Уже с утра покой и трудные длиноты;
Волы на пастбище, и золотая лень
Из тростника извлечь богатство целой ноты.

О. Э. Мандельштам

Лексика, связанная с искусством, органично входящая в поэтическую ткань произведения о природе (*долгота гласных, тонические стихи, метрика, цезура, нота, Гомер*); усложненная образность, характерная для поэта; возвышение земного мира поэтом-акмеистом, в образной форме доказывающим, что природа живет по закону искусства.

<...>

Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночи,
бредовой,
недужной
какими Голиафами я зачат —
такой большой
и такой ненужный?

В. В. Маяковский

Гиперболизация, характерная для поэтического стиля Маяковского-футуриста; мифологический образ, служащий самовозвышению лирического героя (*Голиаф*); смелая образность (*любовищу мою волоча*); концентрация оценочных эпитетов (*бредовой, недужной, большой, ненужный*); романтический герой, обреченный на непонимание; лесенка как способ ритмико-интонационного выделения слов.

Синий май. Зарева теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.
В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

<...>

С. А. Есенин

Мотив родного дома, выражающийся в сочетании деталей крестьянского быта и образов природы; древесный образ; олицетворение природы (*спит черемуха в белой накидке; взбалмошная луна*); концентрация эпитетов,

⁶ Сохранена орфография автора.

характеризующих детали материального мира (*синий, заревая, липким, белой, деревянные, кружевные*); песенная интонация.

Отметим, что, выполняя задание, одиннадцатиклассники прежде всего обращают внимание на особенности лексики, характер образности, тропы.

После изучения творчества Б. Л. Пастернака школьникам для анализа было предложено стихотворение «Земля». Следует подчеркнуть, что стихотворение это на уроках не рассматривалось, но в его структуру входит много примет пастернаковского стиля, которые и должны были вычленили одиннадцатиклассники, при этом аргументировать свою точку зрения, показав навыки анализа лирического текста.

На основе фрагментов из ученических работ создадим макротекст, который отразит приметы пастернаковского стиля, присутствующие в стихотворении «Земля»:

«Безусловно, природа показана в динамике: мы встречаемся с такими глаголами движения, как “вырывается”, “выпархивает”, “ползает”, которые свидетельствуют об оживленности мира природы».

«Здесь присутствует разговорная лексика (“Вырывается весна нахрапом”), служащая для передачи эмоционального восприятия природы лирическим героем. Она помогает автору показать природу резкой, динамичной. Между прочим, такое безумие, стремительность природы – характерная черта лирики Пастернака. Это буйство, “бред” природы принимает у него не болезненные формы, а, наоборот, вызвано избытком сил, здоровья».

«В стихотворении “Земля” отражено необычайное единство мира. Как мы видим, здесь отсутствуют... антитезы. Ощущение весны всеобъемлюще! Мы обнаруживаем сходство и взаимосвязь различных пространственных сфер: пространства ограниченного (дом, мастерская) и практически неограниченного (улица). И даже окно, которое могло бы разделять их, не выполняет такой функции: “И тех же верб сквозные прутья, // И тех же белых почек вздутыя // И на окне, и на распутьи, // На улице и в мастерской”. Не случайно автором здесь используется прием анафоры: в начале соседних строк повторяется соединительный союз “и”, что подчеркивает взаимосвязь деталей окружающего мира».

«Я хочу упомянуть о такой истинно пастернаковской особенности, как поэтизация прозаических деталей. Шубы, которые прячут в сумдуки, вовсе не разрушают возвышенного образа весны, а, наоборот, вносят в него особое очарование: если убирают шубы, значит, долгое время

не будет зимы, значит, теперь все будут ходить в легкой, свободной одежде».

«Еще одна деталь бытовой жизни – цветы в горшках: “Стоят цветочные горшки // С левкоем и желтофиолем”. Эти цветы подчеркивают приход весны, так как левкой – это растение с пахучими цветками, а желтофиоль – растение с желтыми цветками, напоминающими солнце. Таким образом, мы видим, что картины бытовой жизни вписываются в гармоничную картину прихода весны».

«Можно отметить одухотворение, очеловечивание природы, которое также нередко у Пастернака: “О чем в случайном разговоре с каплей говорит апрель”; “Он знает тысячи историй про человеческое горе”. Поэт создает образ рассказчика, странника, знающего много сказок, историй, легенд».

«Природа начинает готовиться к празднику. И в это же время праздник входит в жизнь лирического героя. Именно этот образ праздника, этой “пирушки” (не могу не обратить внимание на уменьшительно-ласкательный суффикс, придающий речи разговорный оттенок), и является еще одним доказательством того, что автор этого стихотворения – Пастернак. Ведь именно Пастернак любил писать в своих произведениях о праздниках, подарках, играх».

Одиннадцатиклассники раскрыли основные особенности пастернаковской модели мира и излюбленные приемы поэта, присутствующие в стихотворении «Земля»: природа как само воплощение движения, стремительности, избытка сил; олицетворение природы, изображение ее действий, «поведок»; приметы разговорной лексики; поэтизация прозаических деталей. Некоторые школьники охарактеризовали художественные мотивы, входящие в структуру лирического стихотворения (мотивы тепла, игры, праздника, подарка, призвания).

Об успешном переносе стилевых доминант свидетельствуют те работы, в которых показано единство мира в поэзии Пастернака, прежде всего достигающееся за счет сопряжения и подчас взаимопроникновения поэтического и прозаического, большого и малого, природы и человека.

VI. Анализ филологического микро-текста как форма обобщения изученного (заключительный этап урока)

На заключительном этапе урока одиннадцатиклассникам для осмысления дается следующее высказывание отечественного филолога Б. В. Томашевского:

Направление, в котором Пушкин намечает необходимость развития и обогащения языка, сводится главным образом к тому, чтобы сделать литературный язык удобным и гибким орудием мысли, придать ему точность и предельную ясность, которая не уступала бы ясности и точности французского языка. Но Пушкин не забывал, что язык не самоцель, а средство. Развитие языка в этом направлении он рассматривал как необходимое следствие того, что наша литература явится выразительницей более широких идей, нежели те, которые в ней господствовали и создали свою традицию в словаре и фразеологии. Пушкин призывал русских писателей обратиться к вопросам учености, политики и философии [Томашевский 1956: 152].

Перед учениками ставится задача — определить основную мысль микротекста. На первый взгляд, им может показаться, что фраза о том, что язык необходимо сделать «удобным и гибким орудием мысли, придать ему точность и предельную ясность», является определяющей. Но на самом деле смысловой центр высказывания следует искать в другой части микротекста — там, где речь идет о языке как средстве, способствующем более глубокому выражению идей. Для достижения этой цели явно недостаточно думать только о коммуникативных качествах речи, оставаясь в рамках лингвистической проблематики, так как необходимо «обратиться к вопросам учености, политики и философии». Совершенствование литературного языка, слога, речевой манеры изложения мыслей А. С. Пушкин соотносил с интеллектуальным, культурным развитием, т. е. подходил к волновавшей его проблеме с позиций универсальных, философских, показывая связь языка и мышления.

Отметим, что на заключительном этапе аналитической деятельности термины *слог* и *литературный язык* рассматриваются как контекстуальные синонимы, т. е. логический объем слова-концепта расширяется. В этом случае целесообразно говорить еще об одном его смысле, а не лексическом значении.

VII. Создание творческой работы

Домашнее задание одиннадцатиклассники пишут сочинение в художественном стиле, ориентируясь на свою манеру изложения материала, на свой слог. При этом предварительно они перечитывают страницы романа

М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», в котором показана реакция рассказчика-издателя на Печорина, с которым он неожиданно увиделся, рассказчика, выступающего в роли наблюдателя (новелла «Максим Максимыч»). Отталкиваясь от лермонтовского текста, ученики создают собственный текст на тему «Я в роли наблюдателя».

В связи с этим возникает вопрос: где граница между самостоятельной творческой работой и стилизацией? Для того чтобы ответить на него, приведем текст одного из сочинений:

Бальзак писал, что человек, как собака, может определить, кто перед ним: друг или враг? Каким-то непонятным чутьем определяют животные характер человека, которого видят впервые, и очень редко они ошибаются. Эта способность по не приметным внешним признакам угадывать личность незнакомого человека, доставшаяся людям от природы, иногда играет с ними злую шутку, вступая в противоречие с доводами рассудка. Я знал людей, которые, полностью доверившись этому непонятному инстинкту, узнавали о других больше, чем мог бы узнать опытейший наблюдатель, стремящийся постигнуть это рассудком. Иногда это объясняют большим жизненным опытом. Уверяю вас, это не так. Роль жизненного опыта состоит лишь в том, чтобы показать человеку, насколько обманчивыми могут быть его размышления, и заставить его довериться этому чувству. Наверное, поэтому маленькие дети так чутко реагируют на малейшее проявление недружелюбия в голосе или во взгляде взрослых.

Этого человека я невзлюбил сразу же, как только увидел. Будь я маленьким ребенком, я бы сразу убежал от этого безупречного костюма, белой рубашки и блестящих черных ботинок. Помню, мне не нравилось, когда на отце был такой костюм. В нем он мне казался чужим. Но взрослому человеку стыдно прислушиваться к своим детским страхам, и, кроме того, я не мог найти в нем ничего, что могло бы дать мне повод отказаться от знакомства с ним.

Я был представлен этому человеку. Помню, как он пожал мою руку — не быстро и крепко, как это делал отец, не хлопнул по ладони, как здоровались со мной приятели. Он медленно согнул пальцы, как штангист, старающийся покрепче ухватить гриф штанги. Пришел на ум булгаковский Азazelло с его «холодными, как поручни автобуса» пальцами. Нет, даже он казался мне симпатичнее, человечнее даже. Я ужаснулся при мысли, что мне придется работать рядом с этим

человеком. Во всякой работе должна быть хотя бы малая толика творчества, в нем же не было и ее. Достаточно было взглянуть на его лицо, чтобы понять это. Ровный, как линейка, пробор, гладко выбритый подбородок — верх аккуратности, и при этом — ни малейшего намека на хаос, жизнь. Жизни не было ни в плоском лице его, словно вырезанном из мрамора, ни в плоских же глазах, бесчувственных, как глаза статуи, пугающих своей мертвенностью, стоит лишь приглядеться к ним. Поэтому таким чужим показался мне голос, сообщавший, что обладателю его было очень приятно со мной познакомиться. Увы, мне предстояло привыкать к своему будущему напарнику, что я и начал делать.

Учащийся, создавая свою работу, близкую к стилизации, отталкивался от вполне конкретной ситуации, встречающейся в лермонтовском психологическом романе: издатель журнала Печорина созерцает главного героя и делится с читателями своими впечатлениями. Об этом свидетельствует и манера повествования от 1-го лица, и содержание эпизода: рассказчик, оказывающийся в роли наблюдателя, впервые видит человека и, придавая особое значение тем или иным деталям портрета, делает выводы о чертах его характера. Кроме того, бросается в глаза следующая композиционная особенность сочинения, приближающая последнее к художественному миру лермонтовского романа: развернутые рассуждения о роли жизненного опыта, инстинктов, рассудка в процессе познания человеческой личности органично сочетаются с описанием самой ситуации, отличающейся выразительностью психологических деталей.

Но принципиальным представляется и отличие: лермонтовский рассказчик подчеркивает относительный характер своих выводов о психологии Печорина, ибо для него очевиден тот зазор, который обычно существует между внутренней жизнью человека и внешними формами ее выражения. В сочинении одиннадцатиклассника ощутим другой «идеологический» акцент: следует доверяться инстинкту, чувству, если ты пытаешься познать внутренний мир незнакомого тебе человека, так как рассудок может подвести.

В стилистически сдержанном тексте, в котором преобладают рассуждения, встречаются сравнения-цитаты (бальзаковское

сравнение человека с собакой; булгаковская характеристика пальцев Азazelло, холодных, как поручни автобуса), воспринимающиеся как ассоциативные ходы, и собственные сравнения (*согнул пальцы, как штангист; ровный, как линейка, пробор; плоское лицо, словно вырезанное из мрамора; бесчувственные глаза, как глаза статуи*). Они помогают автору создать точный портрет незнакомого человека и в то же время выразить собственное отношение к нему.

Как видим, сочинение одновременно приближается к стилизации и отдалается от нее. Такая ситуация кажется оптимальной: следование определенным эстетическим канонам помогает ученику в создании нового, интересного, оригинального.

Стилизация имеет непосредственное отношение к междисциплинарности, так как актуализирует сферы лингвостилистики (художественные функции средств речевой выразительности) и литературоведения (нравственно-психологическая и философская проблематика, подаваемая в художественном ракурсе).

Выводы. Отметим, что в структуру урока входят задания, характерные для уроков русского языка: 1) работа с лексическими значениями слова, которая может представлять собой не только разграничение омонимов, но и соотнесение представленных словосочетаний или предложений с лексическими значениями, а также подбор собственных примеров к каждому лексическому значению слова-концепта⁷; 2) анализ и конструирование словосочетаний и предложений с определенными морфологическими и синтаксическими характеристиками; 3) осмысление лингвистического текста и выполнение практического задания на его основе.

Тем не менее на учебном занятии преобладают задания на стыке двух предметов: 1) комментирование афоризмов; 2) семантически сфокусированный анализ поэтических фрагментов А. С. Пушкина и Б. А. Ахмадулиной; 3) идентификация микротекстов представителей Серебряного века, предполагающая лингвостилистический подход к художественному слову, но

⁷ Шутан М. И. Работаем с концептами: практикумы по русскому языку и литературе. М.: Русское слово, 2022. С. 5.

в то же время не ограничивающаяся им (выполнение школьниками этого задания подготовлено уроками литературы в одиннадцатом классе); 4) осмысление филологического текста о пушкинском понимании литературного языка; 5) написание сочинения, в котором должны присутствовать приметы художественного стиля.

Школьники, решая поставленные учителем задачи, выходят за рамки как лингвистики, так и литературоведения, приближаясь к их синтезу, т. е. к филологии как глобальной системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Е. С. Реализация принципа соизучения языка и культуры (к 90-летию профессора Лии Александровны Ходяковой) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 3. С. 18–24. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-3-18-24>.
2. Дейкина А. Д. Семантические ресурсы в школьном курсе русского языка // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / науч. ред. Н. Л. Мишати́на. СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. С. 110–122.
3. Мишати́на Н. Л. Методическая лингвоконцептология: новые идеи и антропопрактики: монография. СПб.: ООО «Книжный дом», 2022. 304 с.
4. Томашевский Б. В. Вопросы языка в творчестве Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 126–184.

5. Ходякова Л. А., Супрунова А. В. Расширение фоновых культурных знаний в процессе работы с текстом путем активизации познавательной деятельности учащихся // Русский язык в школе. 2017. № 7. С. 8–13.

REFERENCES

1. Bogdanova E. S. Implementing the principle of co-study of language and culture (to the 90th anniversary of the birth of Professor Liya Alexandrovna Khodyakova) // *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(3):18–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-3-18-24>.
2. Deikina A. D. Semantic resources in the school course of the Russian language. *Metodicheskaya lingvokonceptologiya: itogi i perspektivi razvitiya: monografiya = Methodological linguoconceptology: results and prospects of development: monograph* / edited by N. L. Mishatina. St. Petersburg: Book House, 2017. P. 110–122. (In Russ.)
3. Mishatina N. L. Methodological linguoconceptology: new ideas and anthropological practices: monograph. St. Petersburg: Book House, 2022. 304 p. (In Russ.)
4. Tomashevsky B. V. Questions of language in the works of Pushkin. *Pushkin. Issledovaniya i materialy = Pushkin. Research and materials*. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. P. 126–184. (In Russ.)
5. Khodyakova L. A., Suprunova A. V. Expansion of background cultural knowledge in the process of working with the text by activating the cognitive activity of students. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2017;7: 8–13. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мстислав Исаакович Шутан, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой историко-филологических дисциплин

Mstislav I. Shutan, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of Historical and Philological Disciplines

Статья поступила в редакцию 23.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 21.09.2022.

The article was submitted 23.07.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 21.09.2022.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-35-43>

Филологический анализ художественного текста как наука и искусство в трудах академика Н. М. Шанского

Борис Геннадьевич Бобылев

г. Новосиль, Россия, boris-bobylev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5939-6375>

Аннотация. Статья посвящена характеристике концепции филологического анализа художественного текста, получившей свое обоснование и развитие в трудах академика Н. М. Шанского. Цель – показать связь данной концепции с духовными истоками филологии, с традициями отечественной филологической науки. Отмечается определяющая роль идей ученого в формировании и развитии филологического анализа художественного текста как науки и искусства в отечественной лингвистике, литературоведении и дидактике. Приводится обширный список трудов академика, посвященных данной проблеме.

Ключевые слова: Н. М. Шанский, филологический анализ текста, медленное чтение, лингвистические миниатюры, рефлектирующее слово, алексия

Благодарности: Выражаю благодарность Татьяне Александровне Бобровой за предоставленную возможность ознакомиться с полной библиографией Н. М. Шанского по филологическому анализу художественного текста и ранними трудами ученого.

Для цитирования: Бобылев Б. Г. Филологический анализ художественного текста как наука и искусство в трудах академика Н. М. Шанского // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 35–43. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-35-43>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Philological analysis of a literary text as science and art in Academician N. M. Shansky's works

Boris G. Bobylev

Novosil, Russia, boris-bobylev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5939-6375>

Annotation. The article characterises the conception of philological analysis of a literary text which was substantiated and developed in Academician N. M. Shansky's works. The goal is to show the connection between this conception and the spiritual origins of philology as well as the traditions of Russian philological science. The research highlights the decisive role of the scientist's ideas in the formation and development of the philological analysis of a literary text as science and art in Russian linguistics, literary criticism, and didactics. Additionally, the paper provides an extensive list of the academician's writings focusing on the addressed problem.

Keywords: N. M. Shansky, philological text analysis, slow reading, linguistic miniatures, reflective word, alexia

Acknowledgements: I express my gratitude to Tatyana Alexandrovna Bobrova for the opportunity to familiarise myself with N. M. Shansky's complete bibliography on the philological analysis of a literary text as well as the scientist's early works.

For citation: Bobylev B. G. Philological analysis of a literary text as science and art in Academician N. M. Shansky's works. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2022;83(6):35–43. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-35-43>.

Введение. Труды Николая Максимовича Шанского занимают важное место в ряду достижений отечественной филологической науки второй половины XX — начала XXI в. Ученый внес существенный вклад в словообразование как самостоятельное научное направление в русистике, в развитие этимологии, фразеологии, лексикологии, теории и методики преподавания русского языка. Возглавляемый академиком Шанским НИИ ПРЯНШ АПН СССР в течение многих лет не только определял методическую стратегию и тактику изучения русского языка в национальных школах по всей стране, но и оказывал влияние на языковую политику государства. Сочетание в одном лице дарований талантливого ученого, блестящего преподавателя, высокопрофессионального редактора и руководителя государственного уровня определяло уникальный характер и масштаб личности Н. М. Шанского.

Одним из основополагающих понятий античности было понятие «установителя имен» — ономотета, выдающегося чело- века, постигающего суть предмета или явления, называющего их в соответствии с присущими природными свойствами и тем самым дающего им жизнь в языке и культуре. В полной мере наименование *ономотета* можно отнести к Николаю Максимовичу Шанскому. Благодаря его трудам в лингвистику и — шире — в филологию вошел ряд терминов и обобщающих понятий, имеющих большое значение в науке.

Академик Н. М. Шанский является создателем термина *лингводидактика* и, соответственно, основателем одноименного научного направления. Ряд новых понятий, расширяющих исследовательский лингвистический инструментарий, введен им в словообразование, лексикологию, фразеологию, филологический анализ текста («усложнение основ», «диффузия», «декорреляция», «принцип матрешки», «лингвохронологические препятствия», «языковые шумы и помехи», «семантические архаизмы» и пр.). Статус общепризнанного термина получил оборот *замедленное чтение с лингвистическим микроскопом*. Нередко ученый прибегал к созданию экспрессивно окрашенных выражений, выступающих в роли «образных формул», которые помогают воссоздать «голографическую картину» предмета исследования,

рассмотреть его в субъектно-прагматическом измерении («речевые инкрустации», «алгебра поэтической гармонии», «лингвистический детектив», «системный уют языка», «родимые пятна диалектной речи» и т. п.)¹.

В числе наиболее значительных, «прорывных» научных достижений Н. М. Шанского следует назвать обоснование и разработку филологического анализа художественного текста (далее — ФАХТ) как самостоятельной интегральной синтезирующей науки, возникающей на стыке лингвистики и литературоведения, а также как особого искусства раскрытия эстетического и символического потенциала языка, поэтики, стиля художественного произведения. В данном случае перед нами пример проявления удивительной научной интуиции, «умного узрения», проникновения в существо, истоки, природу самой науки филологии в контексте современной социокультурной, образовательной, цивилизационной ситуации.

Анализ. Основы методологии филологического анализа текста были заложены Александрийской школой, деятельность которой на первом ее этапе отличается стремление к переводу системы смыслов Библии на язык античной культурной традиции. Согласно Филону Александрийскому, одному из основателей Александрийской школы, текст Священного Писания представляет собой совершенное, «самозамкнутое» и органическое целое: все единицы текста, в том числе самые малые детали (не только слова, но и отдельные графемы, знаки препинания и пр.), а также вся композиция текста, средства и приемы организации его отличаются неповторимой символической «метасемантикой», которая не сводится к сумме составляющих текст элементов и их значений².

В творчестве Отцов Церкви филология античности становится орудием разработки

¹ См. об этом также: Бобылев Б. Г. Учебные книги Н. М. Шанского как осуществление идеала «конкретной филологии» // Русская речь в современном вузе. Орел: ОрелГТУ, 2007. С. 28–30.

² Данное свойство текста определяется исследователем В. А. Лукиным как *неаддитивность*: «В аддитивных текстах цельность равна простой сумме смыслов, составляющих текст; в “неаддитивных” же текстах “цельность не равна сумме значений элементов текста, значительно превышая ее по объему» [Лукин 2005].

основ тринитарного богословия и христологии, создания инструментария православной миссии. Блаженный Августин формулирует ряд основополагающих принципов филологической герменевтики: «верь, чтобы понимать»; «понимаю, объясняя», учет контекста, окружающего непонятное слово, утверждение необходимости конгенальности текста и читателя для понимания его смысла.

Идеи библейской экзегезы и герменевтики получают широкий резонанс в филологии и философии XIX и XX в. (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Б. Кроче, Л. Шпитцер, К. Фосслер, Г. Гадамер, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Рикер, Я. Фогелер, Г. Шолц и др.). Особо следует отметить работы Г. Гадамера. Развивая идеи протестантского проповедника первой половины XIX в. Ф. Шлейермахера о вживании, вчувствовании в текст, Гадамер проводит существенную перестановку акцентов — в сторону восстановления изначальных ориентиров Александрийской школы, усиления связи с Идеалом совершенства, поиском Вечности во времени.

Проблемы анализа художественного текста активно разрабатываются в филологии XX в. Значительную роль в данном отношении сыграл ОПОЯЗ, возникший во второй половине 10-х гг. прошлого века в России и сыгравший роль своеобразной научной «колыбели» структурализма XX в. Работы и идеи Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, Л. П. Якубинского, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, Ю. Н. Тынянова, В. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума, В. В. Виноградова и др. оказали большое влияние на формирование методологических теоретических предпосылок создания филологического анализа художественного текста как особого научного направления. Отдельные теоретические и методологические вопросы целостного анализа художественного текста в течение прошлого века достаточно разносторонне и многоаспектно изучаются также и на Западе (Л. Шпитцер, Р. О. Якобсон, М. Риффатер, Ц. Тодоров, Р. Ингарден, Т. Слама-Казаку, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Женнет, В. Шмид и др.).

Вместе с тем заслуга создания самого термина *филологический анализ художественного текста*, обоснование предмета, содержания, методологии ФАХТ, как уже было сказано выше, принадлежит

академику Н. М. Шанскому. В конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века идеи и терминология Н. М. Шанского, используемая им в качестве инструментария анализа литературного произведения, становятся методологической и теоретической основой ряда научных исследований и методических проектов, над которыми работают лаборатории и отделы научно-исследовательского института национально-русского двуязычия. В частности, под общим руководством академика создается серия вариативных программ по филологическому анализу художественного текста для национальных педвузов³.

Надо сказать, что возникновению идеи филологического анализа художественного текста и осуществлению соответствующих теоретических, программных и учебно-методических проектов предшествовала значительная подготовительная работа, интенсивные и напряженные исследовательские поиски ученого.

Н. М. Шанский публикует в начале 50-х гг. XX в. ряд статей, посвященных языку русской классики [Шанский 1954]⁴.

В своих ранних работах ученый высказывает и отстаивает мысль о том, что изучение литературных произведений в школе не может быть сведено к пересказу содержания (который осуществлялся в то время под строго определенным идеологическим углом зрения). Н. М. Шанский ставит задачу добиваться понимания художественного текста, путь к которому лежит через правильно организованную работу над языком и стилем русских классиков. Здесь впервые получает обоснование метод

³ Филологический анализ художественного текста. Первый вариант / сост. Ш. А. Махмудов, Н. М. Шанский; отв. ред. Н. М. Шанский // Программы педагогических институтов: сб. 4. Л.: Просвещение, 1991. С. 67–77; Филологический анализ художественного текста. Второй вариант / сост. М. В. Черкизова, С. О. Мелик-Нубаров; отв. ред. Н. М. Шанский // Там же. С. 77–85; Филологический анализ художественного текста. Третий вариант / сост. Б. Г. Бобылев; отв. ред. Н. М. Шанский // Там же. С. 85–93.

⁴ См. также: Шанский Н. М. К изучению языка Н. А. Некрасова в школе // Русский язык в школе. 1953. № 2. С. 79–82; О языке романа Л. Н. Толстого «Война и мир» // Русский язык в школе. 1953. № 4. С. 19–31.

лингвистического комментирования художественного текста как особого методического приема его изучения и осмысления. Надо заметить, что уже в первых работах Шанского, посвященных языку литературных произведений, можно разглядеть контуры метода «замедленного» чтения, который впоследствии кладется ученым в основу его концепции филологического анализа художественного текста. Сам подбор примеров, на которые обращает внимание учителя автор-исследователь, помогает проникновению в основы мировидения русского народа, получающего опосредованное отражение в языке классиков.

Весьма примечателен в данном отношении филологический комментарий Н. М. Шанского к реплике старика-возницы Пантелея в повести А. П. Чехова «Степь», предложенный в статье «О языке и слоге рассказов А. П. Чехова» [Шанский 1954]: *Только бы без покаяния не помереть. Нет пуще лиха, чем наглая смерть*. Лингвист обращает внимание учителей-русистов на то, что слово *наглый* употреблено писателем в значении «внезапный», которое оно имело в древнерусском языке. Казалось бы, ученый остается в строго научных филологических рамках. Однако сам этот комментарий в сочетании с цитированием реплики глубоко верующего крестьянина, где сильнейшим образом звучит мотив покаяния, приготовления души к вечной жизни, в тех жестких подцензурных атеистических условиях (1954 г.) вводит ее смысл в «светлое поле сознания» читателя, заставляя его остановиться, задуматься, обратиться к словарям и источникам, где совершенно ясно указывается на церковнославянские, молитвенные истоки выражения *наглая смерть* (ср. «Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу»: «...да наглая смерть не похитит меня неготового»). Тем самым создается возможность для переоценки ценностей, для перехода читателя от интеллектуального «знаниевого» уровня к уровню духовному.

Этапный характер носит доклад ученого, сделанный в июне 1960 г. на методическом семинаре преподавателей русского языка социалистических стран [Шанский 1962]. Впервые предлагается наименование новой вузовской учебной дисциплины «Лингвистический анализ художественного текста», при этом осуществляется ее методологическое и теоретическое обоснование. В 1970 г. Н. М. Шанский

разрабатывает первую программу по лингвистическому анализу художественного текста для педвузов. В многочисленных статьях, пособиях ученый предлагает классические образцы разбора языка и толкования литературных произведений, выстраивает концептуальные основы новой дисциплины, создает методику лингвистического анализа художественного текста⁵.

Необходимо отметить, что Н. М. Шанский наполняет термин *лингвистический анализ художественного текста* филологическим содержанием, выходя на лингвоэстетический уровень. Отталкиваясь от языковых особенностей произведения, ученый по сути возвращает филологии ту роль

⁵ См.: Шанский Н. М. Словарь и семантика стихотворения «Гражданин» К. Ф. Рылеева // Русский язык в школе. 1970. № 3. С. 3–10; Об одном многозначном слове у Пушкина, Лермонтова и Блока // Русский язык в школе. 1974. № 4. С. 8–10; Стихотворение «Парус» М. Ю. Лермонтова // Анализ художественного текста. Вып. 2. М.: Педагогика, 1976. С. 44–56; Стихотворение «Где вы, дни мои...» А. В. Кольцова // Русский язык в школе. 1979. № 5. С. 67–72; О лирике А. Твардовского // Русский язык в школе. 1980. № 3. С. 61–66; Гармония стиха А. Майкова // Русский язык в школе. 1981. № 3. С. 58–63; Стихотворение «Я вас любил...» А. С. Пушкина // Русский язык в школе. 1982. № 1. С. 50–54; Читая и перечитывая Лермонтова: «За звук один...»; «Сапоги его скрипели»; Когда Мефистофель пролетал над Петербургом?; О двух словах драгунского капитана; О пирамидальном тополе; Неясный ропот // Русский язык в школе. 1984. № 4. С. 69–74; «Зимнее утро» А. С. Пушкина // Русский язык в школе. 1987. № 1. С. 46–50; Exegi monumentum // Русский язык в школе. 1989. № 1. С. 66–74; Одна из дидактических миниатюр А. Фета // Русский язык в школе. 1993. № 4. С. 66–69; Личные имена Евангелия в русском языке // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 45–50; Поэтический текст и углубленное изучение русского языка в школе (статья первая) // Русский язык в школе. 2000. № 6. С. 26–33; Стихотворный текст и углубленное изучение русского языка (статья вторая) // Русский язык в школе. 2001. № 2. С. 32–36; Краткий лингвистический комментарий к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Русский язык в школе. 2002. № 1. С. 121–128; Лингвистический анализ стихотворного текста: кн. для учителя. М.: Просвещение, 2002. 224 с. и др.

и значение, которые она имела при своем возникновении в недрах экзегетики — науки, нацеленной на толкование, понимание текста, на определение его «метасемантики», не сводимой к значению отдельных составляющих его слов.

Последовательно филологический подход проявляется в «учете специфических черт языка художественной литературы как принципиально иного, нежели литературный язык, явления лингвистической действительности, всегда выполняющего наряду с коммуникативной функцией также эстетическую» [Шанский 1990: 22]. Ученый понимает художественное произведение прежде всего как «определенное эстетическое единство формы и содержания, воспитательной информации и образной системы» [Там же].

Мысли Н. М. Шанского о соотношении формы и содержания в художественном тексте перекликаются с выводами С. С. Аверинцева: «Классическая форма... задает свою меру всеобщего, его контекст, — и тем выводит из тупика частного... в содержании слышится человеческий голос, в форме же звучит органнй фон для этого голоса, музыка сфер» [Аверинцев 2001: 204–205].

В работах ученого, посвященных лингвистическому комментированию и анализу художественных текстов, реализуется проект «конкретной филологии как интерпретации и критики выражения», задачи которого были сформулированы учителем и первым научным руководителем Н. М. Шанского Г. О. Винокуром в работе «Критика поэтического текста» [Винокур 1927]. При этом анализ языка литературных произведений, осуществляемый ученым, носит в себе черты науки и искусства, сочетает рационально-логические и эмоционально-интуитивные моменты, что помогает созданию особого эффекта эмоционально-интуитивной конкретности, обеспечивает восприятие художественного произведения как целого. Такой комплексный подход, имеющий несомненную дидактическую ценность, наиболее широко применяется ученым в учебных и научно-популярных материалах. Отталкиваясь от анализа значений отдельных слов, широко используя данные этимологии, Н. М. Шанский ни на минуту не упускает из виду художественного целого,

учитывает требования широкого и узкого контекста — в соответствии с требованиями герменевтической традиции, восходящей к Блаженному Августину. Образцовым в данном отношении является лингвистический комментарий ученого к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Сосна» [Шанский 1979]. Опираясь на этимологический и интертекстуальный анализ слова *риза*, использованного поэтом для создания образа сосны, исследователь раскрывает глубину трагического подтекста лермонтовского стихотворения, посвященного идее абсолютного, метафизического одиночества человека⁶. Указывая на то, что значение 'покрывало, саван' у существительного *риза* встречается в самых ранних древнерусских памятниках, Н. М. Шанский цитирует Остромирово Евангелие: *Обиста е(те-ло) ризами съ ароматы*. Данная ассоциация и параллель, заметим, не только раскрывает образ одиночества как «смерти при жизни», но и неявно содержит указание на победу над смертью: мироносицы покрывают ризами тело Иисуса Христа, который через день воскреснет.

Обращаясь к комментированию строк лермонтовского стихотворения «Смерть поэта»: *Но есть и Божий суд, наперсники разврата! / Есть грозный Судия: он ждет...*, — Шанский, опираясь на «логику текста», «логику лермонтовской поэтики» и данные метрического анализа, показывает неубедительность идеологически ориентированных версий литературоведов, согласно которым Судия должен читаться как *суд* (автограф данных строк не сохранился и они печатаются по спискам и воспоминаниям). Речь у Лермонтова идет не о «суде истории» (так нас учили в советской школе), а о Божьем Суде и о «грозном Судии» — Боге⁷ [Шанский 1971].

⁶ В данном случае Н. М. Шанский вплотную приближается к определению духовной сути поэзии Лермонтова, которому с небывалой в мировой поэзии силой и эмоционально-образной конкретностью удалось выразить неизбывную трагедию человеческого существования вне Бога, вне общения с Ним, возможность которого была утрачена в результате грехопадения Адама (см. об этом также: [Бобылев 2021: 46]).

⁷ И это писалось в 1971 г.!

Н. М. Шанский создает особую форму аналитического метаописания художественного текста — лингвистические миниатюры, в которых филологический анализ художественного текста предстает не только как наука, но и как искусство. Их приподнятый, порою взволнованный эмоциональный тон, казалось бы, идет вразрез с академической традицией, однако в данном случае решается задача создания эмотивного, интуитивного резонанса с читателем, который сам становится со-участником исследовательского процесса, заражается от автора-филолога радостью открытия, разделяя с ним удивление перед языком, любовь к нему. Тем самым реализуется изначальное предназначение, самая суть филологии как «любви к слову». Анализируя тексты классиков, Шанский показывает, что степень их эстетического совершенства и смысловой глубины определяется мерою освоения писателями творческого, поэтического потенциала самого языка. Перед нами раскрывается его живая сущность, мы как бы вступаем в диалог с ним и самим Словом, о котором говорится в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово».

Приведем в качестве примера отрывок из «лингвистической миниатюры», посвященной анализу стихотворения А. Т. Твардовского «К обидам горьким собственной персоны»:

Духовная программа Твардовского изложена здесь таким удивительным образом, что в то же время является поэтической характеристикой его постоянной жизненной позиции и самой жизни... Такое обобщенное вселенное значение текст приобретает потому, что взволнованные и чистые слова большого поэта синтаксически оформлены в цепочку стройных инфинитивных предложений с модальной семантикой долженствования, где собственный обет и страстная просьба к читателям слиты воедино [Шанский 2021: 313–314].

Таким образом, термин *филологический анализ художественного текста*, предложенный и обоснованный академиком Н. М. Шанским в конце 80-х гг. прошлого века, делает отчетливым и ясным ту глубинную связь с истоками и самой сутью филологии, которую имела концепция лингвистического анализа текста с самого начала своего возникновения.

Как уже указывалось выше, в начале 90-х гг. благодаря серии научных исследований и учебно-методических проектов, выполненных под руководством Н. М. Шанского, филологический анализ художественного текста приобретает статус самостоятельного научного направления.

Предметно-дидактическая концепция учебного получает свое развернутое выражение в опубликованной посмертно работе «Филологический анализ художественного текста» [Шанский, Махмудов 2010]. В построении и содержании данной книги отражается синтетический подход Н. М. Шанского к изучению языка художественной литературы как высшей формы проявления национального языка, как к наиболее полному и совершенному проявлению речевой способности человека. ФАХТ нацелен на активизацию мотивационной сферы языковой личности учащихся: раскрытие красоты и смыслового богатства языка писателей-классиков заключает в себе сильнейший стимул к овладению русским языком во всем богатстве его выразительных и стилистических возможностей.

В этой связи следует упомянуть также книгу Н. М. Шанского «По страницам “Евгения Онегина”»: Комментарий. Факультатив. Олимпиада» [Шанский 2005]. Это пособие стало последней опубликованной при его жизни учебной книгой. Издание заявлено как «филологический курс». Академическая наука филология приходит в стены школы. Ученый ставит читателей в позицию исследователей, первооткрывателей неизведанного, которые обретают сокровенное знание в процессе совместного чтения и разбора «учениками и учителями десяти глав романа в самых разных аспектах: в языковом, в содержательном, в версификационном, в экспрессивном и отчасти даже философском» [Там же: 147]. В данном случае ФАХТ приобретает значение универсального метода познания, обучения, формирования личности учащихся.

Методологические принципы, заложенные Н. М. Шанским, понимание ФАХТ как базового, универсального исследовательского и дидактического метода, который опирается на замедленное, смысловое чтение и который предполагает разумно-жизненный диалог автора и читателя, осуществляются и развиваются в ряде исследований,

учебников, методических разработок конца XX – начала XXI в. [Николина 2008; Белова 2008; Бобылев 2012; Букаты, Голышкин, Карпова 2014 и др.]⁸.

Остановимся на некоторых из них.

Книга Н. А. Николиной «Филологический анализ текста», рекомендованная Учебно-методическим объединением по специальностям педагогического образования в качестве учебного пособия для студентов педагогических вузов [Николина 2008], на сегодняшний день представляет собой наиболее полную, адекватную и развернутую реализацию духовного, интеллектуального и дидактического потенциала концепции ФАХТ, разработанной в трудах академика Н. М. Шанского. Пособие отличается ясной, продуманной структурой и многоаспектным содержанием, отражающим наиболее значительные достижения филологической науки в области анализа текста. В книге отчетливо формулируется главный принцип, лежащий в основе ФАХТ: подход к языку искусства как к «рефлектирующему слову», т. е. слову, обращенному к самому себе, к своей «внутренней форме», которая не исчерпывается этимологией, но вбирает в себя все богатство ассоциаций, возникающих в процессе диалога художественного текста с другими текстами, с читателями, со Словом с большой буквы. Отточенный, классический характер носит разбор стихотворения Г. Р. Державина «Река времен», который убедительно раскрывает перед читателем суть филологического, рефлектирующего подхода к анализу художественного текста. Автор представляет

гармонический синтез формального и содержательного аспектов анализа, показывает, как художественная идея вырастает из языка, является результатом «аккорда», органического взаимодействия различных приемов и языковых уровней, как происходит преобразование обыденной речи в речь поэтическую, высокую, исполненную духовного смысла: «В стихотворении Державина развивается мотив суда, имеющий несколько аспектов: это и определение истинной цены деяний людей, и подведение итогов, и установление места искусства в истории, и суд времени над человеком, и преодоление самого времени (после Страшного суда «времени больше не будет» – Откр. 10: 6).

Весьма интересным подходом к ФАХТ как к многоуровневому методу обучения школьников и студентов-филологов, а также профессиональной переподготовки учителей-словесников отличаются пособия и учебные разработки саранского исследователя Н. А. Беловой [Белова 2008]. В предлагаемой ею дидактической системе и модели ФАХТ⁹ находит развитие исследовательская филологическая установка, столь характерная для методики Н. М. Шанского: художественный текст рассматривается как хранилище тайн и загадок, а его изучение – как цепь волнующих открытий. При этом Н. А. Белова берет также на вооружение прием метаописания, используемый академиком в его лингвистических миниатюрах. Школьники, студенты, учителя излагают результаты филологического анализа, замедленного, интерпретирующего чтения в виде эссе, сочетающих в себе элементы рационально-логического и эмоционально-интуитивного осмысления словесной реальности.

В коллективной монографии новосибирских литературоведов «Книга о книге: филологический анализ художественного текста» [Букаты, Голышкин, Карпова 2014] разрабатывается духовный аспект концепции Н. М. Шанского. Говоря об экспансии невербальных средств передачи информации, тенденции к замещению слова зрительным образом, чреватой примитивизацией восприятия действительности на уровне первой сигнальной системы, сближающей человека с животными, авторы пишут о необходимости обучения юношества медленному

⁸ См. также: *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 462 с.; *Сырица Г. С.* Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 341 с.; *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.; *Пушкарёва И. А.* Практикум по курсу «Филологический анализ текста» (на материале художественных произведений). Новокузнецк: КузГПА, 2010. 100 с.; *Иваненко Г. С.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2019. 100 с.; *Маслова В. А.* Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 147 с.

⁹ См. подробнее об этом: [Бобылев 2017].

чтению, умению воспринимать нелинейные тексты, требующие «серьезных ментальных усилий по декодированию и извлечению смыслов». ФАХТ рассматривается как важнейшее средство профилактики и преодоления алексии (потери умения воспринимать и понимать письменный текст). «Чтение — это, прежде всего, напряженная духовная работа двух индивидуальностей — Автора и Читателя, их активное взаимодействие», — подчеркивают авторы [Букаты, Голышкин, Карпова 2014: 92].

Выводы. Обоснование и создание филологического анализа художественного текста как особого научного направления гуманитарной науки, а также как универсального исследовательского и дидактического метода в трудах академика Н. М. Шанского является результатом творческого переосмысления и синтеза выдающихся достижений филологии и философской герменевтики XX в., ответом на вызовы времени, выразившиеся в тотальной экспансии технической цивилизации, стремлении к расчлуженному, механистическому упрощению человеческой природы, вытеснению слова и текста на периферию культуры и массового сознания. Концепция ФАХТ, которая разрабатывается Н. М. Шанским и его последователями, осуществляемые на ее основе научные и учебные проекты позволяют на качественно новом методологическом уровне ставить и решать проблемы филологического анализа, понимания и интерпретации художественного текста, осуществляя «рефлекс в целое», рассматривая классику как проявление «внутренней формы», имманентного личного начала бытия, человеческого сознания, науки и культуры, как средство духовного восстановления, развития и преображения человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Ритм как теодицея // Новый мир. 2001. № 2. С. 204–205.
2. Белова Н. А. Филологический анализ художественного текста: реализация интеграции лингвистического и литературоведческого подходов в школе: учебно-метод. пособие. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2008. 205 с.
3. Бобылев Б. Г. Идея филологического анализа художественного текста в трудах Н. М. Шанского и современной дидактике // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1, № 6(45). С. 117–128.
4. Бобылев Б. Г. «У Бога счастья не прощу»: филологический анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 6. С. 44–54. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-6-44-54>.
5. Бобылев Б. Г. Филологический анализ художественного текста: герменевтический подход. Орел: Госуниверситет-УНПК, 2012. 278 с.
6. Букаты Е. М., Голышкин Л. А., Карпова Е. В. и др. Книга о «Книге»: филологический анализ художественного текста: коллективная монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. 104 с.
7. Винокур Г. О. Критика поэтического текста. М.: Гос. акад. худож. наук, 1927. 133 с.
8. Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории: аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005. 559 с.
9. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
10. Шанский Н. М. Лингвистические детективы. Слово и его тайны: кн. 2. М.: Эксмо, 2021. 336 с.
11. Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста // Материалы Третьего международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. Июнь, 1960. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. 250 с.
12. Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. 2-е изд., дораб. Л.: Просвещение, 1990. 416 с.
13. Шанский Н. М. О языке и слоге рассказов А. П. Чехова // Русский язык в школе. 1954. № 4. С. 9–15.
14. Шанский Н. М. По страницам «Евгения Онегина»: Комментарий. Факультатив. Олимпиада. М.: Дрофа, 2005. 176 с.
15. Шанский Н. М. «Сосна» М. Ю. Лермонтова // Русский язык в школе. 1979. № 1. С. 37–40.
16. Шанский Н. М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом: кн. для внекл. чтения учащихся 8–10-х кл. средней школы. М.: Просвещение, 1986. 160 с.
17. Шанский Н. М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом: «Грозный суд» и «грозный судия»? Какой «позор»? // Русский язык в школе. 1971. № 3. С. 97–100.
18. Шанский Н. М., Махмудов Ш. А. Сборник упражнений по лингвистическому анализу художественного текста: учеб. пособие для студентов нац. групп пед. ин-тов. СПб.: Просвещение, 1992. 192 с.

19. Шанский Н. М., Махмудов Ш. А. Филологический анализ художественного текста: кн. для учителя. М.: Русское слово, 2010. 255 с.

REFERENCES

1. Averintsev S. S. The rhythm as a theodicy. *Novy Mir = A new world*. 2001;2:203–205. (In Russ.)
2. Belova N. A. Philological analysis of a literary text: implementation of the integration of linguistic and literary approaches at school: a textbook. Saransk: Ogarev Mordovia State University, 2008. 205 p. (In Russ.)
3. Bobylev B. G. Idea of philological analysis of the artistic text in the works of Nikolai M. Shansky and contemporary didactics. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = National and Foreign Pedagogy*. 2017;6(45):117–128. (In Russ.)
4. Bobylev B. G. "I do not ask God for happiness": a philological analysis of M. Yu. Lermontov's poem "Valerik". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021;82(6):44–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-6-44-54>.
5. Bobylev B. G. Philological analysis of a literary text: a hermeneutical approach. Orel: Orel State University named after I. S. Turgenev, 2012. 278 p. (In Russ.)
6. Bukaty E. M., Golyshkin L. A., Karpova E. V. et al. The book about the "Book": a philological analysis of a literary text: a collective monograph. Novosibirsk: NSTU, 2014. 104 p. (In Russ.)
7. Vinokur G. O. Criticism of a poetic text. Moscow: Russian State Academy of Arts, 1927. 133 p. (In Russ.)
8. Lukin V. A. Literary text: foundations of linguistic theory: an analytical minimum. Moscow: Os'-89, 2005. 559 p. (In Russ.)
9. Nikolina N. A. Philological analysis of the text: a textbook for students of pedagogical universities. Moscow: Publishing Center "Academy", 2008. 272 p. (In Russ.)
10. Shansky N. M. Linguistic detectives. Word and its secrets: Book 2. Moscow: Eksmo, 2021. 336 p. (In Russ.)
11. Shansky N. M. Linguistic analysis of literary text. *Materialy Tret'ego mezhdunarodnogo metodicheskogo seminar prepodavatelei russkogo yazyka stran sotsializma = Proceedings of the 3rd International Methodological Seminar for Teachers of the Russian Language in the Socialistic Countries, June, 1960*. Moscow: MSU Publ., 1962. 250 p. (In Russ.)
12. Shansky N. M. Linguistic analysis of a literary text: a textbook for students of pedagogical universities (2nd ed., revised). Leningrad: Education, 1990. 416 p. (In Russ.)
13. Shansky N. M. On the language and style of A. P. Chekhov's stories. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1954;4:9–15. (In Russ.)
14. Shansky N. M. Through the pages of "Eugene Onegin": Commentary. Elective. Academic Olympics. Moscow: Drofa, 2005. 176 p. (In Russ.)
15. Shansky N. M. "Pine" M. Y. Lermontov. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1979;1:37–40. (In Russ.)
16. Shansky N. M. Literary text under a linguistic microscope: a book for home reading for students 8–10th grade. Moscow: Education, 1986. 160 p. (In Russ.)
17. Shansky N. M. Literary text under a linguistic microscope: "Terrible judgment" and "terrible judge"? What a "disgrace"? *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1971;3:97–100. (In Russ.)
18. Shansky N. M., Makhmudov Sh. A. Collection of exercises on the linguistic analysis of a literary text: a textbook for students of ped. universities. Saint-Peterburg: Education, 1992. 192 p. (In Russ.)
19. Shansky N. M., Makhmudov Sh. A. Philological analysis of a literary text: a teacher's guide. Moscow: Russian word, 2010. 255 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борис Геннадьевич Бобылев, доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, иеродьякон Нафанаил, магистр богословия

Boris G. Bobylev, Doctor of Science (Pedagogy), Candidate of Science (Philology), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Hierodeacon Nathanael, Master of Theology

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 19.07.2022; принята к публикации 12.08.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 19.07.2022; accepted for publication 12.08.2022.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-44-52>

Композиционно-смысловая структура сложного синтаксического целого в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева

Наталья Владимировна Черникова

Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет,
г. Мичуринск, Россия, chernikovanat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>

Аннотация. Статья посвящена описанию сложных синтаксических целых (ССЦ) как единиц текста, входящих в состав лирических миниатюр «Воробей» и «Голуби» из цикла «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева. В процессе использования структурно-семантического, сравнительно-сопоставительного и описательно-аналитического методов определяются и описываются композиционно-смысловая структура сложных синтаксических целых, их функционально-смысловая организация; выявляются лексические, лексико-грамматические и грамматические средства межфразовой связи в составе ССЦ. В статье делается вывод о том, что «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева разнообразны в композиционно-содержательном плане. Миниатюра «Воробей» состоит из двух ССЦ, построенных по классической трехчастной схеме (зачин, средняя часть, концовка). В миниатюре «Голуби» из четырех образующих ее ССЦ только первое и последнее характеризуются трехчастной структурой. Рассмотрены межфразовые средства связи – общие, присущие ССЦ обеих миниатюр, и индивидуальные, характерные только для того или иного ССЦ. Каждое средство межфразовой связи подчинено содержанию, общей идее и художественной организации тургеневских стихотворений.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Стихотворения в прозе», «Воробей», «Голуби», сложное синтаксическое целое, композиционно-смысловая структура, межфразовые средства связи

Для цитирования: Черникова Н. В. Композиционно-смысловая структура сложного синтаксического целого в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 44–52. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-44-52>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The compositional and semantic structure of a complex syntactic unity in "Poems in Prose" by I. S. Turgenev

Natalia V. Chernikova

Social Pedagogical Institute, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russia,
chernikovanat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>

Abstract. The article describes complex syntactic unities (CSU) as text units that constitute part of the lyrical miniatures "Sparrow" and "Pigeons" from the cycle "Poems in Prose" by I. S. Turgenev. The study employed the structural-semantic and comparative-contrastive analysis in conjunction with the descriptive-analytical method to determine and characterise the compositional and semantic structure of complex syntactic unities and their functional-semantic organisation. Additionally, the research identified lexical, lexico-grammatical, and grammatical means of interphrasal connection within the CSU. The paper concludes that I. S. Turgenev's "Poems in Prose" are diverse in terms of composition and content. The miniature "Sparrow" consists of two CSUs built according to the classical three-part scheme (beginning, middle part, ending). In the miniature "Pigeons", only the first and the last CSUs have the three-part structure. The paper examines interphrasal means of connection such as common, characteristic of the CSUs in both miniatures, and individual, specific only to some CSUs. Each means of interphrasal connection conforms to the content, general idea, and artistic organisation of Turgenev's poems.

Keywords: I. S. Turgenev, "Poems in Prose", "Sparrow", "Pigeons", complex syntactic unity, compositional and semantic structure, interphrasal connection means

For citation: Chernikova N. V. The compositional and semantic structure of a complex syntactic unity in "Poems in Prose" by I. S. Turgenev. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(6):44–52. (In Russ.). <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-44-52>.

Введение. В журнале «Русский язык в школе» за 1988 г., № 6, была опубликована статья Н. М. Шанского под названием ««Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева», состоящая из двух частей. В первой части автор, глубокий знаток русской классики, и в частности прозы И. С. Тургенева, дал лаконичную, но очень точную характеристику тургеневским лирическим миниатюрам с точки зрения их художественной и содержательной целостности, системности. «Маленькие поэмы», как назвал их Н. М. Шанский, «образуют единую образную систему миниатюр, свободно и раскованно, но крепко и по существу связанных между собой как философское, хоть и фрагментарное осмысление фактов объективного мира и душевной жизни человека, специфическую как по своей структурной тональности, так и по особому жанровому стихотворно-прозаическому «покрою» [Шанский 1988: 48]. В «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенев в свободной лирической форме размышляет о жизни и смерти, чести и совести, любви и дружбе, вере и верности, доброте и честности, духовном величии и душевной красоте. Эти, по определению Н. М. Шанского, «этюды с натуры» «полны веры в Человека, его высокое призвание и лучшее будущее...» [Там же: 49].

«Поразительно красив и светел язык «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева» [Там же: 50]. С этого, несомненно, верно утверждения начинается вторая часть статьи, в которой автор характеризует наиболее значимые языковые и композиционные особенности тургеневских миниатюр. Подчеркнув, что язык писателя «до удивления современен», Н. М. Шанский приводит примеры лишь единичных устаревших и диалектных фактов, нуждающихся в лингвистическом комментировании (*завалинка*, *панёва*, *коты*, *скворешница*, *логовище* и др.). Исследователь отмечает разные типы заглавий лирических миниатюр, в которых «отсвечивают самые непохожие словесные и архитектурные краски» [Там же]. Одни заглавия носят номинативный, указательный характер («Воробей», «Ши», «Молитва» и др.), другие метафорически обобщают содержание текста («Голуби», «Роза», «Кубок» и др.), третьи построены на общеязыковых и контекстных антонимах («Враг и друг»,

«Чернорабочий и белоручка», «Два богача» и др.), четвертые представляют собой общепринятые и переоформленные автором литературные реминисценции и крылатые слова («Завтра, завтра!», «О моя молодость! О моя свежесть!» и др.) и т. д.

Н. М. Шанский обращает внимание на своеобразие композиционной структуры «Стихотворений в прозе». Это, по его наблюдениям, проявляется и в последовательной градации с завершающим обобщением («Воробей», «Мы еще повоюем!»), и в рамочном построении текста («Восточная легенда»), и в анафорическом «назойливом» повторении («Мне жаль...») и т. д.

Продолжая традицию лингвистического анализа художественного текста, важнейшие аспекты теории и практики которого разработаны Н. М. Шанским и представлены в учебном пособии «Лингвистический анализ художественного текста» (1-е изд. — 1984 г., последнее — 2022 г.), мы обратились к изучению композиционно-смысловой структуры сложных синтаксических целых, входящих в состав «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева.

Под сложным синтаксическим целым (ССЦ) понимается выделенная из текста «группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающих более полно по сравнению с отдельным предложением развитие мысли» [Солганик 2022: 78]. ССЦ характеризуется «относительной завершенностью темы (микротемы), смысловой и синтаксической спаянностью компонентов» [Валгина 2003: 366].

Как особая, сложная по своей организации единица текста сложное синтаксическое целое (другие названия — сверхфразовое единство, прозаическая строфа, микро-текст и др.¹ было выделено в 40–50-х гг. XX в., когда исследовательский интерес

¹ См.: Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка: в 2 т. Т. 1. Киев: Радянська школа, 1952. 880 с.; Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие // Иностранные языки в школе. 1978. № 3. С. 13–17; Солганик Г. Я. Сложное синтаксическое целое (прозаическая строфа) и его виды в современном русском языке // Русский язык в школе. 1969. № 2. С. 92–97; Щербань О. А. Сложное синтаксическое целое как единица синтаксиса текста // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2010. № 2. С. 83–90.

многих отечественных ученых, в числе которых И. А. Фигуровский, Н. С. Пospelов, Л. Ф. Булаховский и др., был обращен к связному тексту².

В идеале композиционно-смысловая структура ССЦ должна включать три основных элемента: 1) зачин (начало развития мысли); 2) среднюю часть (развитие мысли-микротемы); 3) концовку (обобщение, подведение итога в развитии микротемы или «подсказку», что развитие микротемы завершено) [Холодов 2001: 430–431].

Предложения в составе ССЦ объединяются средствами межфразовой связи: лексическими, лексико-грамматическими, грамматическими³.

Цель данной статьи — проанализировать композиционно-смысловую структуру и функционально-смысловую организацию сложных синтаксических целых, а также лексические, лексико-грамматические и грамматические средства межфразовой связи в двух лирических миниатюрах — «Воробей» и «Голуби», входящих в цикл тургеневских «Стихотворений в прозе». В процессе исследования использованы структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный, описательно-аналитический методы.

Анализ. Миниатюра «Воробей»⁴ состоит из 17 предложений, входящих в состав двух ССЦ, которые построены по классической схеме: зачин, средняя часть, концовка.

Микротема ССЦ-1 (1–11 предложения) — «Неожиданная дичь». Охотничий

пес Трезор, увидев выпавшего из гнезда молодого воробья, насторожился. Сработал охотничий инстинкт — и пес непременно напал бы на воробушка, если бы в дело не вмешался взрослый родитель-воробей. Он отважно бросился защищать своего детеныша.

1–3 предложения — зачин, в котором рассказчик повествует о своем возвращении с охоты и поведении охотничьей собаки:

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня. Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

В средней части (4–10 предложения) описываются действия старого воробья, бросившегося на защиту птенца. Им руководила жертвенная любовь, способная на все ради своего детеныша:

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки. Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой — и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул два раза в направлении зубастой раскрытой пасти. Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою! Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

11–12 предложения — концовка, в которой описываются действия пса и дается авторская оценка:

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Микротема ССЦ-2 — «Сила любви». В его зачине (13 предложение) рассказчик сообщает о своих действиях и душевном состоянии:

Я поспешил отозвать смущенного пса — и удалился, благоговей.

² См. об этом: *Папуша И. С.* Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 401 с.

³ См.: *Пospelов Н. С.* Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 32–53; *Лосева Л. М.* К изучению межфразовой связи: Абзац и сложное синтаксическое целое // Русский язык в школе. 1967. № 1. С. 89–94; *Солганик Г. Я.* О синтаксической структуре текста // Русский язык в школе. 1984. № 5. С. 80–85; *Агаева З. Т.* Средства связи между компонентами смысловой структуры текста // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4(71). С. 486–489; *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2020. 144 с.

⁴ *Тургенев И. С.* Стихотворения в прозе. М.: Детская литература, 1990. С. 36.

В основной части (14–15 предложения) рассказчик, словно видя недоумение читателя, повторно характеризует свое душевное состояние и объясняет его причину:

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом.

Концовка (16–17 предложения) содержит заключительные рассуждения рассказчика о силе любви:

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

В двух ССЦ миниатюры «Воробей» присутствуют все функционально-смысловые типы речи.

Так, ССЦ-1 содержит повествование о событиях, происходящих на глазах рассказчика: *я шел; собака бежала, приближалась; молодой воробей упал из гнезда, сидел на аллее; старый воробей сорвался с дерева, камнем упал, прыгнул в направлении открытой пасти; пес остановился, понялся*; описание внешнего вида воробьев и собаки: *молодой воробей с желтизной около клюва и пухом на голове, прорастающие крылышки*;

старый черногрудый воробей, взъерошенный, искаженный, маленькое тело, охрипший голосок; зубастая раскрытая пасть; описание поступка старого воробья: *рунулся спасать, заслонил собой свое детище, жертвовал собою*; описание состояния птиц: *молодой воробей сидел беспомощно; старый воробей с отчаянным и жалким писком прыгнул навстречу собаке, его тело трепетало от ужаса*; рассуждение рассказчика: *Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака!; Видно, и он признал эту силу*.

ССЦ-2 включает повествование о действиях рассказчика: *я поспешил отозвать пса, удалился*; описание внутреннего состояния героев: *любовный порыв героической птицы, смущенный пес, я благоговел*; рассуждение о силе любви: *Только ею, только любовью держится и движется жизнь*.

Каждое ССЦ, входящее в лирическую миниатюру, характеризуется средствами межфразовой связи, которая в их составе соединяет предложения в единое целое. Выявленные средства межфразовой связи в ССЦ-1 и ССЦ-2 миниатюры «Воробей» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Средства межфразовой связи в ССЦ миниатюры «Воробей»

Средства межфразовой связи	ССЦ-1	ССЦ-2
Лексические средства связи		
лексический повтор	-	<i>упал, я, любовь/любовью</i>
однокоренные слова	-	<i>благоговев — благоговел, любовным — любовь</i>
слова и сочетания одной тематической группы	со значением 'передвижение в пространстве': <i>(я) возвращался, шел; (собака) бежала, уменьшила шаги, начала красться, приближалась; (Трезор) понялся</i>	-
повторная номинация одного и того же объекта разными языковыми средствами (в том числе образными)	<i>собака — Трезор — громадное чудовище; молодой воробей — детище</i>	-
родо-видовые обозначения	<i>береза — дерево</i>	
антонимы	-	<i>смерть — жизнь</i>
Лексико-грамматические средства связи		
анафорические элементы, отсылающие к предшествующим предложениям (лично-указательные и указательные местоимения, местоименные наречия)	<i>она (собака), он (молодой воробей), он (старый воробей), он (Трезор), оттуда (на ветке)</i>	<i>ею (любовью)</i>

Средства межфразовой связи		ССЦ-1	ССЦ-2
Грамматические средства связи			
синсемантические элементы (союзы, частицы), стоящие в начале предложения и отсылающие к предшествующему контексту		<i>и, все-таки, да</i>	-
вводно-модальные слова, обозначающие сказанное в предшествующем контексте и выражающие авторскую оценку		<i>видно</i>	-
обратный порядок слов, отражающий особенности тема-рематического членения высказывания		<i>Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака!</i>	<i>Только ею, только любовью держится и движется жизнь</i>
формы грамматического времени, указывающие:	а) на одновременность действий	<i>возвращался, шел, бежала, приближалась, трепетало, замирал, жертвовал</i>	<i>благоговел, думал</i>
	б) на последовательность действий	<i>уменьшила шаги и начала красться; глянул и увидел; упал перед самой ее мордой, заслонил собою свое детище; остановился, попятился</i>	-

Анализ средств межфразовой связи и способа ее действия свидетельствует о том, что между входящими в ССЦ-1 предложениями наблюдается параллельная и цепная, т. е. смешанная, связь. Основным способом действия механизмов параллельной связи является повтор (слова и сочетания одной тематической группы, повторная номинация, родо-видовые обозначения). Основной способ действия механизмов цепной связи — зацепление, средствами выражения которого являются анафорические замены (местоименные слова) и синсемантические элементы (союзы, частицы), отсылающие к предшествующим предложениям. Между предложениями, входящими в состав ССЦ-2, также связь смешанная с преобладанием параллельной (лексический повтор, однородные слова, антонимы).

Обратимся к миниатюре «Голуби»⁵. Она состоит из 26 предложений, которые образуют четыре ССЦ. Первое и последнее из них построены по классической схеме (зачин, средняя часть, концовка). ССЦ-2 и ССЦ-3 не имеют концовки. Рассмотрим каждое ССЦ. Микротема ССЦ-1 (1–12 предложения) — «Природа перед грозой».

В его зачине (1–2 предложения) лирический герой описывает поле спелой ржи и говорит о приближающейся грозе:

Я стоял на вершине пологого холма; передо мною — то золотым, то посеребренным морем — раскинулась и пестрела спелая рожь. Но не бежало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала гроза великая.

В средней части сначала описывается состояние природы в ожидании грозы (3–6 предложения):

Около меня солнце еще светило — горячо и тускло; но там, за рожью, не слишком далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона. Все притаилось... все изнывало под зловещим блеском последних солнечных лучей. Не слышать, не видеть ни одной птицы; попрытались даже воробьи. Только где-то вблизи упорно шептал и хлопал одинокий крупный лист лопуха.

Затем лирический герой, ожидая грозу, описывает свое душевное состояние и «тоскливое томленье» (7–10 предложения):

Я глядел на синюю громаду... и смутно было на душе. Ну скорей же, скорей! — думалось мне, — сверкни, золотая змейка, дрогни, гром! Двинься, покатысь, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

В концовке (11–12 предложения) усиливается ощущение надвигающейся грозы:

⁵ Тургенев И. С. Указ. соч. С. 62.

Но туча не двигалась. Она по-прежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла да темнела.

В функциональном плане ССЦ-1 представляет собой описание: а) пейзажа: *на вершине пологого холма; передо мною пестрела спелая рожь; темно-синяя туча лежала на половине небосклона; злоецкий блеск солнечных лучей; все притаилось, все изнывало; туча не двигалась, пухла да темнела*; б) чувств и мыслей лирического героя: *смутно было на душе; Ну скорей же, скорей!.. сверкни, золотая змейка, дрогни, гром!*

Микротема ССЦ-2 (13–18 предложения) — «Два белых голубя». На это указывает его зачин (13–14 предложения):

И вот по одноцветной ее синеве замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый голубь.

Средняя часть (15–18 предложения) повествует о действиях голубей, один из которых перед началом грозы поспешил на поиски другого:

Летел, летел — все прямо, прямо... и потонул за лесом. Прошло несколько мгновений — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже два платка мелькают, два комочка несутся назад: то летят домой ровным полетом два белых голубя.

Концовка у ССЦ-2 отсутствует.

ССЦ-2, в отличие от ССЦ-1, включает два функционально-смысловых типа речи — повествование о происходящих событиях: *голубь летел, потонул за лесом; летят домой два голубя*; описание голубей: *белый голубь, летят ровным полетом*; описание пейзажа: *по одноцветной синеве, жестокая тишь*.

Микротема ССЦ-3 (19–21 предложения) — «Долгожданная буря». Об этом свидетельствует зачин:

И вот, наконец, сорвалась буря — и пошла потеха!

В средней части (20–21 предложения) описывается состояние природы во время грозы:

Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные

облака, все закрутилось, смешалось, захлестал, закачался отвесными столбами рьяный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой...

У ССЦ-3, как и у ССЦ-2, концовка отсутствует.

ССЦ-3, так же как ССЦ-1, является описанием. Изображая буйство грозы, автор использует разнообразные средства выразительности: эпитеты (*рыжие, низкие облака, огнистая зелень, рьяный ливень, отрывистый гром*), олицетворения (*визжит, мечется ветер*), метафоры (*закачался ливень, стреляет гром*), сравнения (*ветер мечется как бешеный; словно в клочья разорванные облака; закачался отвесными столбами ливень; стреляет как из пушки гром*).

В ССЦ-4 (22–26 предложения) лирический герой возвращается к описанию двух белых голубей. Его микротема — «Друзья рядом». Зачин:

Но под навесом крыши, на самом краюшке слухового окна, рядышком сидят два белых голубя — и тот, кто слетал за товарищем, и тот, кого он привел и, может быть, спас.

В средней части (23–24 предложения) описывается состояние голубей: им хорошо, потому что в такую страшную бурю они рядом:

Наохлились оба — и чувствует каждый своим крылом крыло соседа... Хорошо им!

В концовке (25–26 предложения) лирический герой характеризует свое неоднозначное душевное состояние — радость за других (за голубей) и свое одиночество:

И мне хорошо, глядя на них... Хотя я и один... один, как всегда.

Заключительное ССЦ, так же как ССЦ-1 и ССЦ-3, является описанием. В нем описывается поведение голубей во время грозы: *рядышком сидят, оба наохлились, каждый чувствует крыло соседа* — и душевное состояние лирического героя: *мне хорошо, глядя на них; хоть я и один, как всегда*.

Выявленные средства межфразовой связи в каждом ССЦ миниатюры «Голуби» представлены в таблице 2.

Таблица 2

Средства межфразовой связи в ССЦ миниатюры «Голуби»

Средства межфразовой связи	ССЦ-1	ССЦ-2	ССЦ-3	ССЦ-4
Лексические средства связи				
лексический повтор	<i>морем/морю, я/около меня, рождь/рождью, я/мне, туча</i>	<i>летел/летят, белый/белых</i>	-	<i>два/оба, хорошо, мне/я</i>
однокоренные слова	<i>солнце – солнечных</i>	<i>замелькала – мелькают, платочек – (два) платка, комок – (два) комочка</i>	-	-
слова и сочетания одной тематической группы	со значением 'гроза': <i>темно-синяя туча, золотая змейка (молния), великая гроза</i> со значением 'затишье перед бурей': <i>притаилось, не слышать, не видеть, попрятались</i> со значением 'душевная тоска': <i>смутно на душе, тоскливое томление</i>	со значением 'полет': <i>летел, мелькают, несутся, летят ровным полетом</i>	со значением 'буйство стихии': <i>сорвалась буря; визжит, мечется ветер; мчатся облака; все закрутилось, смешалось; захлестал рьяный ливень; слепят молнии; стреляет гром</i>	-
повторная номинация одного и того же объекта разными языковыми средствами (в том числе образными)	<i>темно-синяя туча – синяя громада – злая туча</i>	<i>белый платочек, снежный комок – белый голубь</i>	-	-
Лексико-грамматические средства связи				
анафорические элементы, отсылающие к предшествующим предложениям (лично-указательные, указательные, определительные местоимения, местоименные наречия)	<i>(по) этому (морю), она (туча)</i>	<i>то (замелькало что-то)</i>	-	<i>им – каждый (два голубя)</i>
Грамматические средства связи				
синсемантические элементы (союзы, частицы), стоящие в начале предложения и отсылающие к предшествующему контексту	<i>но</i>	<i>но, уже</i>	-	-
формы грамматического времени, указывающие:	а) на одновременность действий, состояний	-	<i>сорвалась, добежал, закрутилось, смешалось</i>	<i>сидят, чувствует</i>
	<i>стоял, нестрела, не бежало, не струился, назрежала, светило, лежала, изнывало, шептал, хлопал, глядел, было смутно, думалось, не двигалась, давила, темнела</i>			

Средства межфразовой связи		ССЦ-1	ССЦ-2	ССЦ-3	ССЦ-4
	б) на последовательность действий, состояний	-	<i>летел... и потонул, прошло несколько мгновений — уже два платка мелькают</i>	-	-
императивные глагольные формы, выражающие волеизъявление, желание лирического героя		<i>свергни, дрогни, покатись, пролейся</i>	-	-	-
обратный порядок слов, отражающий особенности тема-рематического членения высказывания		<i>Раскинулась и пестрела спелая рожь; не струился душный воздух: назревала гроза великая; солнце еще светило — горячо и тускло; попрыгали даже воробы; шептал и хлопал лист лопуха; сильно пахнет полынью; смутно было на душе</i>	<i>То летел со стороны деревни белый голубь; Летел, летел — все прямо, прямо; ...та же стояла жестокая тишь</i>	-	<i>Рядышком сидят два белых голубя, нахохлились оба и чувствует каждый; хорошо им</i>
неполнота предложения — пропуск члена предложения, который восполняется из предшествующего контекста		-	<i>Летел, летел — все прямо, прямо... и потонул за лесом (голубь)</i>	-	<i>Нахохлились оба (голубя)</i>
конструкции с нулевой глагольной связкой в составе сказуемого, характеризующего душевное состояние лирического героя и голубей		-	-	-	<i>Хорошо им; мне хорошо; я один</i>

Анализ средств межфразовой связи и способа ее действия позволяет сделать вывод о том, что между входящими в ССЦ-1, ССЦ-2 и ССЦ-4 предложениями смешанная связь, так как присутствуют оба способа механизмов связи — повтор и зацепление. Средством выражения повтора являются однокоренные слова, лексический повтор, повторная номинация, слова и словосочетания одной тематической группы, формы грамматического времени, указывающие на одновременность и последовательность действий, состояний и др. Зацепление выражено анафорическими (местоименные слова) и синсемантическими (союзы, частицы) элементами, отсылающими к предшествующим предложениям.

Предложения, входящие в ССЦ-3, объединены параллельной связью. Об этом свидетельствует лексический и грамматический

повтор (слова и сочетания одной тематической группы, формы грамматического времени, указывающие на одновременность действий).

Выводы. Анализ сложных синтаксических целых, входящих в состав двух лирических миниатюр, свидетельствует о том, что «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева разнообразны в композиционно-содержательном плане. Миниатюра «Воробей» состоит из двух ССЦ, построенных по классической трехчастной схеме (зачин, средняя часть, концовка). Миниатюра «Голуби» имеет рамочную конструкцию: из четырех образующих ее ССЦ только первое и последнее характеризуются трехчастной структурой. У двух внутренних ССЦ концовка отсутствует. Однако это не умаляет их содержания, а, наоборот, более рельефно выделяет в каждом из них микротему

и показывает тесную связь с другими ССЦ в составе произведения.

Отметим разнообразие лексических и грамматических средств межфразовой связи внутри каждого ССЦ в составе миниатюр. Среди них встречаются как общие, присущие всем миниатюрам средства связи (лексический повтор, однокоренные слова, повторная номинация, слова и сочетания одной тематической группы, анафорические и синсемантические элементы и др.), так и индивидуальные, характерные только для того или иного ССЦ. В стихотворении «Воробей» таковыми являются родо-видовые обозначения, вводно-модальные слова (ССЦ-1), антонимы (ССЦ-2); в миниатюре «Голуби» — императивные глагольные формы (ССЦ-1), неполнота предложений (ССЦ-2, ССЦ-4), конструкции с нулевой глагольной связкой в составе сказуемого (ССЦ-4). Каждое средство межфразовой связи подчинено содержанию, общей идее и художественной организации тургеневских стихотворений.

Все это свидетельствует о том, что «этюды с натуры» — «самое своеобразное и поэтическое создание писателя и по своему содержанию, и по художественной форме» [Шанский 1988: 48]. «Каждая лирическая миниатюра в прозе выступает у Тургенева в виде единого целого “закрытой эстетической структуры”» [Там же: 49]. В качестве образующих ее средств представлены разнообразные содержательные и структурные элементы. Важное место среди них, несомненно, занимает композиция «маленьких поэм», включающая сверхфразовые единства (сложные синтаксические целые).

В заключение вновь процитируем Н. М. Шанского, который справедливо утверждал, что «в силу правильности, чистоты и предельной современности языка “Стихотворений в прозе” в лингвистическом комментарии они нуждаются прежде всего как речевые произведения, определенным образом организованные тексты в качестве единого целого, имеющего то

или иное воспитательное значение и эстетическую ценность» [Там же: 50].

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
2. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М.: URSS, 2022. 228 с.
3. Солганик Г. Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2018. 256 с.
4. Холодов Н. Н. Сложные формы организации монологической и диалогической речи // Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. М.: Высшая школа, 2001. С. 428–451.
5. Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие. Л.: Просвещение, 1984. 416 с.
6. Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие. М.: Флинта, 2022. 416 с.
7. Шанский Н. М. «Стихотворение в прозе» И. С. Тургенева // Русский язык в школе. 1988. № 6. С. 48–52.

REFERENCES

1. Valgina N. S. Contemporary Russian language: Syntax. Moscow: Higher school, 2003. 416 p. (In Russ.)
2. Solganik G. Ya. Syntax stylistics. Moscow: URSS, 2022. 228 p. (In Russ.)
3. Solganik G. Ya. Stylistics of a text style: a textbook. Moscow: Flinta: Science, 2018. 256 p. (In Russ.)
4. Kholodov N. N. Complex forms of organization of monologue and dialogic speech. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk = Contemporary Russian literary language* / A. Lekant (ed.). Moscow: Higher school, 2001. P. 428–451. (In Russ.)
5. Shansky N. M. Linguistic analysis of a literary text: a textbook. Leningrad: Education, 1984. 416 p. (In Russ.)
6. Shansky N. M. Linguistic analysis of a literary text: a textbook for students of pedagogical universities. Moscow: Flinta, 2022. 416 p. (In Russ.)
7. Shansky N. M. "Poem in prose" by I. S. Turgenev. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1988;6:48–52. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталия Владимировна Черникова, доктор филологических наук, профессор

Natalia V. Chernikova, Doctor of Science (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 10.08.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 10.08.2022.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

LINGUISTIC NOTES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-53-62>

Русская фразеология в аспекте учения Н. М. Шанского

Елена Михайловна Маркова^{1,2}

¹Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, г. Москва, Россия,
elena-m-m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6620-1567>

²Экономический университет, г. Братислава, Словакия

Аннотация. Статья посвящена вкладу во фразеологию русского языка известного российского лингвиста Николая Максимовича Шанского, 100-летие со дня рождения которого отмечается в 2022 году. Цель – анализ фразеологических воззрений ученого, его понимания фразеологических единиц, многоаспектного описания фразеологического фонда русского языка, классификаций фразеологизмов по разным основаниям: с точки зрения структуры, происхождения, стилистической маркированности. В статье обоснована актуальность учения Н. М. Шанского в наши дни. Материалом послужили труды ученого в области фразеологии и лингводидактики. Разносторонние знания Н. М. Шанского, его лингвистическое чутье и огромное трудолюбие помогли внести существенный вклад в развитие фразеологии, фразеобразования, обосновать связь фразеологии и лексики, фразеологии и стилистики, словообразования и фразеобразования, показать роль фразеологизмов в сохранности праславянского лексического наследия. Отмечается большой вклад ученого в популяризацию русского языка, что реализовано в многочисленных авторских книгах, учебниках и словарях для школьников, в том числе фразеологических. Результаты научной и методической деятельности юбиляра на долгие годы определили развитие научных изысканий в России и за рубежом. Систематизация фразеологического наследия Н. М. Шанского сопровождается отсылками к работам фразеологов, лексикографов, лингвокультурологов, развивающих идеи ученого, и авторскими историко-этимологическими материалами, выполненными в русле его научной школы.

Ключевые слова: Н. М. Шанский, научное наследие, фразеология, классификации фразеологизмов, русский язык, славянские языки

Для цитирования: Маркова Е. М. Русская фразеология в аспекте учения Н. М. Шанского // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 53–62. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-53-62>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Russian phraseology in the context of N. M. Shansky's teachings

Elena M. Markova^{1,2}

¹Kosygin State University, Moscow, Russia, elena-m-m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6620-1567>

²University of Economics, Bratislava, Slovakia

Abstract. The article focuses on the contribution to Russian phraseology made by the famous Russian linguist Nikolai Maksimovich Shansky whose 100th birthday anniversary is celebrated in 2022. The research aims to analyse the scientist's views on phraseology and his conception of phraseological units. Moreover, the paper explores the multi-aspect description of the Russian phraseological fund and the classifications of phraseological units based on different grounds, namely with regard to their structure, origin, and stylistic marking. The research demonstrates the relevance of N. M. Shansky's teachings at present. The scientist's works in the fields of phraseology and linguodidactics comprise the material of the study. The scientist's versatile knowledge, his linguistic knack, and great diligence enabled N. M. Shansky to contribute significantly to the development of phraseology and phraseological formation. He also succeeded in substantiating the

connection between phraseology and lexis, phraseology and stylistics, word formation and phraseological formation as well as in highlighting the role of phraseological units in preserving the Proto-Slavic lexical heritage. The paper notes the immense contribution of the scientist to popularising the Russian language, which is implemented in the numerous books, textbooks, and dictionaries for schoolchildren, including phraseological ones, which he authored. The results of N. M. Shansky's scientific and methodological activities determined the development of scientific research in Russia and abroad for many years to come. The systematisation of N. M. Shansky's phraseological legacy is accompanied by references to the works by phraseologists, lexicographers, linguoculturologists who develop the scientist's ideas. In addition, the paper contains my historical and etymological materials developed in line with the traditions of his scientific school.

Keywords: N. M. Shansky, scientific legacy, phraseology, classifications of phraseological units, Russian language, Slavic languages

For citation: Markova E. M. Russian phraseology in the context of N. M. Shansky's teachings. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(6):53–62. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-53-62>.

Дорогому и незабвенному Учителю

Введение. Николай Максимович Шанский является одним из известных российских лингвистов. Ученник таких крупнейших языковедов, как Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Р. И. Аванесов, он сам встал в один ряд с ними. Трудно назвать область языкознания, в которой бы Н. М. Шанский не проявил свой талант. Под его «лингвистическим микроскопом» оказались многочисленные слова и выражения русского языка. Человек широчайшей эрудиции и тонкого лингвистического чутья, автор более 500 научных работ и 40 книг по словообразованию, лексикологии, фразеологии, лексикографии, этимологии, лингвистическому анализу художественного текста, он внес огромный вклад в развитие науки о языке. Автор многочисленных учебников по русскому языку для школ и вузов, он не только исследовал русский язык, но и популяризировал его, занимался его распространением и продвижением, заражал любовью к родному слову и стремлением к раскрытию его тайн. Не случайно многие научно-популярные книги Николая Максимовича носят «детективное» или «интригующее» название: «В мире слов», «Занимательный русский язык», «Этот загадочный Евгений Онегин», «По следам “Евгения Онегина”», «Лингвистические детективы». Последнюю свою рукопись он назвал «Жизнь русского слова», определив ее жанр как «книга для старшеклассников» и включив в нее обширный материал по лексике и фразеологии русского языка [Шанский, Боброва 2006]. Он писал просто и понятно, его книги легко и интересно читать всем: и школьникам, и студентам, и ученым. И еще он был замечательным

Учителем, подготовившим почти 250 кандидатов и докторов наук, Человеком, показавшим образец служения Науке, Языку, делу Просвещения, образец человечности, интеллигентности и порядочности.

Анализ. Много занимаясь фразеологией, Н. М. Шанский внес значительный вклад в систематизацию и описание фразеологического фонда русского языка, развивая фразеологическое учение в рамках не только структурно-семантического, но и лингвокультурологического подхода. Определяющая роль ученого в становлении современной фразеологической науки отмечается в работах российских и зарубежных исследователей¹.

Вслед за В. Л. Архангельским, В. В. Виноградовым, Ю. А. Гвоздаревым и другими известными фразеологами Н. М. Шанский был приверженцем широкого понимания фразеологизмов, при котором основным свойством фразеологического оборота является **воспроизводимость** [Шанский, Иванов 1981: 68]. По мнению ученого, во фразеологии должны изучаться «как устойчивые сочетания слов, семантически эквивалентные слову, так и устойчивые сочетания слов, в семантическом и структурном отношении представляющие собой предложения, т. е. все воспроизводимые единицы без исключения» [Шанский 1963: 3]. Помимо этого, он выделял и такие свойства

¹ См.: Баштабак А. Ш. Работы по фразеологии в России // Символ науки: международный научный журнал. 2020. № 12-1. С. 125–128; Абдыкаимова О. С., Турдакунова С. А. Становление и развитие фразеологии как самостоятельного направления в лингвистической науке // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21, № 2. С. 73–78.

фразеологизмов, как «**устойчивость** в составе структуры и **целостность значения**» [Шанский, Иванов 1981: 69], а также **непроизносимость**. Н. М. Шанскому принадлежит следующее определение фразеологического оборота: «Фразеологический оборот — это воспроизводимая единица языка из двух или более ударных компонентов словного характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре» [Шанский, Иванов 1981: 68].

При широком понимании, по мнению В. В. Виноградова, к фразеологизмам относятся «сочетания слов, обладающие семантической целостностью, которые внутри этого класса по признаку мотивированности/ немотивированности объединяются в три типа единиц» [Виноградов 1977: 187]:

1) фразеологические сращения — «такие семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов. Значение такого рода фразеологических оборотов является таким же немотивированным и совершенно условным, как и семантика слов с непроизводной основой» (цит. по: [Шанский 2019: 79]). Примерами этого типа являются выражения: *как пить дать, из рук вон, ахиллесова пята, лить пули, неровен час* и т. п.;

2) фразеологические единства — «семантически неделимые и целостные, однако в них, в отличие от фразеологических сращений, их целостная семантика является уже мотивированной отдельными значениями составляющих их слов» [Там же: 81], к примеру: *первый блин комом, как с гуся вода, мокрая курица, делать из мухи слона* и т. п.;

3) фразеологические сочетания — такие словосочетания, «в которых имеются слова как со свободным, так и со связанным употреблением» [Там же: 82] типа *закадычный друг, щекотливый вопрос, икона стиля, живая вода, скоропостижная смерть, сгорать от любви* и т. д.

Шанский, высоко оценив роль В. В. Виноградова, творчески переработавшего — «с учетом специфических особенностей фразеологии русского языка — фразеологическую схему Ш. Балли» [Там же: 37], подчеркивал, что «именно им впервые была дана синхронная квалификация фразеологических оборотов русского языка с точки зрения

их семантической слитности и были намечены пути и аспекты дальнейшего их изучения» [Шанский 1963: 3]. Эта классификация была взята Н. М. Шанским за основу и расширена в его работе «Фразеология современного русского языка» (1963) введением четвертого типа фразеологических единиц — **фразеологических выражений**, состоящих из слов со свободным значением. По мнению лингвиста, «от фразеологических сочетаний они отличаются тем, что в них нет слов с фразеологически связанным значением. Составляющие их слова не могут иметь синонимических замен, которые возможны для слов с несвободным значением в группе фразеологических сочетаний» [Шанский 2019: 84]. К ним он относил такие языковые единицы, как *волков бояться — в лес не ходить, человек в футляре, трудовые успехи, разжигатели войны, сторонники мира*.

В истории изучения русской фразеологии указанный выше труд является одним из самых важных, а исследование специфики выделенных здесь типов фразеологических единиц не теряет актуальности и реализуется в России и за рубежом [Дидковская 2015; Шодиев 2019; Ван 2021].

Н. М. Шанский определял магистральную задачу фразеологии — изучать фразеологическую систему русского языка в «ее настоящей истории, в ее связях и взаимоотношениях с лексикой и словообразованием, с одной стороны, и грамматикой, с другой» [Шанский 1963: 3–4]. Тщательно исследуя природу и структуру фразеологизмов, Н. М. Шанский дал их всестороннюю характеристику, предложил грамматическую, этимологическую и экспрессивно-стилистическую классификации, что положило начало современным комплексным исследованиям языковых единиц и их лексикографическим описаниям².

² Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / ред. В. Н. Телия, М. Л. Ковшова, В. В. Красных. М.: АСТ-Пресс, 2021. 784 с.; Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ, 2010. 740 с.; Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М.: ЭЛПИС, 2008. 472 с.

По структуре, грамматическому строению Н. М. Шанский выделял следующие разряды фразеологических единиц:

1) фразеологизмы, построенные по модели предложения типа *бабушка надвое сказала, кот заплакал, не велика важность* и т. п. Внутри этого типа по значению выделяются фразеологизмы **номинативные** и **коммуникативные**. **Номинативные** единицы используются для называния того или иного явления действительности. Большинство из них является образными и выразительными эквивалентами слов и выступает в функции какого-либо члена предложения, например: *куда глаза глядят* (= *неизвестно*), *кот заплакал* (= *мало*). «Фразеологические единицы **коммуникативного** типа передают целое сообщение. Они употребляются или самостоятельно, или в качестве строительного материала более сложного предложения» [Шанский 2019: 100]: *кашу маслом не испортишь; не всё то золото, что блестит; не в свои сани не садись; нашла коса на камень* и т. д. По характеру выражаемого сообщения среди коммуникативных фразеологизмов Н. М. Шанский выделял **коммуникативные обороты афористического характера** (крылатые слова и пословицы): *Любви все возрасты покорны* (Пушк ин), *Знание — это сила* (Бэко н) и коммуникативные обороты, представляющие собой разнообразные **разговорно-бытовые штампы** (пословицы и поговорки): *Лиха беда — начало, Мир дому сему* и др.;

2) фразеологические обороты, построенные по модели словосочетания. Среди них, в зависимости от частеречной принадлежности главного слова и выражаемого значения, выделяются субстантивные (*красная цена, живая вода, душа общества, буква закона, властитель дум*); глагольные (*кривить душой, сесть в калошу, бросать слова на ветер, втирать очки, задирать нос*); адъективные (*тяжелый на подъем*); адverbиальные (*вдоль и поперек, во всю глотку*); междометные (*боже мой, вот тебе да!*).

По мнению ученого, важно учитывать и происхождение фразеологических оборотов, поскольку оно не только определяет их историю, но, как правило, обуславливает и лингвокультурологические свойства той или иной фразеологической единицы. Н. М. Шанским были систематизированы и описаны фразеологизмы, имеющие

евангельское происхождение, по сути, проанализирован текст Евангелия как источник фразеологии [Шанский, Боброва 2006: 359–387], что впоследствии было осуществлено на широком индоевропейском фоне научным коллективом лексикографов под руководством В. М. Мокиенко [Лепта 2014].

В этимологическом аспекте ученый характеризовал все устойчивые обороты следующим образом:

1) исконно русские: *водить за нос, гол как сокол, ни рыба ни мясо, с головы до пят* (общеславянские обороты); *под горячую руку, ни кола ни двора, подложит свинью* (восточнославянские обороты); *сломя голову, на всех парах, отложить в долгий ящик, во всю ивановскую* (собственно русские);

2) заимствованные — «иноязычные по происхождению фразеологизмы, употребляющиеся без перевода» [Шанский 2019: 135]. Например, из старославянского языка в русском заимствованы выражения *ложь во спасение, плоть и кровь, корень зла*; из латинского — *альма матер*;

3) фразеологические кальки — фразеологические единицы, «появившиеся в русском языке в результате буквального, т. е. пословного, перевода иноязычного оборота» [Там же: 140], например: рус. *борьба за существование* — англ. *struggle for life*;

4) фразеологические полукальки — полужаимствования чужого фразеологизма. В этом случае «часть компонентов иноязычного фразеологического оборота переводится, а часть заимствуется без перевода» [Там же: 146], например: *желтая пресса* (*yellow press*).

В наши дни в результате глобального влияния английского языка отмечается рост не только прямых фразеологических заимствований, но и калек английских устойчивых выражений. Этот процесс характеризует развитие как русской фразеологической системы, так и систем других славянских языков, к примеру словацкого языка, ср.: рус. *потерять лицо* — слвц. *stratiť tvár* (калька англ. *to lose face*), рус. *отмывание денег* — слвц. *pranie špinavých peňazí* (англ. *money laundering*), рус. *серый импорт* — слвц. *šedý dovoz* (англ. *grey import*), рус. *брачный договор* — слвц. *predmanželská zmluva* (англ. *marriage contract*), рус. *умечка мозгов* — слвц. *odliv mozgov* (англ. *brain drain*), рус. *черный ящик* — слвц. *čierná skrinka* (англ.

black box) и др. Нередки и семантические кальки (заимствования вторичных значений английских слов и выражений): рус. *теневой* (*теневой бизнес, теневая экономика*) – слов. *tieňová ekonomika* (англ. *shadow economy, shadow business*) и т. п. [Маркова, Григорьева 2016].

На основе экспрессивно-стилистических свойств фразеологизмов Н. М. Шанский выделил четыре группы устойчивых единиц:

1) межстилевые фразеологические обороты, представляющие собой устойчивые образования с нулевой стилистической характеристикой: *играть роль, дать волю, без лишнего слов, время от времени, с глазу на глаз*;

2) фразеологические единицы разговорно-бытового характера с ярко выраженной образной основой: *первый блин комом, каши не сваришь, медведь на ухо наступил, как в аптеке, как пить дать, сорить деньгами*;

3) фразеологизмы книжного характера, обладающие повышенной экспрессивно-стилистической окраской: *кануть в Лету, искушать судьбу, возлагать обязанности, пойти по стопам, камень преткновения*. Основной сферой употребления книжной фразеологии являются стили научных и публицистических произведений, язык художественных произведений и т. д. Эмоционально-экспрессивные свойства книжных фразеологизмов обнаруживаются на фоне стилистически нейтральных слов (ср.: *происходить* – *вести начало*; *случай* – *игра судьбы*; *мгновенно* – *в мгновение ока* и т. д.). Книжные фразеологические единицы нередко включают в свой состав **славянизмы** как формальный показатель высокого слога [Шанский 1981: 81];

4) устаревшие устойчивые единицы, фразеологические архаизмы и историзмы: *турецкие бобы* (архаизм); *суконное рыло, боярский сын, статский советник, столбовые дворяне* (историзмы) [Шанский 2019: 195–198]. Устаревшие фразеологизмы могут быть использованы для создания языкового колорита эпохи, торжественно-патетической речи, комического эффекта [Шанский 1981: 87].

Важное место в русском языке занимают устойчивые выражения терминологического характера, которые часто переходят в разряд общеупотребительных: *сдвиг по фазе; на порядок выше* и др.

Фразеологические единицы могут иметь разную стилистическую маркированность, употребляться преимущественно в том или ином стиле речи. По принадлежности к функциональному стилю речи Н. М. Шанский выделял фразеологизмы официально-делового стиля типа *поставить на голосование, вступить в силу, давать показания, довести до сведения*; научного стиля: *периодическая система, грудная клетка, точка опоры, ценная реакция*; публицистического стиля: *сложить оружие, миссия дружбы, прямой эфир*; художественного стиля: *курить фимиам, из года в год, бить ключом*; разговорного стиля: *как сыр в масле, ваять Ваньку, стреляный воробей, водить за нос, набить карман*; религиозно-проповеднического стиля, например: *святая земля, святая вода* и т. п. При этом ученый нередко и в учебниках, и во фразеологических словарях помещал информацию о происхождении, способе образования, мотивировке тех или иных фразеологических единиц, то, что сейчас мы бы назвали лингвокультурологическим комментарием, а его разработку связали бы с лингвокультурологическим методом во фразеологии [Ковшова 2016].

Будучи тонким этимологом и хорошим дериватологом, ученый большое внимание уделял внутренней форме фразеологизмов, их мотивации, способе образования. Совместно с В. И. Зиминым и А. В. Филипповым Н. М. Шанский создал первый отечественной лексикографии (фразеографии) этимологический словарь фразеологии³. В качестве способа «оборотобразования» он выделял прежде всего фразеологизацию переменных сочетаний слов, при котором словосочетание «из творимой, контекстуальной единицы лексико-синтаксического характера превращается в воспроизводимую, готовую единицу строительного уровня языка» [Шанский 1985: 122]: *встать с левой ноги, положить руку на сердце, скалить зубы, борьба за мир* и т. п. Такой способ деривации устойчивых сочетаний по аналогии с лексико-синтаксическим способом словообразования Шанский называл **фразеолого-синтаксическим**, поскольку по своему немоделируемому характеру он

³ Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. М.: Русский язык, 1987. 239 с.

подобен лексикализации сочетаний слов. Однако при фразеобразовании происходит «семантическое слияние переменного сочетания слов в фразеологизм» [Шанский 1985: 122], «семантическое развертывание фразеологизма», «присвоение ему нового значения» [Там же: 123]. Так, негативная семантика единицы *скатертью дорожка* в значении 'проваливай!' стала результатом семантического преобразования этого выражения в значении пожелания доброго пути, дороги ровной, подобной гладкой скатерти.

Среди других способов фразеобразовании Н. М. Шанский выделял также «сложение» (композицию), аббревиацию и фразеологическое калькирование. Композиция, по мнению ученого, осуществляется на базе фразеологических оборотов и слов «с использованием не только модели, но и компонентов образа» [Там же: 125]: *на всех парях* ← *на всех парусах* или только модели: *живой труп* по модели *мертвые души* и т. п. Аббревиация во фразеологии, считал ученый, подобна аббревиации в сфере лексики: *собаку съел* ← *собаку съел, а хвостом подавился*. При этом он подчеркивал, что и аббревиация, и композиция осуществляются «по модели», и обращал внимание на необходимость разграничения аббревиации и разного рода сокращения состава фразеологизма, например в случае *как облупленного* ← *как облупленное яйцо*.

Обращал внимание Н. М. Шанский и на такой способ фразеологической деривации, как контаминация — «немоделированное сложение двух фразеологизмов в один, похожее на "телескопию"» [Там же: 126], однако подчеркивал ее нерегулярность и непродуктивность, хотя в наши дни контаминация получила самое широкое распространение в окказиональном и узуальном слово- и фразеобразовании. В качестве примера фразеолог приводил такие единицы, как *кануть в вечность* ← *кануть в Лету и отойти в вечность; стоять у кормила власти* ← *стоять у кормила и находиться в власти* и др.

При этом ученый возражал против тезиса, что «национальные особенности языка особенно ярко проявляются во фразеологии», подчеркивал, что самостоятельные слова «являются не менее национально-маркированными, нежели фразеологические

обороты» [Шанский, Боброва 2006: 143], в языке они образуют единую лексико-фразеологическую систему и связаны между собой, в том числе и в деривационном аспекте: из слов образуются фразеологизмы, на базе фразеологизмов возникают слова (например: *насобачиться* ← *собаку съест*).

Н. М. Шанский много работ посвятил сопоставительному исследованию славянских языков. В эволюционном развитии современных славянских языков он видел равноправное действие двух противоположных тенденций — дивергенции и конвергенции. В стремлении, вслед за В. фон Гумбольдтом, выявить этноспецифику многие лингвисты не обращают внимания на глубинные языковые сходства. Н. М. Шанский не раз подчеркивал, что со времен появления работ В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, Л. Вайсгербера укоренилось мнение о принципиальных языковых расхождениях, связанных с образностью основ, лингвострановедческим компонентом слов и фразеологизмов и в силу этого с тем, что называется языковым членением объективной действительности. Вместе с тем привлечение данных языковой периферии, диалектных и устаревших фактов, единиц фразеологического фонда, где зачастую сохраняются древние значения, позволяет обнаружить многочисленные сходства и соответствия, свидетельствующие о конвергенции номинативных систем близкородственных языков. Ученый отмечал, что мнение о коренных расхождениях между языками — «одно из многих укоренившихся заблуждений» [Шанский 1991]. «Национальная специфика картины мира во многом сильно преувеличена», и номинативные системы языков обнаруживают значительное сходство, «коль скоро под номинативной системой понимать не только лексический и фразеологический инвентарь языка, но и характер его организации и принципы номинации... Особенно ярко это проглядывается в базисной лексике и фразеологии современного активного и частотного употребления» [Там же: 73].

Сравнительные исследования лексики и фразеологии современных славянских языков подтверждают этот тезис Н. М. Шанского и позволяют конкретизировать основные направления их конвергентного развития [Маркова 2017]. Очевидна общность языков и в сфере лексической и фразеологической

семантики. Анализ явлений вторичной номинации, в том числе фразеологии, в билингвальном межславянском аспекте обнаруживает общность многих моделей, по которым осуществляется вторичная объективация действительности.

Ученый утверждал, что общие для славянских языков явления нередко обнаруживаются на языковой периферии, среди архаичной, устаревшей лексики русского языка, в диалектах, сохраняются в составе фразеологизмов, пословиц и поговорок, в структуре производных единиц. Тезис Н. М. Шанского о глубинной языковой конвергенции славянских языков в процессе их исторического развития подтверждается современным языковым сопоставительным материалом. Во фразеологии русского языка нередко обнаруживаются утраченные литературным языком лексемы или значения, свойственные этимону. Как отмечал В. В. Виноградов, «угасание значения слова далеко не всегда приводит к исчезновению всех относящихся сюда контекстов его употребления. Очень часто сохраняются осколки старого значения... в двух-трех фразеологических сочетаниях» [Виноградов 1953: 23]. Подобные факты «семантической консервации» [Трубачев 1988: 201] представляют собой несомненный интерес и свидетельствуют в пользу былого единства славянских языков. В составе фразеологизмов нередко обнаруживаются факты, конвергентные явления, отмечаемым в лексических системах современных славянских языков, «нейтрализующие» асимметрию их лексических систем.

Это можно подтвердить многочисленными примерами. Так, лексема *час*, имевшая в древности широкое значение ‘время, пора, срок’, изменило семантику в русском языке (в сторону сужения), став обозначением отрезка времени в 60 минут. Являясь образованием от утраченного *чати* ‘ожидать, чаять’ (ср. *чаяния* ‘ожидания’), слово *час* в большинстве славянских языков (укр., белор., словен., чеш., пол., словц.) продолжает употребляться в значении ‘время вообще’, а дериват *часом* в украинском, белорусском языках, в русских диалектах имеет значение ‘иногда’. С первоначальной семантикой, коррелирующей со значением этого слова в других славянских языках, слово *час* сохранилось

в русских фраземах *пробил час*, *час настал*, *часы урочные*, а также в пословице *Часом с квасом, порой с водой*.

Этимологическое значение вариативных рус. *порох* – *прах* (из праслав. **porchъ*) – ‘пыль’. Вместе с тем уже у Срезневского⁴ отмечаются и другие значения неполного гласного варианта: ‘пепел’, ‘ничтожество’. В результате тенденции старославянизмов к развитию абстрактных значений распространение их с исконно русским вариантом часто происходило по шкале «абстрактное – конкретное». Слово *порох* получило конкретное значение ‘взрывчатое вещество’, а *прах* в современном русском языке стало употребляться в значении ‘останки, то, что осталось от тела умершего’, вместе с тем сохраняя архисему ‘пыль’ (аналогичное значение имеет, например, чеш. *prach* ‘пыль’⁵, а также переносное ‘ничтожество’ в выражениях *отрясти прах с ног*, *повергнуть в прах* (букв. ‘сваливать в пыль’), *разнести в пух и прах*, *все прах и суета*).

Являясь дериватом от глагола *жить*, существительное *жир*, обозначающее вначале ‘нажитое’, затем ‘изобилие’, ‘что нажито сверх меры’ (др.-рус. *жирь* ‘пажить, богатство’)⁶, в современном русском языке означает ‘вещество, содержащееся в животных и растительных тканях’. Семантика древнего значения раскрывается во фразеологизмах со словом *жир*: *не до жиру, быть бы живу*; *с жиру беситься*, – а также обнаруживается в других славянских языках (словен., чеш., пол., словц.)⁷, где *žir* отмечается в значении ‘корм, пища’.

Слово *победа* в древнерусском языке бытовало не только в современном значении, но и в противоположном – ‘поражение’. Возникшая в данном случае энантиосемия стала возможной благодаря обобщенности семантики сочетания *по беде* ‘после беды’, от которого было образовано

⁴ Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.

⁵ Příruční slovník jazyka českého. Т. 1–9. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, 1935–1957 (PSJČ).

⁶ Срезневский И. В. Указ. соч.

⁷ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., вых. с 1974 (ЭССЯ).

слово *победа*. Утраченное русским языком значение 'поражение' прослеживается, например, в чешском языке, где *poběda* известно как 'поражение'⁸, а также в русском выражении *победная* (т. е. 'несчастливая') *головушка*.

Не только старые, забытые значения могут сохраняться в устойчивых сочетаниях, но и утраченные литературным языком лексемы нередко выявляются в составе фразеологических единиц, обнаруживая корреляции с соответствующими общепотребительными лексемами в других славянских языках. Рефлексами праславянского существительного **obporъ*, именного производного от **obpertî* 'опереться, упираться'⁹, являются чеш. *opor* 'сопротивление, отдача', 'опора, подпорка', пол. *opór* 'сопротивление', укр. *onір* 'сопротивление'. В древнерусском языке также было известно слово *опоръ*, имевшее значение 'приступ', а также 'поддержка, опора'¹⁰. В литературном русском языке слово *опор* встречается только во фразеологизме *во весь опор* (чаще всего с глаголами движения *бежать, мчаться* и т. п.), имеющем значение образа действия 'вскачь, очень быстро'.

Русский фразеологизм *без обиняков* 'прямо, открыто', также имеет в своем составе фразеологически связанное слово *обиняки*, восходящее к праслав. **obvinъka/*obvinъkъ*¹¹. Будучи производным от глагола **obvinuti* (ср. ст.-сл. *не обинутися* 'поступить открыто, сказать прямо, не обиняясь', др.-рус. *обинути* 'обойти, покрыть, потопить'¹², *обинутися* 'уклониться'), оно сохранилось также в некоторых славянских языках: чеш. *ovinka* 'что-то обмотанное вокруг чего-л.', *ovinek* 'повязка', *obvinek* 'бинт, бандаж'¹³, слвц. *ovinka* 'полоса ткани для обвязывания'¹⁴.

Выводы. Н. М. Шанский подчеркивал, что любой лингвист должен выполнять роль просветителя, работать не только в аспекте исследования языка, но и в плане его популяризации, совершенствования

методики его преподавания, особенно в неродной среде. Во введенный им термин *лингводидактика* он вкладывал прежде всего идею разработки теоретических основ обучения языку, осуществления связей между системой языка и системой его преподавания [Шанский 1985: 221]. Рассматривая просветительскую сферу деятельности Н. М. Шанского, ведущие педагоги отмечают роль его трудов в формировании методической культуры учителя-словесника [Дейкина 2018: 9] и повышении познавательного интереса школьников к русскому языку [Янченко 2017: 31].

Будучи директором НИИ преподавания русского языка в национальной школе в структуре Академии педагогических наук, ученый написал много учебников, словарей, предназначенных для изучения русского языка как неродного, в том числе и изучения такого сложного и самобытного его аспекта, как фразеология. Выделяется среди них «Краткий фразеологический словарь русского языка», в котором представлено 800 фразеологизмов¹⁵. В теории и практике русского языка как иностранного до сих пор ведутся споры по поводу включения тех или иных фразеологизмов в содержание обучения, отсутствуют фразеологические минимумы для разных этапов изучения русского языка, и этот словарь можно считать первым опытом минимизации фразеологического материала с целью его изучения в неродной/иностранной аудитории. Ценность словаря определяется также его комплексным, учебным характером. Он включает в себя, помимо толкового словаря с примерами употребления, ряд ценных для овладения фразеологическими возможностями языка приложений: 1) семантические группы фразеологизмов; 2) фразеологические синонимы; 3) фразеологические антонимы; 4) фразеологические паронимы. Все это делает словарь до сих пор незаменимым пособием по изучению русской фразеологии в иноязычной среде.

Много можно говорить о Шанском-ученом, однако Николай Максимович был не только лингвистом, чей вклад даже

⁸ PSJČ.

⁹ ЭССЯ.

¹⁰ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6 / гл. ред. И. С. Улукханов. М.: Русский язык, 2002. 602 с.

¹¹ ЭССЯ.

¹² Срезневский И. В. Указ. соч.

¹³ PSJČ.

¹⁴ ЭССЯ.

¹⁵ Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Краткий фразеологический словарь русского языка. СПб.: Отделение изд-ва «Просвещение», 1992. 270 с.

в один из разделов лингвистики трудно опisać в рамках статьи, он был еще и поэтом, хотя и скрывал это от посторонних лиц. Только в 2002 г., к 80-летию, был издан сборник его стихов «Любовь и долг», завершающийся восьмистишием, имеющим прямое отношение к автору:

Пускай бранят! Иди своей дорогой.
Нет ничего дороже добрых дел,
И ничего, что сделать смог немного,
Ведь сколько мог, ты делать их хотел.
Хотел, чтоб было праведней и чище,
Чтоб Родина счастливей жила.
Пускай ругают! Время правду сыщет
И не забудет добрые дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван В. Типология глагольных фразеологических сочетаний // Преподаватель XXI век. 2021. № 2-2. С. 328–338. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-2-328-338>.
2. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.
4. Дейкина А. Д. Значение лексикографических трудов Н. М. Шанского для современной методики преподавания русского языка // Современное русское языкознание и лингводидактика: сб. науч. трудов, посвященный 95-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского. М.: МФЮА, 2018. С. 8–12.
5. Дидковская В. Г. О системных свойствах фразеологических сочетаний // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 2(63). С. 71–75.
6. Ковишова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: Ленанд, 2016. 456 с.
7. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / ред. В. М. Мокиенко. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. 208 с.
8. Маркова Е. М. Конвергенция современных славянских языков в аспекте взглядов Н. М. Шанского // Научно-методические идеи Н. М. Шанского в контексте современного филологического образования (к 95-летию со дня рождения Н. М. Шанского): сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2017. С. 24–31.

9. Маркова Е. М., Григорянова Т. Динамические аспекты лексики современных славянских языков. Брно: TRIBUN EU, 2016. 187 с.

10. Трубочев О. Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 197–222.

11. Шанский Н. М. Любовь и долг. М.: Эко-Пресс-2000, 2002. 159 с.

12. Шанский Н. М. Русское языкознание и лингводидактика // Избранные работы. М.: Русский язык, 1985. С. 224–227.

13. Шанский Н. М. Сходство и различие в номинативных системах языков // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 72–74.

14. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1963. 156 с.

15. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 8-е изд., стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2019. 272 с.

16. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Жизнь русского слова: кн. для старшеклассников. М.: Вербум-М, 2006. 398 с.

17. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Снова в мире слов. М.: Педагогическое общество России, 2001. 224 с.

18. Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык: в 3 ч. М.: Просвещение, 1981.

19. Шодиев С. Э. Деривационные особенности фразеологических выражений // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5, № 9. С. 512–520. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/46/62>.

20. Янченко В. Д. Н. М. Шанский как активный популяризатор науки о русском языке // Научно-методические идеи Н. М. Шанского в контексте современного филологического образования (к 95-летию со дня рождения Н. М. Шанского): сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2017. С. 31–35.

REFERENCES

1. Wang W. Typology of verbal phraseological combinations. *Prepodavatel XXI vek = Russian Journal of Education*. 2021;2(2):328–338. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-2-328-338>.
2. Vinogradov V. V. Lexicology and lexicography: Selected Works. Moscow: Science, 1977. 312 p. (In Russ.)
3. Vinogradov V. V. The main types of lexical meanings of the word. *Voprosy Yazykoznaniiya = Topics in the study of language*. 1953;5:3–29. (In Russ.)

4. *Deikina A. D.* The value of the lexicographic works of N. M. Shansky for the modern methodology of teaching the Russian language. *Sovremennoe russkoe yazykoznanie i lingvodidaktika: sb. nauch. trudov, posvyashchennyi 95-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAO N. M. Shanskogo = Modern Russian linguistics and linguodidactics: Collection of scientific works dedicated to the 95th anniversary of the birth of Academician of the Russian Academy of Education N. M. Shansky.* Moscow: MFJA, 2018. P. 8–12. (In Russ.)
5. *Didkovskaya V. G.* System properties of phraseological combinations. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Cherepovets State University Bulletin.* 2015;2(63):71–75. (In Russ.)
6. *Kovshova M. L.* Linguistic and cultural method in phraseology. Culture codes. Moscow: Lenand, 2016. 456 p. (In Russ.)
7. A mite of biblical wisdom: Biblical popular expressions and aphorisms in Russian, English, Belarusian, German, Slovak and Ukrainian / V. M. Mokienko (ed.). Mogilev: MSU after A. A. Kuleshov, 2014. 208 p. (In Russ.)
8. *Markova E. M.* Convergence of contemporary Slavic languages aspect of views of N. M. Shansky. *Nauchno-metodicheskie idei N. M. Shanskogo v kontekste sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya: sb. nauch. trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 95-letiyu so dnya rozhdeniya N. M. Shanskogo (2 noyabrya 2017) = Scientific and methodological ideas of N. M. Shansky in the context of modern philological education: Proceedings of the International scientific-practical conference on the 95th anniversary of the birth of N. M. Shansky (November 2, 2017) / O. M. Aleksandrova, I. N. Dobrotina (eds.).* Moscow: Institute for strategy of education development of the Russian Academy of Education, 2017. P. 24–31. (In Russ.)
9. *Markova E. M., Grigoryanova T.* Dynamic aspects of the vocabulary of modern Slavic languages. Brno: TRIBUN EU, 2016. 187 p. (In Russ.)
10. *Trubachev O. N.* Methods of semantic reconstruction. *Sravnitelno-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semey: teoriya lingvisticheskoi rekonstruktsii = Comparative historical study of languages of different families: the theory of linguistic reconstruction / N. Z. Gadzhieva (ed.).* Moscow: Science, 1988. P. 197–222. (In Russ.)
11. *Shansky N. M.* Love and duty. Moscow: EcoPress-2000, 2002. 159 p. (In Russ.)
12. *Shansky N. M.* Russian linguistics and linguodidactics. *Izbrannye raboty = Selected works.* Moscow: Russian language, 1985. 224–227. (In Russ.)
13. *Shansky N. M.* Similarities and differences in the nominative systems of languages. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 1991;2:72–74. (In Russ.)
14. *Shansky N. M.* Phraseology of the modern Russian language. Moscow: Higher school, 1963. 156 p. (In Russ.)
15. *Shansky N. M.* Phraseology of the modern Russian language (8th ed.). Moscow: LENAND, 2019. 272 p. (In Russ.)
16. *Shansky N. M., Bobrova T. A.* Life of the Russian word: a book for high school students. Moscow: Verbum-M, 2006. 398 p. (In Russ.)
17. *Shansky N. M., Bobrova T. A.* Back in the world of words. Moscow: Pedagogical Society of Russia, 2001. 224 p. (In Russ.)
18. *Shansky N. M., Ivanov V. V.* Contemporary Russian language: in 3 vols. Moscow: Education, 1981. (In Russ.)
19. *Shodiev S. A.* Derivational peculiarities of phraseological expressions. *Byulleten nauki I praktiki = Bulletin of Science and Practice.* 2019;5(9):512–520. (In Russ.) <https://doi.org/10.33619/2414-2948/46/62>.
20. *Yanchenko V. D.* N. M. Shansky as an active popularizer of the science of the Russian language. *Nauchno-metodicheskie idei N. M. Shanskogo v kontekste sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya: sb. nauch. trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 95-letiyu so dnya rozhdeniya N. M. Shanskogo (2 noyabrya 2017) = Scientific and methodological ideas of N. M. Shansky in the context of modern philological education: Proceedings of the International scientific-practical conference on the 95th anniversary of the birth of N. M. Shansky (November 2, 2017) / O. M. Aleksandrova, I. N. Dobrotina (eds.).* Moscow: Institute for strategy of education development of the Russian Academy of Education 2017. P. 31–35. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Елена Михайловна Маркова, доктор филологических наук, профессор

Elena M. Markova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 06.07.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 02.08.2022.

The article was submitted 06.07.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 02.08.2022.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-63-72>

Учебные словари языка писателей

Лариса Леонидовна Шестакова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия,
lara.shestakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9585-9472>*

Аннотация. В статье рассматривается круг вопросов, связанных с такой разновидностью словарей, как учебные словари языка писателей, или учебные авторские словари. Актуальность работы обусловлена факторами, которые исследователи определяют через понятия «кризис культуры чтения», «обеднение словарного запаса учащихся» и т. п. Материалом для анализа послужил корпус учебных писательских словарей, включающий издания второй половины XX – первых десятилетий XXI в. Автор опирался на методологию лексикографической критики, в основе которой – описание, научная оценка словарей и их сопоставительное изучение. Содержательный и структурный анализ учебных словарей писателей показал, что основное назначение таких словарей «объяснять непонятное» определяет их отнесенность преимущественно к словарям объяснительного типа. В жанровом отношении это полные по составу толковые словари, словари трудных слов (т. е. неполные, подобные глоссариям), а также словари-комментарии, выстроенные в порядке следования по тексту или по алфавиту. При этом словник, словарная статья, язык описания в них соответствуют в целом принципам учебной лексикографии, хотя специфика описываемого материала придает этим принципам некоторую относительность. Как показано в работе, общее движение в развитии учебного направления в писательской лексикографии шло от словарей трудных слов, в настоящее время именуемых обычно словарями редких, устаревших и т. п. слов, к полным словарям языка одного произведения. При этом неполный, обычно и небольшой по объему учебный словарь писателя наиболее удобен для получения справки о значении непонятого слова, его основных лингвистических характеристиках, а полный учебный авторский словарь ценен при работе с целым литературным текстом. В развитие учебной писательской лексикографии внесли свой вклад русисты разных поколений. К ним принадлежит и Н. М. Шанский. Им, в частности, была предложена методика составления построчных лингвистических комментариев словарного типа к отдельным произведениям школьной программы. Словари-комментарии – неотъемлемая часть и современного корпуса учебных словарей языка писателей.

Ключевые слова: авторская/писательская лексикография, учебный словарь языка писателя, толковый словарь, глоссарий, словарь-комментарий, словник, словарная статья, лексикографическая критика

Для цитирования: Шестакова Л. Л. Учебные словари языка писателей // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 63–72. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-63-72>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Educational dictionaries of writers' language

Larisa L. Shestakova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
lara.shestakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9585-9472>*

Abstract. The article deals with a range of issues related to such a type of dictionaries as educational dictionaries of writers' language, or educational author's dictionaries. The relevance of the research is determined by the factors which researchers define through the concepts of "reading culture crisis", "a decrease in students' vocabulary size", and others. The material for the analysis was a corpus of educational dictionaries of writers' language, including editions of the second half of the 20th century and the first decades of the 21st century. The research relied on the methodology of lexicographic criticism based on the description, scientific evaluation, and a comparative study of dictionaries. The content and structural analysis of educational author's dictionaries has shown that the main purpose of such dictionaries (namely to "explain the unclear") determines their strong affinity with defining and not other types of dictionaries. In terms of genre, they are complete explanatory dictionaries, dictionaries of difficult words (i. e. incomplete, similar to glossaries) as well as commentary dictionaries arranged as endnotes or in alphabetical order. At the same time, their word lists, dictionary entries, and description language generally correspond to the principles of educational lexicography although

the specificity of the material being described relativises these principles. The study has shown that the general development of educational author's lexicography started with dictionaries of difficult words which are now usually called dictionaries of rare, obsolete words and the like and resulted in complete dictionaries of the language of one work. Moreover, an incomplete, as a rule of minuscule volume, educational author's dictionary is most convenient to obtain information regarding the meaning of an unclear word and its main linguistic characteristics. A complete educational author's dictionary is valuable when working with a literary text in its entirety. Russianists of different generations have contributed to the development of educational author's lexicography. N. M. Shansky is one of them. For instance, he proposed a method for compiling line-by-line linguistic dictionary-type commentaries for particular works in the school syllabus. Commentary dictionaries constitute an integral part of the modern corpus of educational author's dictionaries.

Keywords: author's lexicography, educational author's dictionary, explanatory dictionary, glossary, commentary dictionary, dictionary word list, dictionary entry, lexicographic criticism

For citation: Shestakova L. L. Educational dictionaries of writers' language. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2022;83(6):63–72. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-63-72>.

Введение. Словари языка писателей, создаваемые в рамках авторской, или писательской, лексикографии, различаются по дифференциальным признакам и их совокупностям. К таким признакам относятся тип даваемых в словаре сведений (о слове или реалии), мера охвата текстового материала, основной объект описания (язык как лексикон автора или его стиль, поэтика), вид заголовочной единицы (слово, словоформа, устойчивое выражение и т. д.), способы описания (количество и состав параметров) и др. [Фонякова 1993: 128–129, 133; Шестакова 2011: 52–56]. Прагматический двуединный признак функция/адресат лежит в основе деления словарей писателей на словари с научно-описательной ориентацией, адресованные специалистам-филологам, и словари, справочники с учебной направленностью, адресат которых – учащиеся, студенты, учителя-словесники, преподаватели вузов. Ср. такие издания начала ХХI в., как «Словарь языка А. С. Грибоедова» и книга «За строкой “Войны и мира” Л. Н. Толстого: учебный словарь редких, забытых и непонятных слов романа». В предисловии к первому говорится: «Словарь языка Грибоедова ориентирован на всех филологов, занимающихся изучением творчества Грибоедова, русской литературой и историей русского литературного языка»¹, в предисловии ко второму: «Это словарь-справочник, словарь-комментарий. Он адресован <...> школьникам и студентам, а также учителям и преподавателям как

дидактическое пособие для уроков литературы и русского языка»².

Конечно, в учебных целях могут быть использованы и используются словари первого типа, например ставший уже классическим четырехтомный «Словарь языка Пушкина» [Осипова 2011]. Это, однако, не отменяет специфики изданий каждого из типов. Специфика видна в соотносительности словарей с их основным назначением: если авторский научно-описательный словарь это, прежде всего, источник для проведения филологических исследований различной направленности, то авторский учебный словарь, особенно школьный, – книга в помощь преподавателю и молодому читателю, ключ к правильному пониманию трудных слов, выражений, к адекватному восприятию целого литературного текста.

В учебных словарях писателей лексикографируются отдельные произведения из школьной программы по литературе, произведения конкретного автора, принадлежащие одному жанру (например, басни) и разным жанрам (повести и романы); часто из текстов автора/ряда авторов (в том числе текстов, выходящих за рамки программы) выбираются для описания единицы определенных лексических пластов. Назначение словарей подобного рода определяет их преимущественную отнесенность к словарям объяснительного типа: полным по составу толковым словарям, неполным (дифференциальным) толковым словарям, словарям-комментариям, выстроенным в порядке

¹ Поляков А. Е. Словарь языка А. С. Грибоедова. Т. 1: А–З. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. I.

² Романов Д. А., Савина Е. О. За строкой «Войны и мира» Л. Н. Толстого: учебный словарь редких, забытых и непонятных слов романа. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013. С. 9–10.

следования по тексту или по алфавиту. При этом словник, словарная статья, язык описания в них соответствуют в целом принципам учебной лексикографии — таким как ограниченность словника, простота устройства словарной статьи, доступность языка описания и т. д.³

Анализ. I. Учебные писательские словари, в первую очередь неполные толковые, можно возводить к путеводителям по творчеству отдельных авторов, словарям, словарикам — обычно прикижным, притекстовым — типа глоссариев (в традиционной трактовке — объясняющих непонятные слова)⁴. Именно глоссарием назвал В. В. Виноградов свой словарь к произведениям А. С. Пушкина, дополнивший полное собрание сочинений поэта 1936 г. В нем объясняются и иллюстрируются строками Пушкина слова устаревшие, редко употребляемые, изменившие со временем свои значения — например, *личность* ('личный выпад'), *стекло* ('зеркало') и т. п. [РАЛ: 356–358].

Опираясь на методологию лексикографической критики, предусматривающей описание, анализ, научную оценку словарей и их сопоставительное изучение, рассмотрим, как складывалось собственно учебное направление в писательской лексикографии. Это происходило на протяжении второй половины XX в., причем словари, словарные труды данной разновидности, созданные в 1960–1970-х гг., носили единичный характер. К ним можно отнести словарно оформленный «Лексический комментарий к повести А. С. Пушкина

“Капитанская дочка”» М. Ф. Тузовой (1961)⁵ и словарь-справочник Б. И. Осипова «Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С. А. Есенина» (1973)⁶. Названные опыты представляют собой образцы монографических (составленных по произведениям одного автора) неполных учебных словарей писателей. В них собраны трудные слова, принадлежащие к отдельным пластам лексики: в комментарии Тузовой это военная терминология в повести Пушкина, в словаре Осипова — авторские неологизмы, лексемы, ушедшие на периферию языка и территориально ограниченные. Составитель каждого из названных трудов объясняет выбор лексического массива для описания в словаре. Так, М. Ф. Тузова обращает внимание на значительность объема военной лексики в повести, на устаревший характер многих единиц, их иноязычное происхождение. Автор не дает характеристики словарной статье, полагая, вероятно, что при ее простой структуре это не требуется. В плане общей организации статья, действительно, понятна, но имеет свои особенности. Основное ее содержание составляют заголовки и комментарий, включающий толкование и краткие сведения о слове (например, этимологическую справку). Иллюстрация же дается после заголовка в скобках, демонстрируя, в каком именно высказывании, в какой главе повести слово встречается. См., например:

БАСТИОН. («Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные **бастионы**, башни и вал». Гл. III). Крепостное или полевое укрепление в форме пятиугольника. Слово **бастион** в русском языке французского происхождения (фр. bastion).

ДЕНЩИК. («Он выслал моего **денщика**...». Гл. XVII). Рядовой солдат, выделенный офицеру для личных услуг. Слово **денщик** вошло

³ Говоря «в целом», мы имеем в виду относительность проявления в данном случае этих принципов, обусловленную особенностями, объемом лексикографируемого материала, выбором адресата (школьник или учитель) и другими факторами. Если в словаре собрана вся лексика отдельного произведения (считая служебные слова, имена собственные), то, очевидно, что и словник будет объемным; если словарь ориентирован прежде всего на учителя, более сложным может быть устройство словарной статьи и т. д.

⁴ См., например: Путеводитель по Пушкину. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1931. 399 с.; *Благой Д. Д.* Словарь собственных и мифологических имен // *Батюшков К. Н.* Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934. С. 619–720.

⁵ *Тузова М. Ф.* Лексический комментарий к повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Ученые записки МОПИ им. Крупской. Т. 102а. Труды каф. рус. яз. Вып. 7. М., 1961. С. 624–629.

⁶ *Осипов Б. И.* Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С. А. Есенина: словарь-справочник для учителей средней школы и учащихся старших классов. Барнаул: Барнаульский гос. пед. ин-т, 1973. 86 с.

в словарный состав русского языка в XVII в. В современном русском языке относится к числу устаревших⁷.

Если комментарий к повести Пушкина рассчитан прежде всего на учащихся средних классов, то есенинский словарь адресован учителям и старшим школьникам, что определяет усложненность его структуры и особенности наполнения статей. В словаре собрана лексика более чем из 300 произведений Есенина, т. е. произведений, не только включенных в школьную программу. И это заметно расширяет возможности адресата в знакомстве со словами, которые могут затруднять понимание есенинских текстов. Такие слова толкуются с опорой на авторитетные словарные источники, что особенно важно при подготовке любого учебного словаря. Составитель ссылается в словарных статьях на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Словарь русских народных говоров» (СРНГ) и др. Автор использует стилистические пометы — не только *устар.*, *обл.*, *неол.*, разграничивающие представленные в словаре лексические массивы, но и, в частности, *библ.*, *церк.* Грамматические пометы даются при необходимости — например, если возникает затруднение в установлении грамматического рода лексемы. Обязательная часть каждой словарной статьи — это все примеры использования слова в есенинских текстах, охваченных словарем. Приведем для иллюстрации несколько словарных статей:

БЛАСТИТЬСЯ (обл.) — чудиться, казаться, мерещиться (СРНГ, т. 3, с. 16).

Ей всё бластился в колючем дыме выстрел.

(Лисица)

В ветре бластились стуки костей. (Русь)

КОЛДОВНЫЙ (неол.) — колдовской.

Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

(«Матушка в Купальницу
по лесу бродила...»)⁸

Как видно, рассмотренные неполные учебные авторские словари дифференцируются по основному адресату (учащийся/

⁷ Тузова М. Ф. Указ. соч. (цит. по изданию: [РАЛ: 369, 370]).

⁸ Осипов Б. И. Указ. соч. С. 9, 30 (статьи цитируются по электронной версии словаря, любезно предоставленной его автором).

учитель), по источнику материала (одно произведение/ряд произведений), по жанру (словарь-комментарий/толковый словарь), что определяет их содержательные различия.

К писательским учебным словарям рассматриваемого периода относятся словари поэтического языка, подготовленные Н. М. Шанским в соавторстве, а также его лингвистические комментарии к отдельным художественным произведениям. Публиковавшиеся преимущественно в журнале «Русский язык в школе», эти материалы до сих пор не утратили своей учебно-методической ценности.

«Краткий словарь традиционных символов русской поэзии» (1977) и «Учебный словарь античных имен в русской поэзии» (1990)⁹ тоже принадлежат к объяснительным писательским словарям. Однако это словари сводные, основанные на произведениях ряда поэтов. В них систематизированы знания о важных составляющих языка поэзии, в первую очередь классической, — художественной символике и античных именах как элементах общепоэтического языкового фонда. Словарные статьи организованы здесь сходным образом: они включают заголовок, описание символа или энциклопедические сведения о божестве — носителе имени и фрагменты из стихотворений поэтов разных эпох.

Обратимся к первому словарю. Краткое вступление к нему начинается так:

Даже простое, «любительское чтение» наших поэтов-классиков требует определенной лингвистической и культуроведческой подготовленности к этому. Для преподавания же русского языка и литературы в школе эти знания, многоаспектные, широкие, являются совершенно необходимыми. <...> Один из аспектов упомянутой лингвокультуроведческой подготовленности... — это знание художественной символики¹⁰.

Далее авторы подчеркивают:

⁹ Краткий словарь традиционных символов русской поэзии / В. В. Иванов, В. М. Панькин, А. В. Филиппов и др. // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 73–85 (РЯШ-1977-4); Русский язык в школе. 1977. № 5. С. 86–95 (РЯШ-1977-5); Шанский Н. М., Соловьева В. С., Филиппов А. В. Учебный словарь античных имен в русской поэзии. Ашхабад: Магарыф, 1990. 101 с. (1-е изд. в 1989 г.)

¹⁰ РЯШ-1977-4. С. 73.

Обходить символику русской поэзии, ее закономерности, традиции... — значит обеднять, ущемлять и теоретическое, и обычное читательское осмысление нашей поэтической классики. Предлагаемый словарь — попытка оказать помощь в этом отношении прежде всего учителям-словесникам и студентам литературных факультетов¹¹.

Уделяя должное внимание вопросу отбора единиц для краткого учебного словаря, составители отмечают, что они представляют только наиболее характерные в лингвистическом, эстетическом, культуроведческом отношении факты, «стремясь, однако, к широкому охвату символических единиц»¹².

В этом словаре описаны разные поэтические символы: *арфа, береза, ворон, гроза (бура), жезл, зажженный факел, звезда, кипарис, лира* и т. д. В некоторых словарных статьях объяснение символа сопровождается дополнительными сведениями, отсылками к другим статьям. См., например:

Венок (венец) — символ почести, награды, признания, славы, любви, счастья и т. д. (в зависимости от того, из чего сделан, см. *лавр, мирт, роза, терн, плющ* и др.). Из античной культуры. В Древней Греции и Риме венки были очень распространены и надевались часто и по самым различным поводам (при семейных праздниках, официальными лицами при исполнении своих обязанностей и т. д.).

И я сорвал с чела, наморщенного думой,
Бездушных радостей венок.

(Вяземский. Негодование)

Кому в руке его сей зыблется венец,
Бесценный дар признательного Рима?

(Батюшков. Умиравший Тасс) <...>¹³.

Методика комментирования художественного текста, разработанная Н. М. Шанским, нашла воплощение в его публикациях разных жанров. Это, кроме прочего, краткие лингвистические комментарии словарного типа к отдельным произведениям школьной программы. Хорошо известны его комментарии к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1998–1999)¹⁴ и к коме-

дии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (2002)¹⁵, вышедшие в рубрике «Справочный материал — учителю» журнала «Русский язык в школе».

Комментарии к двум произведениям русской классики, в которых, по словам Шанского, «немало от языкового прошлого», имеют общую методическую основу, поэтому ограничимся рассмотрением комментария к комедии Грибоедова. Представляют интерес вводные замечания автора. Приведем те из них, которые подчеркивают лингвистичность комментария и его словарное оформление:

...построчно объясняется всё то, что может быть не понято или понято неправильно, что не соответствует нормам современного русского литературного языка, что связано со стихотворным языком и московской обиходной речью первой половины XIX в., что, наконец, непонятно нам в связи с исчезнувшими или устаревшими реалиями <...> комментарий строится по словарному принципу. В соответствии с этим каждой строчке, содержащей что-то не свойственное современному русскому языку, посвящена отдельная словарная статья <...> языковые факты и явления не только объясняются, но лингвистически квалифицируются¹⁶.

Вот несколько примеров из комментария к первому действию комедии (вначале указаны явление и строка текста; например, 1.4. означает: явление первое, четвертая строка; Ар. — ремарка автора произведения):

Ар. 3. **Фортопиано** — «фортепьяно». Лексико-фонетический архаизм, точно передающий итал. *fortepiano*, сложение *forte* «громко» и *piano* «тихо».

2.32–33. **Пустите, ветреники сами, Опомнитесь, вы старики...** Мн. число по отношению к одному лицу (Фамусову) представляет собой устаревшую форму почтительности и/или вежливости в обращении слуг к господам и подчиненных к хозяевам.

4.137. **Чин ассесора**. Историзм. В царской России этот гражданский чин (служебный

Онегину» был издан также отдельной книгой вместе с текстом романа [Шанский 1999].

¹⁵ Шанский Н. М. Краткий лингвистический комментарий к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Русский язык в школе. 2002. № 1–4. См. также: Шанский Н. М. Заметки на полях «Горя от ума» А. С. Грибоедова // Русский язык в школе. 1984. № 6. С. 53–59.

¹⁶ Там же. С. 121–122.

¹¹ РЯШ-1977-4. С. 73.

¹² Там же. С. 74.

¹³ Там же. С. 76.

¹⁴ Шанский Н. М. Краткий лингвистический комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русский язык в школе. 1998. № 4–6; 1999. № 1–4. Комментарий к «Евгению

разряд) 8 класса был равен военному чину майора и ценился очень высоко (для недворян он давал право на получение звания потомственно-го дворянина). Современное написание *асессор*.

7.400. **Наш ментор, помните...** *Ментор* — «гувернер, учитель» (исходно — «наставник сына Одиссея — Телемаха»)¹⁷.

Н. М. Шанский был приверженцем словарной формы описания языка, в том числе художественного. Это проявилось и в том, что он выступил редактором первого словаря авторских новообразований — «Словаря неологизмов В. В. Маяковского», составленного Н. П. Колесниковым (1991). В разделе «От редактора» Шанский подчеркивал, что этот словарь и многочисленные приложения к нему представляют значительный научный интерес для исследователей языковой творчества поэта-трибуна.

II. В первые десятилетия XXI в. русская авторская лексикография развивается весьма динамично [Шестакова 2019]. Эта динамика проявляется и в области создания учебных писательских словарей. Корпус их неоднороден, однако типологически преобладают словари объяснительного типа. Детальный их анализ — задача специального исследования, поэтому здесь мы дадим общую характеристику словарных трудов, акцентируя внимание на их жанровых, структурных, содержательных особенностях.

Большой интерес представляет **первая группа словарей**, образующих новую разновидность учебных словарей языка писателей. Это толковые словари полного типа, каждый из которых описывает весь лексикон одного художественного произведения, относящегося к прошлым эпохам. Серия таких писательских словарей с единой методической основой была подготовлена сотрудниками филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Это «Словарь языка комедии Грибоедова «Горе от ума»» (2007), «Словарь языка комедии Гоголя «Ревизор»» (2016), «Словарь языка комедии Фонвизина «Недоросль»» (2021)¹⁸. Названным трудам предшество-

вал «Словарь языка басен Крылова» (2006), представивший описание лексики и фразеологии 198 крыловских басен, в том числе включенных в школьную программу¹⁹. В предисловии к словарю отмечалось, что И. А. Крылов считал свои «Басни в девяти книгах» целостным произведением, поэтому словарь может быть включен в названную серию. Отметим, что в словарях языка Грибоедова и Крылова, кроме корпуса словарных статей, содержатся и тексты произведений (в первом случае грибоедовская комедия в полном объеме, во втором — наиболее известные басни Крылова). Соединение толкового учебного словаря и текста (текстов), который лег (легли) в его основу, под одной обложкой не вполне обычно²⁰, однако весьма удобно для адресата словаря. Вместе с тем понятно, что такой прием может быть использован прежде всего в отношении небольших по объему произведений.

Учебный характер рассматриваемых изданий определяется выбором произведений, изучаемых в школе, основным адресатом словарей (преподаватели, студенты, школьники), формой представления материала. Имея в виду, что характеристика названных словарей уже давалась в рецензиях²¹, мы подробнее остановимся лишь на некоторых их чертах.

2007. 592 с.; *Илюшина Л. А., Кимягарова Р. С., Баш Л. М.* Словарь языка комедии Гоголя «Ревизор». М.: МАКС Пресс, 2016. 808 с.; *Илюшина Л. А., Кимягарова Р. С.* Словарь языка комедии Фонвизина «Недоросль». М.: МАКС Пресс, 2021. 564 с.

¹⁹ *Кимягарова Р. С.* Словарь языка басен И. А. Крылова // *Крылов И. А.* Избранные басни. М.: Оникс; Мир и Образование; Русские словари, 2006. 928 с. Это один из первых словарей, вышедших под рубрикой «Читаем классику со словарем».

²⁰ Ср. книги, включающие, для параллельного чтения, текст произведения и комментарий к нему. Из современных изданий см., например: *Салимова Л. М.* Учебный словарь-комментарий к роману «Евгений Онегин» // *Пушкин А. С.* Евгений Онегин: роман в стихах. М.: Оникс; Мир и Образование; Русские словари, 2005. 352 с.

²¹ См., например, рецензии на словари языка Крылова, Грибоедова, Гоголя, опубликованные в номерах журнала «Русский язык в школе»: 2007. № 8; 2008. № 1; 2017. № 4.

¹⁷ *Шанский Н. М.* Указ. соч. С. 122, 123, 124, 127.

¹⁸ *Грибоедов А. С.* Горе от ума: комедия в четырех действиях в стихах // *Грибоедов А. С.* Словарь языка комедии «Горе от ума» / Л. М. Баш, Н. С. Зацепина, Л. А. Илюшина и др. М.: Оникс; Мир и Образование; Русские словари,

Важно сказать, что в общий словарь этих словарей включены имена собственные, а также (в словарях Грибоедова и Гоголя) иноязычные вкрапления. Это дает возможность пользователю найти каждое слово, встречающееся в произведении, и получить по нему сведения, достаточные для понимания слова, его основных грамматических свойств, текстовых проявлений и т. д. Характер сведений заложен в структуре словарной статьи, включающей в себя: а) заглавное слово; б) частоту его употребления; в) грамматическую характеристику; г) толкование; д) иллюстрации употребления слова; е) структурные единицы, состоящие из нескольких компонентов; ж) для некоторых слов — сведения историко-культурологического характера²². Последний параметр, реализуемый в виде историко-культурологических комментариев в описании архаизмов, историзмов, имен собственных и т. д., этимологических справок к ряду заимствованных слов, особо значим в учебных писательских словарях. Такие комментарии, справки помогают современному читателю и правильно понять смысл языковой единицы, и представить стоящую за ней реалию. См., например, в словаре языка комедии Фонвизина статью **Наместничество**, в которой краткое определение значения слова ('административное объединение из двух или трех губерний') дополняется исторической справкой:

В 1775 г. Россия была разделена на 50 губерний. Объединение из двух-трех губерний под началом одного наместника, представлявшего особу государя и осуществлявшего верховную власть, называлось наместничеством. При наместнике создавалось наместническое управление²³.

См. и статью к слову *габерсуп* из словаря языка комедии Гоголя:

Габерсуп (1), м. Овсяный суп. [*Артемий Филиппович*:] Больным вверено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос (1, 3).

* Нем. *Hafer* супре «овсяный суп», где *Hafer* (диал. *Haber*) «овёс» и *Suppe* «суп»²⁴.

Серийный подход к лексикографированию литературных произведений из школьной

программы плодотворен и перспективен. Модель словарного описания, реализованная в рассмотренных изданиях, вполне применима (в представленном и модифицированном виде) к другим произведениям, изучаемым в школе.

Словари второй группы характеризуются неполнотой словарика, составлены по отдельным и, реже, по нескольким произведениям автора. Изданиями такого рода продолжается и усиливается линия авторских учебных словарей типа глоссариев, описывающих языковые единицы, потенциально непонятные читателю. Такие единицы определяются как редкие, устаревшие, малоизвестные и т. п.

Словари редких слов — характерное явление современной лексикографии, и они часто адресованы именно школьникам. В. А. Козырев, В. Д. Черняк справедливо замечают: «В условиях изменения круга чтения, обеднения словарного запаса учащихся описание трудной для восприятия лексики, в частности редких и забытых слов, часто встречающихся в текстах русской литературы, имеет большое значение» [Козырев, Черняк 2015: 389].

Рассматриваемую группу изданий представляют отдельные словари забытых и редких слов из «Записок охотника», романа «Отцы и дети» Тургенева, а также сводный словарь, включающий, кроме лексики из названных произведений, трудные слова из повести «Муму» и романа «Дворянское гнездо»²⁵; уже упоминавшийся нами словарь редких, забытых и непонятных слов романа «Война и мир» Толстого. В этот ряд попадают и опубликованные в приложениях к журналу «Русский язык в школе» словари к отдельным произведениям Лескова, например к сказу «Левша»²⁶.

²⁵ Бахвалова Т. В., Попова А. Р. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И. С. Тургенева. Орёл: ОГУ; Полиграфическая фирма «Картуш», 2007. 180 с.; Бахвалова Т. В., Попова А. Р. Словарь забытых и редких слов из романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева. Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2018. 91 с.; Бахвалова Т. В., Попова А. Р. Забытые и редкие слова из произведений И. С. Тургенева. Орёл: Издательский Дом «Орлик», 2021. 416 с.

²⁶ Елистратов В. С. Словарь сказа Н. С. Лескова «Левша» // Русский язык в школе и дома. 2017. № 5. С. 6–10; № 6. С. 6–8; № 7. С. 10–12; № 8. С. 5–8.

²² В «Словаре языка басен Крылова» структура статьи несколько отличается от приведенной.

²³ Илюшина Л. А., Кимягарова Р. С. Указ. соч. С. 272.

²⁴ Илюшина Л. А., Кимягарова Р. С., Баш Л. М. Указ. соч. С. 131.

Справочники этой разновидности строятся в целом по одной схеме. Основу словарной статьи образуют заголовочное слово, его грамматическая характеристика, толкование, иллюстрации. В то же время в каждом отдельном словаре статьи могут различаться — в зависимости от степени редкости номинации, ее происхождения — объемом даваемых о ней сведений; разным может быть порядок подачи сведений и т. д. Очевидно, что и содержание иллюстративной зоны зависит от того, как часто обращался автор к данному слову, контекст какого объема обеспечит адекватное его восприятие. Ср. статьи к словам *бивуак*, *нигилизм*, *обрумянить*, *пужиться*, *студентский*, *тарантас* и др. из словаря к роману Тургенева «Отцы и дети».

В таких словарях не всегда используются стилистические пометы, которые дифференцируют соответствующие разновидности трудных слов, хотя эта информация важна для читателя. Пометы такого рода есть в словаре к роману «Война и мир», и это не только *Устар.*, *Диал.*, *Спец.*, *Воен.*, *Охотн.* и т. д. (пометы иногда сочетаются друг с другом, например: *Устар. Спец. (Воен.)*), но и *Редк.* (редкое). Учитывая проблемный характер этой пометы, Д. А. Романов подчеркивает: «Такая помета принципиально не давалась в сочетании с другими и характеризовала, таким образом, только низкочастотную лексику, не относящуюся к группам специальной и диалектной лексики» [Романов 2018: 59]. См., например, словарную статью с названной пометой:

Муругий, -ая, -ое. *Редк.* (О масти животных). Буро-черный или рыже-бурый; пятнистый [БАС, т. 6, 1140]. Древнерус. прилагательное *муругий* (первоначально — *моругий*) означало «имеющий темные полосы (пятна) по светлому фону». Незнакомый Николаю, муругий молодой длинный кобель чужой своры стремительно подлетел спереди к волку и почти опрокинул его [2, 281]²⁷.

Словарями редких слов сейчас не ограничивается корпус неполных учебных словарей писателей. Заметную новизну привнесли в него словари сверхсловных авторских единиц, кратких по форме и оригинальных, емких по содержанию. Имеются в виду словари крылатых выражений, афоризмов,

цитат и т. п., извлеченных из отдельных или разных произведений писателей, изучаемых в школе. См., например: «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина» (2005) и учебный словарь-справочник «“Горе от ума” А. С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения» (2009)²⁸.

Число словарей этой разновидности увеличивается, что связано, полагаем, с их немалым дидактическим потенциалом²⁹. Они могут быть использованы на уроках русского языка и литературы в работе с крылатыми выражениями, афоризмами и т. п. как особыми языковыми единицами, как единицами, характеризующими стиль писателей, обогативших русскую речевую культуру, и т. д. Задания с опорой на такие словари могут носить разный характер, в том числе проектный³⁰.

Третью группу словарей представляют словари-комментарии, например оригинальный лексикографический труд Л. М. Салимовой «Учебный словарь-комментарий к роману “Евгений Онегин”» (2005)³¹. В предисловии автор уточняет, что предложенный комментарий носит лингвокультурологический характер, а весь словарный материал распределен по четырем блокам: это имена собственные, имена нарицательные, иноязычные включения в тексте романа, а также комментарии к отдельным строкам и сочетаниям (они даны по главам романа). Более 400 единиц, составляющих словник, описаны в типовой словарной статье, в центре которой — собственно комментарий, часто весьма подробный. Полезна для заинтересованного

²⁸ Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. 800 с.; Мокиенко В. М., Семенец О. П., Сидоренко К. П. «Горе от ума» А. С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: учеб. словарь-справочник. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 463 с.

²⁹ Не случайно в раздел «Учебные словари» монографии [Козырев, Черняк 2015: 406–407] включена специальная рубрика «Учебные словари афоризмов и крылатых слов».

³⁰ См. об этом: Малкова Ю. В. Работа с афоризмами в школе (система аналитических, творческих и проектных заданий) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 37–47. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-5-37-47>.

³¹ Салимова Л. М. Указ. соч.

²⁷ Романов Д. А., Савина Е. О. Указ соч. С. 71.

читателя специальная зона словарной статьи с литературой, из которой можно почерпнуть дополнительную информацию. См., к примеру, такие статьи из разных блоков: «**Благонамеренный**» (название журнала), **Дрожки**, **Dandy**, «**И нечто, и туману даль...**»³².

Выводы. К настоящему времени сложился немалый корпус учебных писательских словарей разных жанров — полных толковых, неполных толковых типа глоссариев, словарей-комментариев. За этим стоит осознание обществом культурно-образовательного значения таких словарей, их роли в понимании языка художественного текста прошлого, осмыслении его содержания. Перспективы развития учебного направления в писательской лексикографии видятся в увеличении состава «школьных» авторов для последовательного лексикографирования их произведений; серийном подходе к составлению словарей, в том числе электронных, на основе существующих и новых методик; в расширении репертуара единиц, объясняемых в учебных писательских словарях неполного типа, и т. д. Можно признать перспективной идею создания «компактных конкордансов» (т. е., заметим, не объяснительных словарей, а контекстных, содержащих все примеры употребления слова) к основным произведениям, изучаемым в школе³³, или, скажем, проект словаря поэтического языка для младших школьников³⁴. При использовании современных технологий, методов и инструментов корпусной лингвистики все эти идеи вполне осуществимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 631 с.

³² Салимова Л. М. Указ. соч. С. 25, 110, 168, 174.

³³ См. об этом: Гиндин С. И. Спутник вдумчивого читателя // Опыт конкорданса к роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» с приложением текста романа / сост. Д. А. Гайдуков. М.: ЛексЭст, 2003. С. 7.

³⁴ См.: Колесникова О. И. Филологический комментарий как основа учебного словаря поэтического языка // Современное русское языкознание и лингводидактика: сборник научных трудов, посвященный 95-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского / науч. ред. В. В. Никульцева. М.: МФЮА, 2018. С. 342–348.

2. Осипова И. В. Работа со «Словарем языка Пушкина» в школе // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 446–448.

3. Романов Д. А. Вопросы подготовки современного учебного словаря к художественному тексту XIX века (на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир») // Современные проблемы авторской лексикографии / под общ. ред. Л. Л. Шестаковой. М.: Аквилон, 2018. С. 157–165.

4. Русская авторская лексикография XIX–XX веков: антология / отв. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. 512 с. (РАЛ).

5. Фоякова О. И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Из истории науки о языке: межвуз. сб. памяти проф. Ю. С. Маслова. СПб., 1993. С. 113–134.

6. Шанский Н. М. По следам «Евгения Онегина»: краткий лингвистический комментарий; А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»: роман в стихах. М.: Русское слово, 1999. 320 с.

7. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

8. Шестакова Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150. <http://doi.org/10.31857/S0373658X0004309-8>.

REFERENCES

1. Kozыrev V. A., Chernyаk V. D. Lexicography of the Russian language: the current century and the past century: monograph (2nd ed., corrected, enlarged). Saint-Petersburg: RGPU Publishing, 2015. 631 p. (In Russ.)

2. Osipova I. V. Working with "Pushkin's language dictionary" at school. *Uchenye zapiski Orl'ovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* = *Scientific notes of Orel state university. Humanities and Social Sciences*. 2011;6:446–448. (In Russ.)

3. Romanov D. A. Issues of preparing a modern educational dictionary for a literary text of the 19th century (based on the novel by L. N. Tolstoy "War and Peace"). *Sovremennye problemy avtorskoi leksikografii* = *Modern problems of the author's lexicography* / L. L. Shestakova (ed.). Moscow: Akvilon, 2018. P. 157–165. (In Russ.)

4. Russian author's lexicography of the 19th–20th centuries: an anthology / corresponding member of RAS Yu. N. Karaulov (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2003. 512 p. (In Russ.)

5. Fonyakova O. I. Essay on the development of author's lexicography in Russian linguistics (1883–1990). *Iz istorii nauki o yazyke: mezhvuz. sb. pamyati prof. Yu. S. Maslova* = *From the history of the science of language: interuniversity collection of works in memory of prof. Yu. S. Maslov*. Saint-Petersburg: 1993. P. 113–134. (In Russ.)

6. Shansky N. M. In the footsteps of "Eugene Onegin": a brief linguistic commentary. A. S. Pushkin.

"Eugene Onegin": a novel in verse. Moscow: Russian word, 1999. 320 p. (In Russ.)

7. Shestakova L. L. Russian author lexicography: theory, history, modernity. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2011. 464 p. (In Russ.)

8. Shestakova L. L. Current state of Russian author lexicography. *Voprosy Yazykozvaniya* = *Topics in the study of language*. 2019;2:126–150. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0004309-8>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Лариса Леонидовна Шестакова, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник

Larisa L. Shestakova, Doctor of Science (Philology), Associate Professor, Chief Researcher

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 10.09.2022.

Уважаемые авторы и читатели журнала «Русский язык в школе»!

Напоминаем, что продолжается подписка на I полугодие 2023 г. Мы верим, что нас с вами объединяют не только интерес и любовь к русскому языку, но и общая цель – сохранение научно-методического журнала как феномена, присущего исключительно российской действительности. Пережив экономические кризисы, в очень непростых условиях наш журнал остается единственным пространством, объединяющим учителей, методистов и лингвистов. В сохранении этого уникального единства важно усилие каждого из вас.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства: «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – ПЗ896), «Урал-Пресс» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334), «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА», ООО «ИВИС»;

2) через интернет-сайт: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»).

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-73-84>

Жизненные циклы суффикса *-ость* в русском языке (перечитывая Н. М. Шанского)

Александр Васильевич Зеленин

aleksandr.zelenin@tuni.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2656-8457>

Аннотация. В статье суммируются основные положения кандидатской диссертации Н. М. Шанского, инициировавшей целый ряд историко-лексикологических и синхронно-языковых исследований. Приводятся аргументы и примеры, показывающие развитие идей ученого на лексическом материале XIX в. (концепция «семантических центров» при заполнении важных социокультурных лакун, например: вовлечение в разработку концепта «Социальная среда» круга лексем на основе формирования у них актуальных коннотативных компонентов: *казарменность* – *салонность* – *кабинетность* – *берложность* – *келейность*). Среднестатистическое (относительное) количество дериватов на *-ость* в современном языке составляет 3 500–4 000 единиц. Рассматриваются лексико-словообразовательные инновации, расширяющие поле производящих основ (иноязычная лексика, кальки и полукальки, разговорно-сниженная лексика), анализируются механизмы взаимодействия формального и семантического критериев с нарастанием последнего, способствующего устранению прежних морфологических ограничений (образование от относительных прилагательных на *-ский*). Внутри словообразовательной модели на *-ость* актуализировались возможности образования слов с двойным суффиксом *-ость*–: один – в производящей основе, другой – в производной: *скоростность*, *личностность*. Обосновывается хронологический диссонанс в образовании отаждективных существительных на *-скость* в русском языке Зарубежья с опережением на полвека от времени появления таких дериватов в русском языке метрополии. Модель на *-скость* расширяет номинативное поле за счет включения отфамильных производных (*достоескость*, *чеховскость*, *сталинскость*, *хрущевскость* и др.). Семантико-мотивационным стимулом служит «семантическое приращение», сформированное в относительных прилагательных вследствие мощной прагматической коннотации отдельных прецедентных фамилий. Таким образом, производные на *-ость* в современном языке показывают широкие возможности развития как на базе внутриязыковых потенций, так и в результате иноязычного влияния. Методы исследования: критико-аналитический, конструктивно-синтетический, дефиниционный, метод разграничения синхронного и диахронного словообразовательного среза, метод множественной мотивации, метод анализа узуальных и окказиональных слов.

Ключевые слова: старославянский язык, современный русский язык, статистика, конкуренция суффиксов, язык русской эмиграции, детский язык, язык художественной литературы, неологизмы, окказионализмы, суффикс *-ость*–

Для цитирования: Зеленин А. В. Жизненные циклы суффикса *-ость* в русском языке (перечитывая Н. М. Шанского) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 73–84. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-73-84>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The life cycles of the suffix *-ost'* in Russian (rereading N. M. Shansky)

Aleksandr V. Zelenin

aleksandr.zelenin@tuni.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2656-8457>

Abstract. The research summarises the general framework of N. M. Shansky's PhD thesis which initiated a range of historical lexicological and synchronic linguistic studies. The paper provides arguments and examples showing the development of the scientist's ideas on the lexical material of the 19th century. An example is N. M. Shansky's concept of "semantic centres" in the process of filling in important socio-cultural lacunae. Involving a range of lexemes in structuring the concept "Social Environment" through the formation of relevant connotative components in them (*kazarmennost'* – *salonnost'* – *kabinetnost'* – *berlozhnost'* – *keleinnost'* / Engl. *barrackness* – *salonness* – *cabinetness* or *officeness* – *denness* – *secrecy*)

provides a good illustration of the scientist's idea. The average (relative) number of derivatives with *-ost'* in the modern language is 3 500 – 4 000 lexemes. The paper examines the lexical and word-formation innovations that expand the field of derivational bases (foreign vocabulary, calques or loan translations, and semi-calques as well as low colloquial vocabulary). Additionally, the study analyses the mechanisms of interaction between the formal and the semantic criteria with the supremacy of the latter as it contributes to the removal of the previous morphonological limitations (derivation from relative adjectives ending in *-skiy*). Deriving lexemes with the double *-ost'* suffix has become possible within the word-formation pattern ending in *-ost'*: one suffix is in the derivational base, the other – in the stem of the derived word (*skorostnost'*, *lichnostnost'* / Engl. *high-speedness*, *personhood*). The paper also outlines the chronological dissonance in the formation of adjectival nouns ending in *-skost'* in Russian abroad half a century ahead of the time they appeared in the language of the metropole. The *-skost'* pattern expands the nominative field by means of including surname derivatives (*dostoevskost'*, *chekhovskost'*, *stalinskost'*, *khushchevskost'*, and others). The semantic-motivational stimulus is the "semantic increment" formed in relative adjectives due to the strong pragmatic connotation of particular precedent surnames. Thus, lexemes with the derivational suffix *-ost'* in the modern language show ample opportunities for development both on the basis of intralingual potentials and as a result of foreign language influence. The research employed critical-analytical, constructive-synthetic methods, definitional analysis, the method of distinguishing between synchronic and diachronic word-formation, multiple motivation, the method of analysing usual and occasional words.

Keywords: Old Church Slavonic, modern Russian, statistics, suffix competition, Russian emigration language, children's language, language of fiction, neologisms, occasionalisms, suffix *-ost'*

For citation: Zelenin A. V. The life cycles of the suffix *-ost'* in Russian (rereading N. M. Shansky). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2022;83(6):73–84. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-73-84>.

Введение. В 1948 г. Н. М. Шанский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Из истории имен существительных на *-ость* в русском языке»¹. Фрагменты научного исследования, особенно касающиеся истории отдельных слов (*общественность*, *партийность*, *огромность*, *плотность*, *склонность*, *способность*, *талантливость*, *человечность* и др.), позже были опубликованы в статье «К истории некоторых слов на *-ость*» [Шанский 1949]. Основные положения диссертации нашли отражение в его работе «О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке» [Шанский 1959].

В диссертационном исследовании Н. М. Шанский поставил задачу изучить «проблемы формирования имен на *-ость* в русском литературном языке как целостной семантико-грамматической категории» [Шанский 1948: 123] (курсив наш. — А. З.), им был проанализирован большой лексический материал, взятый из письменных памятников, диалектной и народно-разговорной речи. Молодой ученый усомнился в утверждении акад. С. П. Обнорского, что дериваты со значением абстрактности на *-ость*, во-первых, являются «искусственными образованиями»², во-вторых, чужды народному

языку (в этом Обнорский, по сути, повторил мысль В. И. Даля³), который преимущественно использует слова с суффиксами *-от(а)*, *-ин(а)* или с нулевым суффиксом [Обнорский 2010: 80]. Говоря об активизации лексем на *-ость* в языке XVIII в., В. В. Виноградов писал: «Особенно труден и запутан вопрос о новообразованиях русского языка, содержащих морфемы церковнославянского происхождения типа *будущность*, *современность*, *общественность* и т. п.» [Виноградов 1978: 245]. Ф. П. Филин называл такие дериваты церковнорусизмами, созданными на русской почве по церковнославянскому образцу [Филин 1981: 26] (этот термин использовал также В. В. Виноградов, в наше время им пользуются А. М. Камчатнов, Д. Г. Демидов и др.).

Н. М. Шанский показал (со ссылкой на свидетельства других исследователей), что слова на *-ость* являются не старославянскими, а общеславянскими и, глубже, праславянскими, следовательно, их нельзя оценивать только как старославянизмы на русской почве; ср.: рус. *милость*, укр. *милість*, блр. *міласць*; рус. *храбрость*, укр. *хоробрість*; рус. *веселость*, блр. *весалясць*;

¹ Шанский Н. М. Из истории имен существительных на *-ость* в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1948. 412 с.

² Такого же мнения придерживался известный славист А. Вайан.

³ «[М]ы упорно захотим ломать все отвлеченные существительные в окончание на *ость* и *вость* — окончание, которое в народном языке довольно редко, употребляется только ксэти и чаще заменяется короткими и более выразительными словами...» [Даль 1842: 542].

рус. *хитрость*, чеш. *chytrost*; рус. *слабость*, словац. *slabost*; рус. *гордость*, сербск. *hor-dost*; рус. *возможность*, укр. *можливість*, *спроможність*, блр. *магчымасць* и др.

В XVIII в. суффикс *-ость* для обозначения имен со значением абстрактного качества «выдвигается на положение *монопольного* (курсив наш. — А. З.) продуктивного словопроизводственного элемента, оттесняя всё более остальные, действующие в том же словообразовательном поле суффиксы на задний план» [Шанский 1959: 128–129]. По мнению Н. М. Шанского, своей продуктивностью в русском литературном языке этот суффикс в первую очередь «обязан литературному языку Юго-Западной Руси» [Шанский 1959: 131]. Это утверждение ученого затем было документировано Г. Хютль Ворт: «В западнорусских псалтырях встречается значительно больше слов на *-ость*, чем в церковнославянских псалтырях русской редакции 11-го в.» [Хютль Ворт 1968: 168].

Развитие словообразовательной системы русского языка было обусловлено номинативными потребностями (необходимость обозначения новых понятий), поиском наиболее лексически и семантически точных обозначений, ярко проявившимся стремлением к выражению языковых вкусов авторов. В указанных исследованиях Н. М. Шанского комплексно рассмотрено сочетание лингвистических причин: внешних (влияние юго-западной книжности) и внутренних (функциональные, структурные, семантические, стилистические критерии).

Вышеназванные работы Н. М. Шанского уже давно стали классикой в исторической лексикологии. «Привлечение богатого фактического материала (в том числе диалектного), широта взглядов и убедительность суждений делают эту работу не только актуальной вплоть до настоящего времени, но и позволяють считать ее практически единственным целостным исследованием имен существительных с суффиксом *-ость*»⁴.

⁴ Баяндина Н. А. К истории имен существительных с суффиксом *-ость* в русском литературном языке XVIII — первой четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/k-istorii-imen-sushchestvitelnykh-s-suffiksom-ost-v-russkom-literaturnom-yazyke-xviii-pervoi> (дата обращения: 10.01.2022).

Настоящая статья является попыткой представить развитие, конкретизацию и детализацию идей, высказанных Н. М. Шанским, систематизировать существующие количественные замеры дериватов на *-ость* в разные исторические эпохи, показать расширение исследовательского поля, опираясь на изыскания, появившиеся после выхода указанных работ ученого, и привлекая современный языковой материал.

Методы исследования: критико-аналитический, конструктивно-синтетический, дефиниционный, метод разграничения синхронного и диахронного словообразовательного среза, метод множественной мотивации, метод анализа узуальных и окказиональных слов.

Материал исследования: лексика с суффиксом *-ость* в диахронической и синхронической перспективе русского языка, извлеченная из работ других исследователей и собранная автором статьи.

Статистические данные. Хотя примерное (или даже с достаточно большой долей точности) количество слов на *-ость* в русском языке определить практически невозможно вследствие огромного количества неологизмов и окказионализмов, использовавшихся в языке на протяжении того или иного временного отрезка, но затем бесследно исчезавших, тем не менее существуют некоторые подсчеты, показывающие относительное количество дериватов на *-ость* в их письменной фиксации в текстах разного времени.

Исследуя древнеболгарские рукописи X–XI вв., Р. М. Цейтлин установила количество слов на *-ость*: 51 лексема, причем каждое пятое слово с формантом *-ость* встречается «в старославянских евангелиях, т. е. значительно чаще, чем в ряде других производных существительных со... значениями отвлеченности» [Цейтлин 1977: 169]. Автор полемизирует с К. Шуманном, преувеличивавшим калькированный характер слов на *-ость* (из греческого) в старославянском [Schumann 1958]. По данным Цейтлин, 50 слов используются в евангелиях в отвлеченном значении и мотивированы именами прилагательными, только одно слово — *острость* — употреблено в конкретном значении. Встречаются слова с очень высокой частотностью: *крепость* (46 употреблений), *кротость* (37), *милость* (215), *мудрость* (39),

премудрость (45), *радость* (155), *ярость* (50)⁵. Перечисленные лексемы явно обнаруживают свою лексико-семантическую прикреплённость к сфере богословия и религиозных чувств. Для старославянского уже была характерна вариативность: *сласть* — *сладость*, *острие* — *острость* [Цейтлин 1977: 169]. Количественные пропорции и предпочтительность одних вариантов другим трудно проследить, но Р. М. Цейтлин делает важный методологический вывод: «*Продуктивность модели слова и степень употребительности* (курсив наш. — А. З.) отдельных лексем, ее составляющих, могут не совпадать» [Там же: 183].

В древнерусском языке, по данным Э. М. Ножкиной, насчитывалось около 150 слов на *-ость*, образование таких дериватов не было активным, но к XVIII в. усилилась продуктивность этого суффикса при образовании имен существительных (обычно мотивированных именами прилагательными) для выражения отвлеченного значения качества, свойства под влиянием юго-западной книжности, а также в результате заимствования в XVII в. из польского языка ряда слов с суф. *-ość*. Соотношение продуктивности близкозначных суффиксов *-ств(о)* и *-ость* все больше менялось в сторону активности суффикса *-ость*⁶; ср. другие приводимые цифры: в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского — немногим более 100 лексем на *-ость* [Index 1968: 291–292] или даже 139 единиц [Филин 1981: 42].

В языке XVIII в. максимальное количество отвлеченных существительных дали именно слова на *-ость*. Н. М. Шанский, исследуя лексикон «Словаря Академии Российской» (САР), насчитал около 1000 новообразований [Шанский 1959: 128]. Следует, однако, учитывать, что «благодаря легкости образования слов на *-ость* они приводятся в словарях подчас в тех случаях, когда это не соответствует реальному употреблению или даже вообще наличию слов в языке данного времени» [Веселитский 1972: 81]. Авторское

словопроизводство в XVIII в. может поражать: например, А. Н. Радищев использовал 450 слов на *-ость*, из них 80, очевидно, являются авторскими, индивидуальными, поскольку в других текстах того же времени они отсутствуют. Причина этого ясна — попытка передачи отвлеченно-интеллектуального содержания, ср. некоторые производные: *безвещественность*, *бездеятельность*, *беззащитность*, *безвредность*, *беспредельность*, *быстротечность*, *достаточность*, *завистливость*, *малоизвестность*, *малоопытность*, *могущественность*, *мощность*, *мысленность*, *нахмуренность*, *непреложность*, *нерешительность*, *несвойственность*, *осязательность*, *первобытность*, *плодоносность*, *повсеместность*, *подражательность*, *постепенность*, *прелестность*, *притяжательность*, *раздраженность*, *раздражительность*, *расширенность*, *смертоносность*, *соединенность*, *убедительность* и др. [Алексеев 2013: 320–321]. Многие из них в наше время стали узуальными лексемами.

В языке XVIII в. сохранялось преимущественное отадъективное образование слов на *-ость* от русских основ, однако языковая и коммуникативная потребность и необходимость передачи иноязычных понятий, хлынувших в русский язык из европейских языков, расширили лексико-семантическую сферу мотивирующих слов. Так, стало возможным образование дериватов на *-ость* от иноязычных основ, хотя этот процесс протекал противоречиво и нестабильно. Тем не менее в текстах XVIII в. исследователи фиксируют слова, произведенные от иноязычной основы, что составляет около 2% от всех новообразований на *-ость*, причем заметна и спецификация неологизмов — от основ прилагательных с суффиксом *-н-* [Мальцева 1972: 17]. В XIX в. авторы уже свободно используют иноязычные основы для производства новой лексики (см. неологизмы в текстах Н. С. Лескова: *интеллигентность*, *интимность*, *портиативность*, *вульгарность*, *резонность*, *тенденциозность*, *претенциозность*, *цензурность*, *фривольность* и др. [Захарова 2021: 43]).

По свидетельству Ю. С. Сорокина, в XIX в. «более одной трети» (курсив наш. — А. З.) существительных» [Сорокин 1965: 188], зафиксированных и в современных словарях, ведут свое происхождение с 30–40-х гг. XIX в. или уже становятся узуальными, обычными, широко употребляемыми к тому времени.

⁵ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов / под ред. Р. М. Цейтлина и др. М.: Русский язык, 1994. 842 с. (СС).

⁶ Ножкина Э. М. К истории образования имен существительных с суффиксами *-ость* и *-ство* в русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1962. 22 с.

Дальнейшие подсчеты относятся к современному состоянию русского языка. Исследуя существительные со значением отвлеченного качества в современном русском языке, Е. В. Лукичева-Наврость называет цифру 3619 слов, извлеченных исследователем из разных источников [Лукичева-Наврость 2005]. В эту группу входят как одноосновные, так и двухосновные лексемы.

Страницы Википедии, посвященные электронному представлению слов на *-ость* (раздел «Русские слова с суффиксом *-ость*»⁷; «Русские слова с суффиксом *-есть*»⁸), насчитывают 3261 лексему с суффиксом *-ость* и 41 лексему с суффиксальным вариантом *-есть*, всего — 3302 лексемы. В этом корпусе представлены производные различного стилистического ранга — от специальной терминологии до грубых вульгаризмов и общенизмов; поэтическая неология и окказионализмы на *-ость* не учитываются.

В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой⁹ приведено 3465 слов с суффиксом *-ость*, причем 3114 не имеют самостоятельного толкования, а даются в качестве производных. Только 351 слово получило полноценное лексикографическое описание (как начальная вокабула), но даже из них 179

лексем в лексической (толкуемой) части имеют отсылочное указание к производящей основе [Шучунь 2020].

Таким образом, представленная краткая статистическая характеристика количества производных слов на *-ость* на протяжении тысячелетней книжной истории показывает многократное увеличение таких дериватов, зафиксированных в письменной форме. В современном узусе на основании приведенных расчетов можно предполагать использование примерного количества лексем на *-ость/-есть* — 3500–4000 лексических единиц¹⁰; узкие профессионализмы, окказионализмы, многочисленные модельные дериваты, потенциализмы из этого количества исключены.

Развитие идей Н. М. Шанского

в историко-лексикологическом аспекте

1. Лексико-словообразовательная разработка актуального концепта

Активизация той или иной словообразовательной модели в языке призвана восполнить лексические лакуны, возникшие в ту или иную эпоху. Н. М. Шанский, фиксируя активное пополнение лексики на *-ость* именно как «семантико-грамматической категории», вплотную подошел к концепции о смысловых, или семантических, центрах: появление слов, образованных по модели, затрагивает всю лексико-семантическую группу и активизирует словопроизводство, которое опосредованно отражает языковую потребность в наименовании явлений внеязыковой действительности. Ю. С. Сорокин, изучая развитие русского лексикона в XIX в. на огромном лексическом материале и используя идею М. Брэаля о «семантическом заражении» (*la contagion sémantique, la contagion du sens*) [Bréal 2005 (1897)], убедительно доказал тесную взаимосвязь формального и семантического словообразования, в том числе и на примере дериватов на *-ость*, обратив особое внимание на семантически мотивированные способы деривации. Механизм «семантического заражения» можно проиллюстрировать таким примером: лексемы, объединенные в одну лексико-семантическую

⁷ https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F:%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D1%81_%D1%81%D1%83%D1%84%D1%84%D0%B8%D0%BA%D1%81%D0%BE%D0%BC_%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 01.02.2022).

⁸ https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F:%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D1%81_%D1%81%D1%83%D1%84%D1%84%D0%B8%D0%BA%D1%81%D0%BE%D0%BC_%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 01.02.2022).

⁹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Азбуковник, 2011. 1175 с.

¹⁰ По мнению Ф. П. Филина, «в современном общеупотребительном литературном языке их около четырех с половиной тысяч» [Филин 1981: 42].

группу, испытывают одинаково сильное воздействие словообразовательной модели, демонстрируя общность мотивационных отношений. Социокультурное понятие «среда» (обстоятельства формирования личности в социуме) — один из характерных и значимых концептов литературы, культуры, социальной жизни всего XIX в. Концепт включал в свой смысловой объем слова, называющие повседневное, профессиональное, культурное, развлекательное пространство, совокупно характеризующее образ жизни, поведения человека той эпохи. Смыслорождающим центром выступило понятие «место пребывания/обитания», реализуемое рядом лексем [Сорокин 1965; Калиновская 2013]. Очевидно, именно этим лингвокогнитивным механизмом можно объяснить создание новообразований, где мотивационной базой служили имена существительные, обладавшие мощным прагматическим потенциалом, значимостью, яркой оценочностью в языковом и культурном сознании эпохи: *казармность*, *казарменность* (< *казарма*, мотивирующий признак 'образ, тип мышления, поведения, свойственный проживанию в казарме'; встречается у М. Лермонтова); *кабинетность* (< *кабинет*; на основе прагматического компонента значения 'то, что рождается в кабинете (далекое, оторванное от жизни, умозрительное)'; Н. С. Толстой, Н. Бубнов, С. А. Юрьев); *келейность* (< *келья*; смысловой мотивирующий признак 'то, что происходит в келье (скрытое, таинственное, секретное)'; Е. Л. Львова, Е. И. Утин); *салонность* (< *салон*; мотивирующий признак 'место, характеризующееся показной манерностью'; И. С. Тургенев, В. Г. Костомаров); *берложность* (< *берлога*; мотивирующий признак 'обособленное, обособившееся, замкнутое место'; В. И. Даль, А. И. Герцен). Таким образом, актуализация той или иной лексемы в группе слов «семантического центра», находящегося в зоне повышенного социального внимания, может быть легко вербализована и будет отвечать языковой потребности социума, создавая в языке квазисинонимический ряд. Это важный лингвокультурологический аспект: дериваты на *-ость* выступают «как носители определенного “кода”, который заключен

в производящей основе каждого из них (*берлога — келья — казарма — кабинет — салон*)»¹¹.

2. Динамика конкурентности суффиксов *-ость/-изм*

Иноязычный суффикс *-изм-* (вариант *-исм-*), все прочнее входивший в словообразовательный репертуар уже с Петровской эпохи, в XIX в. (отчасти в силу французского и немецкого влияния [Worth 1963: 41, 49, 60; Сорокин 1965: 263]) вступил в конкуренцию с суффиксом *-ость-* в словах, образованных от одной и той же основы: *абсолютизм — абсолютность*, *консерватизм — консервативность*, *натурализм — натуральность*, *практицизм — практичность*, *провинциализм — провинциальность*, *прогрессизм — прогрессивность*, *рационализм — рациональность*, *реализм — реальность*, *социализм — социальность*, *цинизм — циничность*, *эклектизм — эклектичность* и т. п. [Сорокин 1965: 196]. Эта синонимичность суффиксов постепенно преодолевалась семантической специализацией их лексикограмматических значений: суффикс *-изм-* сузил сферу своего функционирования, перейдя в класс суффиксов для производства терминов, обозначения различных политических, научных направлений, систем, методов, суффикс *-ость-* сохранил значение 'выражение отвлеченного качества, свойства'; ср.: «Гуманизм — это общественное движение или направление в культурной жизни общества, это социальная и этическая категория, а гуманность — это моральное свойство лица или социальной группы» [Радбиль 2010: 53]. По наблюдениям неологов, в современном русском языке заметна очевидная тенденция: дериваты на *-изм* становятся менее употребительны, причем их частотность резко снижается в последние десятилетия. Например, подсчет частотности слов на *-изм* и *-ость* в базе данных Интегрум свидетельствует о такой пропорции: «...сотни против тысяч, тысячи против десятков тысяч в пользу слов на *-ость*» [Левина 2016: 108].

¹¹ Калиновская В. Н. Отвлеченная лексика в составе «Словаря русского языка XIX века»: эти неформальные «формальные» слова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruslang.ru/doc/kalinovskaja2013.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).

Аспекты изучения производных на *-ость* в современном языке

В этой части анализа актуальной лексики на *-ость* в современном русском языке мы прокомментируем инновации, которые демонстрируют важные сдвиги в узусе, наблюдающиеся в сфере лексики с указанной финальностью.

1. Пополнение дериватов на *-ость* во множественном числе

Несомненное влияние оказывают иностранные языки (в первую очередь английский как язык-донор), откуда заимствуются лексемы в форме множественного числа, прежде отсутствовавшие в русском. Процесс такого заимствования характерен для подавляющего большинства развитых языков, свидетельствуя об унификации и стандартизации лексики в разных областях: техника, общественно-политическая жизнь, медийная коммуникация, сфера быта (хобби, туризм, психология отношений и т. д.). Ср. примеры из современного русского языка и их английские эквиваленты: *объективные реальности нынешнего времени* — *objective realities of the day*; *реальности сегодняшнего мира* — *realities of the present-day world*; *все предшествующие договоренности* — *all prior agreements* (ср. рус. существительное, допускающее форму множественного числа: *соглашения*); *экологические вредности* — *environmental exposures, contaminants, toxic matters*; *абстрактности, отвлеченности* — *abstractnesses* и т. д. Таким образом, за этим грамматическим фактом скрывается укрепляющаяся инновация в словообразовании русского языка: в появлении форм множественного числа у абстрактных имен следует видеть «словообразовательную, деривационную функцию числовой парадигмы», где «данном значением наделена флексия» [Горшкова 1978: 9]. Аналогичная мысль уже высказывалась ранее В. В. Виноградовым о связи формо- и словообразования: «При превращении форм слов в слова — словообразование осуществляется средствами словоизменения, которые в русском языке одновременно приобретают функцию и словообразовательных суффиксов» [Виноградов 1975: 180].

2. Активность вторичных производных («двойной» суффикс *-ость*)

Следует отметить словопроизводство дериватов на *-ость* (через стадию относительных прилагательных) со вторым суффиксом

-ость. В создании таких слов русский язык прошел три «волны». Первая волна появилась еще в конце XVIII–XIX вв., когда возникли лексемы с «двойным» суффиксом *-ость*: *дерзостьность*, *мерзостьность*, *накостьность*, *радостьность*, *злостьность*, *жалостьность*. Среди них много лексикосемантических калек: *Какая поверхностьность и сколько сбивчивости, противоречий и ложности в этих немногих строках!* (В. Белинский; нем. *Oberflächlichkeit*); *Тождество и личностьность души (Identität und Persönlichkeit) суть для Платнера объективные истины* (Е. Бобров). Их тематика и семантика связаны с научно-философской сферой, психологией; в XIX в. основным источником пополнения такой лексики в русском был немецкий.

Вторая волна приходится на 1920–1930-е гг., когда в качестве мотивирующих основ выступает техническая лексика. Ср., например, возникшее еще в 1930-е гг. слово *скоростность* (*скорость* > *скоростной* > *скоростность*) в технической, военной сферах и перенесенное в публицистический стиль: *...скоростность средств связи необходимо довести до максимума. Вопрос об автоматической телефонии у нас должен быть поставлен как генеральная задача* (Плановое хозяйство. 1930. № 4. С. 50); *...сами танки неизбежно всегда будут делиться на тяжелые (с ударением на мощность орудия и брони) и быстроходные (с ударением на скоростность)* (Знамя. 1945. № 2. С. 194). В таких случаях суффикс *-ость* в отаждективном существительном второго шага несет значение «степень, величина скорости работы механизма, машины», выступая характеристикой технических параметров (в сопоставлении с другими схожими устройствами или режимами работы); имплицитно присутствует сема «высокий, большой, интенсивный».

Третья волна связана с переосмыслением значений прежних технических номинаций в художественном, публицистическом стилях. Ср.: на рубеже 1960–1970-х гг. указанное слово семантически (метонимически) трансформируется, приобретая значение «высокая интенсивность, производительность работы»: *Ну, а дальше? — спрашивала себя Щенеткова. — Что получишь за эту скоростность? Знамя с махрами? Так мы и у себя его имели. Вдобавок*

имели виноград, вино, рыбу, птицу, яблоко... (В. Фоменко). Накапливание в течение длительного времени в русском словообразовании дериватов с «двойным» суффиксом *-ость* в разных жанрах и стилях (преимущественно книжных) укрепляло модель и облегчило рост аналогичных производных в последние десятилетия в сфере научного, медийного дискурса: *новостность, личностность*: *Обозначенные характеристики исследуемого медиатекста — «телевизионность» и «новостность» — позволяют по-новому взглянуть на знаковую природу новостного сюжета*¹². Слово *личностность* было заимствовано вторично, на этот раз уже как калька англ. *personhood* 'личные черты человека, индивидуальность, персональность': *То же и «личностность», которую мы рассматриваем как погруженность «Я» индивидуума в круг бытия другого индивидуума...* (В. Петровский). Эти термины представляют собой не просто синтаксические дериваты, формально созданные от производящих основ прилагательных, но включают в себя добавочное семантическое «приращение» (качественную оценку, степень признака); давно отмечено, что существительные типа *влажность, скорость* «по смыслу шире, чем однокоренные прилагательные» [Земская 2011: 258].

3. Активность производных на *-ость* в социально-медийном дискурсе

В сфере публицистического стиля языка (скорее его можно назвать активно формирующимся медийным стилем, где все более активную роль играют социальные медиа, мессенджеры, блоги, влоги) рост дериватов на *-ость* при обсуждении широкого спектра тем (от политики, экономики до повседневной, бытовой жизни) очень заметен. Это могут быть как слова, которые транслируются в общее употребление из сферы профессионального общения (*финансовость, формальность, демпинговость, офисность*), так и слова, которые мгновенно распространяются в электронно-опосредованной коммуникации, оставаясь неологизмами или даже входя в узус¹³: *креативность,*

бессобытийность, фастфудность, секундность, вживаемость, гламурность, кликабельность и др.: *уставшие от бессобытийности биржевики* (Коммерсантъ-Daily. 1993. 30 апр.); *Еще одним контраргументом противников нового налога является неопределенность критериев, по которым определяется степень «фастфудности» подаваемой пищи* (Время новостей. 2005. 11 мая). Основы производящих слов позволяют легко создавать бесшовные новообразования без видимых морфонологических затруднений. Десятки производных на *-ость* (преимущественно двухосновных), появившихся в период коронавирусного экстрима, приведены в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»¹⁴: *антиковидность, безмасочность, дистанцированность, ковидарность, ковидность, коронавирусность, коронаанормальность, пандемийность* и др.

4. Хронологический деривативный диссонанс: русский язык метрополии vs русский язык Зарубежья

После 1917 г. русский язык существовал в двух ветвях: русский язык метрополии, для которого характерны бурные языковые сдвиги в сфере лексики, словообразования, и русский язык Зарубежья, где также происходили трансформации, отличные от русского языка в СССР и мотивированные, с одной стороны, сохранением и даже консервацией языка до 1917–1918 гг., с другой — влиянием зарубежной прессы и иноязычных реалий. Сопоставление производных в этих двух разновидностях русского языка демонстрирует столкновение в образовании слова на *-ость* двух факторов: а) морфонологической структуры производного (от прилагательного на *-ский*) и б) номинативной потребности. Языковая причина таких новообразований — обозначение отвлеченного качества от имен прилагательных, значимых для того или иного социума, общественного движения, политически активной группы.

полные тексты центральных и региональных газет и журналов (архивы некоторых изданий начинаются с конца 1980-х гг.), сводки информационных агентств, осуществляющих мониторинг теле- и радиопередач, интернет-СМИ, некоторые блоги в блогосфере (<http://www.integrumworld.com/>).

¹⁴ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. 550 с.

¹² Струкова Е. В. Телевизионный новостной сюжет как разновидность медиатекста // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2008. Вып. 56. С. 143.

¹³ Для цитирования использовалась база данных Интегрум — электронного архива, содержащего

Формальные морфонологические ограничения, как правило, связаны со стремлением «избежать запрещенных морфонологией сочетаний фонем» [Земская 2011: 190]. В русском языке Зарубежья морфонологические ограничения легко преодолевались. Инновационными примерами словопроизводства на *-ость* в эмигрантском узусе являются лексемы, мотивированные относительными прилагательными с суффиксом *-ск-*: *имперскость*, *российскость*, *русскаяскость*, *младоросскость* («младороссы» — политическое движение в русском Зарубежье), *антисоветскость*: ...сочетание *младоросскости*, *монархичности* и *иерархической дисциплины* характеризуют (sic!) *младоросса* (Младоросская искра. 1935. № 26. 5 янв.).

Примечательно, что дериваты на *-скость* у эмигрантов формируются примерно с середины 1930-х гг. в среде людей среднего или даже молодого возраста, пересматривающих доктрины «отцов» и взвешивающих на советскую Россию уже новыми глазами. Таким образом относительные прилагательные, образованные от наименований политических течений, взглядов, идей, начинают приобретать в эмигрантском дискурсе прагматику оценочной качественности, что, в свою очередь, и служит семантическим мотивирующим основанием создания производных на *-скость*.

В русском языке метрополии появление лексем от относительных прилагательных с суффиксом *-ск-* стало фиксироваться исследователями только с начала — середины 1980-х гг. Например, Е. А. Земская, комментируя записанный ею неологизм *свойскость*, отмечала необычность таких новообразований, которые «всегда противостояли сочетаемости с суф. *-ость*» [Земская 1992: 63].

Действительно, с конца 1980-х гг. в русском языке метрополии начинается вулканический взброс производных на *-скость* при обозначении семантически и тематически различающихся реалий, называющих:

1) национально-этнические и психическо-ментальные черты: *русскаяскость*, *украинскаяскость*, *белорусскаяскость*, *польскаяскость*, *английскаяскость*, *французскаяскость*¹⁵, *американскаяскость* и др.;

¹⁵ Ср. старый окказионализм, образованный от другой основы относительного прилагательного: *Он, Стасов, прав, говоря, что у тебя есть французистость...* (И. Репин. Письмо В. Д. Поленову, 20 янв. 1877 г.) [Сорокин 1965: 208].

2) различные социально-политические институты: *советскаяскость*, *имперскаяскость*;

3) возрастные особенности: *подростковаяскость*, *юношескаяскость*;

4) способность к изобретательности, поиску нового: *творческаяскость*.

Ср. наблюдение о новшествах в русском языке: «...суффикс *-ость*, свойственный абстрактным именам, применяется при создании отвлеченных имен существительных от корней, прежде не допускавших подобные образования: *русскаяскость*, *советскаяскость*, *детскаяскость*» [Валгина 2001: 137].

Случай с производными на *-скость* в сфере публицистики в русском языке Зарубежья и в языке метрополии — одна из иллюстраций пронизательного наблюдения Г. О. Винокура, высказанного еще в 1940 г.: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода “потенциальные слова”, т. е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» [Винокур 1991: 327]. Историческая случайность «захотела» и экстралингвистически мотивировала словопроизводство лексем на *-скость* в эмигрантском речевом обиходе уже в 1930-е гг., опередив русский язык метрополии на полвека (подробнее о производных на *-ость* см.: [Зеленин 2007: 83–87]).

5. Отантропонимические производные на *-скость*

Были вовлечены в эту словообразовательную модель в современном русском словопроизводстве и отантропонимические существительные, образованные от фамилий известных личностей, оказавших большое влияние на сферы науки, политики, культуры, благодаря чему ставшие прецедентными, значимыми феноменами в общественном дискурсе. Под морфонологическое ограничение раньше попадали существительные, образованные от прилагательных или антропонимов на *-ский*, такие инновации считались индивидуально-авторскими или потенциальными. Интересно, что окказиональные образования в русском языке известны достаточно давно, однако они находились на периферии словопроизводства: *достоевскаяскость* (*Не знакома, разве, каждому из нас эта «достоевскаяскость», которая так жутко заражает*

кровь, холодит спину, сжимает горло, туманит мозг, до дна потрясает наше в одном мгновении съедает вечность?) (С. Волконский); *маяковскость* (...Серов раскрыл масштабность и значимость этого сложного произведения [Шебалина], созвучность его замечательному литературному первоисточнику, его «*маяковскость*») (Советская музыка. 1966. № 7. С. 93). В современном языке эта модель явно укрепилась и узуализируется, доминирующие сферы — публицистика, научный дискурс: *чеховскость* (*Нам хотелось бы избежать неудачных неологизмов, однако имеются весомые предпосылки для того, чтобы, аналогично Р. Барту, описать специфику разобранного нами маргинального подхода как «чеховскость»*) (В. С. Зайцев); *путинскость* (*Меж тем, новое партийное образование может и должно стать довольно неплохим ресурсом и для самой «Единой России», которой стратегически удобней противопоставлять себя декларирующим свою «путинскость» «актуальным левым»*) (Русский журнал. 2006. 14 сент.).

Таким образом, формальные морфонологические ограничения постепенно ослабевают в образовании лексем с суффиксом *-ость*-, ведущим критерием становится семантический, коммуникативно значимый аспект. Для новообразований характерны «тенденции сочетаемости—несочетаемости, а не строгие, ненарушаемые законы» [Земская 2011: 206].

Выводы

1. Кандидатская диссертация Н. М. Шанского придала новый импульс изучению суффиксальной системы русского языка в диахронии, представив методику и методологию такого рода исследований на примере анализа суффикса *-ость*-.

2. Исследования особенностей языка XVIII—XIX вв. показывают причины интенсивного пополнения русского лексикона словами с абстрактным значением. Их бурный рост был мотивирован внутриязыковыми факторами (необходимость абстрагированной лексики в разных жанрах и стилях русского языка) и внешними заимствованиями (кальки, появление сочетаемости иноязычных основ с суффиксом *-ость*-).

3. Статистические данные, собранные автором статьи из различных источников, показывают рост таких слов в диахронической перспективе и в современном языковом

пространстве; число дериватов на *-ость* приближается к 4000 единиц (за исключением узких терминов, потенциализмов, поэтических инноваций).

4. Сравнение двух разновидностей русского языка (языка метрополии и языка Зарубежья) позволяет сделать важный вывод о мощном словообразовательно-номинативном импульсе в русском языке Зарубежья в 1930-е гг., инициировавшем появление слов на *-ость* от относительных прилагательных на *-ск(ий)*, относившихся к сфере политики, культурно-языковой идентичности эмигрантов. В русском языке метрополии эта словообразовательная модель на *-скость* оказалась востребованной (в более широком тематическом диапазоне) в конце 1980-х гг.

5. Лингвистические наблюдения последних десятилетий показывают активное появление производных на *-ость* в разных сферах русского языка. Следствием является массивное проникновение дериватов на *-ость* через компьютерно-опосредованную среду в общий язык. Часть их довольно быстро узуализируется в медийном и разговорно-обычном пространстве, часть остается на уровне окказионализмов и потенциализмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 476 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
3. Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. М.: Наука, 1972. 318 с.
4. Виноградов В. В. О новых исследованиях по истории русского литературного языка // Виноградов В. В. Избранные труды: история русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 237–253.
5. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / сост. Т. Г. Винокур; предисл. В. Григорьева. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.
6. Горшкова К. В. История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования. М.: Изд-во МГУ, 1978. 68 с.
7. Даль В. И. Полтора слова о нынешнем русском языке // Москвитянин. 1842. Ч. 1, № 2. С. 532–556.
8. Захарова Ю. Г. Эпистолярное наследие русских писателей как источник изучения

неологии второй половины XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18(4). С. 713–735. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.405>.

9. Зеленев А. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб.: Златоуст, 2007. 380 с.

10. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.

11. Земская Е. А. Современный русский язык: словообразование. М.: Флинта, 2011. 328 с.

12. Левина С. Д. Из наблюдений над наименованиями нетрадиционных сексуальных ориентаций в современном русском языке // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 106–113.

13. Лукичева-Нагорская Е. В. Существительные со значением отвлеченного качества в русском языке (на материале имен на *-ость*) // Вестник Вісбебського державного університету. 2005. № 2(36). С. 75–80.

14. Мальцева И., Молотков А., Петрова З. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л.: Наука, 1975. 372 с.

15. Обнорский С. П. Русский литературный язык старейшей поры: лингвистический анализ памятников древнерусской словесности. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 200 с.

16. Рабиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.

17. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90 годы XX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

18. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 326 с.

19. Хюль Ворт Г. Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. К историческому анализу и классификации славизмов // American contributions to the Sixth International Congress of Slavists, Prague, 1968, August 7–13. Vol. 1: Linguistic contributions by Henry Kucera. De Gruyter Mouton; Reprint 2018. P. 95–124. <https://doi.org/10.1515/9783111610979-006>.

20. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М.: Наука, 1977. 336 с.

21. Шанский Н. М. К истории некоторых слов на *-ость* // Ученые записки. Рязань: [б. и.], 1949. № 8. С. 143–156.

22. Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке // Вопросы истории русского языка. М.: МГУ, 1959. С. 104–131.

23. Шучунь Ч. Семантические особенности существительных с суффиксом *-ость* в современном русском литературном языке // Вестник

Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 101–108. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-101-108>.

24. Bréal M. Essai de sémantique / introduction de Simone Delesalle, Limoges, & Michel Bréal: Mélanges de mythologie et de linguistique (1882); introduction de Gabriel Bergounioux. Limoges, 2005. 216 p. [стереотип. переизд. 1897.]

25. Indeks a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Dulewiczowa I., Grek-Pabisowa I., Maryniak I., Obrebska-Jabłńska A. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 386 s.

26. Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. (Phil. Diss. FU Berlin) (Slavist. Veröff. Osteuropa-Inst. Berlin. Bd. 16.). Berlin-Wiesbaden: Harrassowitz i. Komm. 66 s.

27. Worth G. H. Review: Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen: Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts by Miklós Fogarasi // Language. Vol. 42(3), 1:690–694.

REFERENCES

1. Alekseev A. A. Essays and studies on the history of the literary language in Russia. Saint-Petersburg: Petersburg Linguistic Society, 2013. 476 p. (In Russ.)

2. Valgina N. S. Active processes in the modern Russian language: a textbook. Moscow: Logos, 2001. 304 p. (In Russ.)

3. Veselitsky V. V. Abstract vocabulary in the Russian literary language of the 18th–early 19th centuries. Moscow: Science, 1972. 318 p. (In Russ.)

4. Vinogradov V. V. On new research on the history of the Russian literary language. *Izbrannye trudy: istoriya russkogo literaturnogo yazyka = Selected works: the history of the Russian literary language*. Moscow: Science, 1978. P. 237–253. (In Russ.)

5. Vinokur G. O. On the language of fiction / comp. T. G. Vinokur; foreword V. Grigoriev. Moscow: Higher school, 1991. 448 p. (In Russ.)

6. Gorshkova K. V. The history of Slavic numerical paradigms as a complex interaction of inflection and word formation. Moscow: MSU Publ., 1978. 68 p. (In Russ.)

7. Dal V. I. One and a half words about the current Russian language. *Moskvityanin = Muscovite*. 1842;1(2):532–556. (In Russ.)

8. Zakharova Yu. G. The epistolary legacy of Russian writers as a source for the study of neology in the second half of the 19th century. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Yazyk i literatura = Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021;18(4):713–735. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.405>.

9. Zelenin A. The language of the Russian émigré press (1919–1939). Saint-Petersburg: Zlatoust, 2007. 380 p. (In Russ.)
10. Zemskaya E. A. Word formation as an activity. Moscow: Science, 1992. 221 p. (In Russ.)
11. Zemskaya E. A. Contemporary Russian language: word formation. Moscow: Flinta, 2011. 328 p. (In Russ.)
12. Levina S. D. From observations on the names of non-traditional sexual orientations in modern Russian. *Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy (k 50-letiyu nauchnogo napravleniya) = Neology and neography: current state and prospects (on the 50th anniversary of the scientific direction)*. Saint-Petersburg: Nestor-History, 2015. P. 106–113. (In Russ.)
13. Lukicheva-Navros E. V. Nouns with the meaning of an abstract quality in Russian (on the basis of names with *-ost*). *Vestnik Vitebskaya dzyarzhaynaya yuniversiteta = Bulletin of Vitebsk State University*. 2005;2(36):75–80. (In Russ.)
14. Maltseva I., Molotov A., Petrova Z. Lexical innovations in the Russian language of the 18th century. Leningrad: Science, 1975. 372 p. (In Russ.)
15. Obnorsky S. P. Russian literary language of the oldest age: linguistic analysis of monuments of ancient Russian literature (2nd ed). Moscow: Book house «LIBROKOM», 2010. 200 p. (In Russ.)
16. Radbil T. B. Basics of studying language mentality. Moscow: Flinta: Science, 2010. 328 p. (In Russ.)
17. Sorokin Yu. S. The development of the vocabulary of the Russian literary language in the 30s–90s of the 20th century. Moscow; Leningrad: Science, 1965. 565 p. (In Russ.)
18. Filin F. P. The origins and destiny of the Russian literary language. Moscow: Science, 1981. 326 p. (In Russ.)
19. Hutl Worth G. The role of the Church Slavonic language in the development of the Russian literary language. To historical analysis and classification of Slavisms. *American contributions to the Sixth International Congress of Slavists, Prague, 1968, August 7–13, Vol. 1: Linguistic contributions* / Henry Kucera (ed). De Gruyter Mouton, 2018. P. 95–124 [reprint]. (In Russ.) <https://doi.org/10.1515/9783111610979-006>.
20. Tseitlin R. M. Vocabulary of the Old Slavic language. Moscow: Science, 1977. 336 p. (In Russ.)
21. Shansky N. M. To the history of some words ending in *-ost'*. *Uchenye zapiski = Scientific notes of Ryazan State Pedagogical Institute*. 1949;8:143–156. (In Russ.)
22. Shansky N. M. About the origin and productivity of the suffix *-ost'* in the Russian language. *Vo-prosy istorii russkogo yazyka = Questions of history of the Russian language*. Moscow: Moscow State University, 1959. P. 104–131. (In Russ.)
23. Shuchun Zh. Semantic characteristic of nouns formed with the suffix *-ost'* in the modern Russian literary language. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2020;26(4):101–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-101-108>.
24. Bréal M. Essai de sémantique. Introduction de Simone Delesalle, Limoges, & Michel Bréal: Mélanges de mythologie et de linguistique (1882). Introduction de Gabriel Bergounioux, Limoges, 2005. 216 p. [стереотип. переизд. 1897.] (In French)
25. Indeks a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Dulewiczowa I., Grek-Pabisowa I., Maryniak I., Obrebska-Jablńska A. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 386 s. (In Pol.)
26. Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. (Phil. Diss. FU Berlin] (Slavist. Veröff. Osteuropa-Inst. Berlin. Bd. 16.). Berlin-Wiesbaden: Harrassowitz i. Komm. 66 s. (In Germ.)
27. Worth G. H. Review: Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen: Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts by Miklós Fogarasi // *Language*. Vol. 42(3), 1:690–694. (In Germ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук

Aleksandr V. Zelenin, Doctor of Science (Philology)

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 22.07.2022.

The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 22.07.2022.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

LINGUISTIC HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'232.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-85-92>

Ученый, просветитель, новатор...

(к 100-летию со дня рождения Н. М. Шанского)

Марина Николаевна Приемышева

*Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия,
mn.priemysheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9423-3486>*

Аннотация. В статье, посвященной 100-летию со дня рождения Н. М. Шанского, дается краткий обзор тех аспектов научной и творческой деятельности ученого, в которых он выступил как инициатор традиций и новатор. Так, он стал автором первого вузовского учебника «Фразеология современного русского языка», а структура и содержание учебника «Лексикология современного русского языка» на много десятилетий стали образцами для авторов других учебников по лексике. В статьях и книгах Н. М. Шанского получил развитие научно-популярный жанр «истории слов», ориентированный на учителей и школьников. Его популяризация на страницах журнала «Русский язык в школе», главным редактором которого Н. М. Шанский был более 40 лет, сделала «историю слов» неотъемлемой составляющей процесса преподавания русского языка. Н. М. Шанский сыграл значительную роль в развитии отечественной фразеологии и фразеологии. Он стал не только создателем расширенной, по сравнению с виноградской, типологии фразеологизмов русского языка, но и автором и соавтором большого числа фразеологических словарей, в том числе первого этимологического словаря русских фразеологизмов. Особое место Н. М. Шанский занял и в истории отечественной лексикографии: он был автором и соавтором целого ряда словарей русского языка, в том числе многотомного «Этимологического словаря русского языка», ряда типологически новых словарных изданий; а как автор раздела по лексикографии в учебнике по лексикологии заложил основы традиции типологической характеристики русских словарей. Ценным является и содержание очерков о словарях. Этот тезис более подробно раскрывается на примере очерка о «шахматовском» академическом словаре русского языка. В статье делается попытка не только всесторонне охарактеризовать наследие Н. М. Шанского как лексиколога, фразеолога, лексикографа, методиста, но и подчеркнуть его новаторство и неоценимый вклад, который он внес в развитие отечественной науки и отечественного образования.

Ключевые слова: Н. М. Шанский, история отечественного языкознания, лексикология, фразеология, история лексикографии русского языка, фразеология, научно-популярный жанр «история слов», журнал «Русский язык в школе», «шахматовский словарь»

Для цитирования: Приемышева М. Н. Ученый, просветитель, новатор... (к 100-летию со дня рождения Н. М. Шанского) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 85–92. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-85-92>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Scientist, enlightener, innovator...

(to the 100th anniversary of the birth of N. M. Shansky)

Marina N. Priemysheva

*Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia,
mn.priemysheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9423-3486>*

Abstract. The paper concerns the centenary of M. N. Shansky's birth and provides a brief overview of those aspects of the scholar's scientific and creative activity which he was involved in as an initiator of traditions and an innovator. For instance, he authored the first higher education textbook "Phraseology of Modern Russian". Moreover, the structure and content of the textbook "Lexicology of Modern Russian" became models for the authors of other vocabulary textbooks for many decades. The popular science genre of "history of words" targeted at teachers and schoolchildren was developed in N. M. Shansky's papers and books. The popularisation of the genre in the pages of the "Russian Language at School" journal (N. M. Shansky was its editor-in-chief for over 40 years) made the "history of words" an integral part of the Russian language teaching process. N. M. Shansky played a significant role in the development of Russian phraseology and phraseography. He not only created an expanded, in comparison with V. V. Vinogradov's, typology of phraseological units of the Russian language, but also authored and co-authored many phraseological dictionaries, including the first etymological dictionary of Russian phraseological units. N. M. Shansky also occupied a special place in the history of Russian lexicography: he authored and co-authored a host of Russian language dictionaries, including the multi-volume "Etymological Dictionary of the Russian Language", and several typologically new dictionaries. Moreover, as the author of the lexicography section in a textbook on lexicology, he laid the foundations for the tradition of typological characterisation of Russian dictionaries. The content of his essays about dictionaries is also valuable. I prove this thesis in more detail using N. M. Shansky's essay on the "Shakhmatov's" academic dictionary of the Russian language. This paper attempts not only to comprehensively characterise the legacy of N. M. Shansky as a lexicologist, phraseologist, lexicographer, and methodologist, but also to emphasise his innovation and the invaluable contribution he made to the development of national science and education.

Keywords: N. M. Shansky, history of Russian linguistics, lexicology, phraseology, history of Russian lexicography, phraseography, "history of words" popular science genre, "Russian Language at School" journal, "Shakhmatov's dictionary"

For citation: Priemysheva M. N. Scientist, enlightener, innovator... (to the 100th anniversary of the birth of N. M. Shansky). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(6):85–92. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-85-92>.

Введение. Николай Максимович Шанский — имя, которое очень хорошо известно и ученым, и учителям, и школьникам. Будучи учеником и последователем таких классиков отечественного языкознания, как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Р. И. Аванесов и др., Н. М. Шанский, преподавая в Московском государственном университете с середины 1950-х гг., сам стал учителем последующих поколений выдающихся лингвистов. Автор многочисленных книг и вузовских учебников по лексикологии, фразеологии, словообразованию, статей и монографий по истории слов, стилистике, автор многочисленных словарей, в том числе первого в советское время «Этимологического словаря русского языка», автор и редактор школьных учебников по русскому языку, главный редактор самого популярного в стране научно-методического журнала — «Русский язык в школе», Н. М. Шанский был особенным и уникальным явлением в истории отечественного языкознания и в истории отечественной методики преподавания русского языка и сильно повлиял на их развитие и, как следствие, на их современное состояние.

В нем удивительным образом соединились невероятное стремление дойти до самых основ, до самых глубинных тайн

русского слова и стремление этими тайнами поделиться, увлечь ими своих коллег, слушателей, учителей и школьников, что определило и особенности его научного вклада, и то беспрецедентное влияние, которое он оказал на всю методологию преподавания русского языка в вузе и в школе в целом. Именно первым стремлением и объясняется интерес к этимологии, словообразованию, к лексикологии, к исторической лексикологии, нашедший свое воплощение, например, в таких книгах и учебниках, как «Лексикология современного русского языка», «Фразеология современного русского языка», «Очерки по русскому словообразованию и лексикологии» и мн. др., в таких словарях, как «Этимологический словарь русского языка», «Фразеологический словарь русского языка», «Опыт этимологического словаря русской фразеологии» и мн. др. Этими исследованиями Н. М. Шанский заслужил признание как выдающийся ученый, лингвист, лексиколог, фразеолог, специалист по словообразованию и стилистике. Вторым стремлением — заинтересовать этими научными открытиями как можно больше студентов, учителей и школьников — объясняется создание им школьных учебников по русскому языку, подготовка

таких научно-популярных изданий, как «В мире слов», «Занимательный русский язык», «Лингвистические детективы», школьных и учебных словарей, статей по методике преподавания русского языка. Особенностью научного и педагогического метода Н. М. Шанского стало не только сохранение лучших проявлений классической методологии отечественной лингвистики, но популяризация научного знания через словари, учебники, научно-популярные издания, в том числе возглавляемые им журналы «Русский язык в школе» (с 1963 по 2005 г.) и «Русский язык в школе и дома» (с 2001 по 2005 г.).

Обращенность к широкому читателю, просветительство в самом высоком смысле этого слова отличают научный стиль Н. М. Шанского, и это способствовало во многом тому, что мы, воспитанные на его книгах и учебниках, не до конца осознаем и даже не до конца знаем: многое из того, что им сделано, было сделано для своего времени впервые и определило на многие десятилетия ход развития русской лексикологии, русской фразеологии, русской лексикографии и методики преподавания русского языка.

Остановимся лишь на некоторых областях научного, научно-методического и научно-популярного знания, в которых Н. М. Шанского можно смело считать новатором или создателем новых традиций, которые прочно вошли в нашу жизнь.

Анализ

1. У истоков традиции изучения и преподавания русской лексикологии

Огромной заслугой Н. М. Шанского стало формирование традиции жанра вузовских учебников по лексикологии и фразеологии, что подробно показала Т. А. Боброва в Предисловии к 3-му и последующим изданиям «Лексикологии современного русского языка». Н. М. Шанский был редактором первого монографического учебника по лексикологии Е. М. Галкиной-Федорук «Современный русский язык. Лексика» (1954), а также одним из авторов классического учебника «трех авторов» — «Современный русский язык» (1957)¹. В его учебном пособии

«Лексика и фразеология современного русского языка» (1957), в учебниках «Фразеология современного русского языка» (1963) и «Лексикология современного русского языка» (1964), впоследствии переизданных, впервые в истории отечественной вузовской практики преподавания «Лексика» и «Фразеология», которые ранее являлись разделами в учебниках разных авторов «Введение в языкознание», «Современный русский язык», были вынесены в отдельные монографические издания. Как отмечает Т. А. Боброва, уже в авторских разделах Н. М. Шанского в учебнике «трех авторов» «наблюдается изменение рубрикации лексикологического описания русского языка, которое проявилось потом в самостоятельных книгах Н. М. Шанского и было унаследовано другими лексикологами» [Боброва 2007: 4]. Особенно подчеркнем, что «Лексика» в учебниках Н. М. Шанского обрела статус «Лексикологии», а «Фразеология», впервые в истории отечественной вузовской методики представленная в монографическом издании, обрела статус самостоятельного научного объекта.

Особую роль Н. М. Шанский сыграл в развитии такого научного и научно-популярного жанра, как «история слов».

В истории отечественного языкознания традиция научного жанра — «история слов» — занимает особое место. Создателем традиции в России следует считать В. В. Виноградова, который считал, что отдельные историко-лексикологические этюды являются необходимым этапом исследований по исторической семантике русского языка, при суммировании которых станет возможным создание полного исторического словаря русского языка. Его многочисленные очерки по истории слов, как опубликованные с 1940-х гг., так и рукописные, были объединены в крупнейшей монографии «История слов» (1999). Традиция жанра была в свое время поддержана В. И. Чернышевым, Б. А. Лариным, Р. А. Будаговым и мн. др. Как научно-популярный жанр «история слов» возникает в России чуть раньше, еще в 1930-е гг. У истоков этого жанра стоял филолог-классик

¹ Современный русский язык: лексикология, фонетика, морфология: учебное пособие для факультетов русского языка и литературы

педагогических институтов / Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. М.: Учпедгиз, 1957. 408 с.

Борис Васильевич Казанский, которого В. Б. Шкловский назвал «прародителем жанра научного детектива», — автор книг «Приключения слов» (1931), «Разгаданная надпись» (1934), «В мире слов» (1958), традицию которого продолжил в 1950-е гг. Л. В. Успенский («Слово о словах», «Загадки топонимики», «Ты и твоё имя», «По закону буквы», «По дорогам и тропам языка» и др.), а чуть позднее, конечно же, — Н. М. Шанский. Соединив две традиции — научную и научно-популярную — в одну, ориентировав «историю слов» на учителей и школьников, Н. М. Шанский придал этому жанру особенную популярность и дидактическую ценность. Им была подготовлена целая серия научно-популярных книг: «В мире слов» (1971), «Слова, рожденные Октябрем» (1971), «Лингвистические детективы» (1986), «Занимательный русский язык» (1996), в соавторстве с Т. А. Бобровой — «Снова в мире слова» (2001), «Жизнь русского слова» (2006). Популяризации жанра способствовали и постоянные публикации очерков по истории слов в журнале «Русский язык в школе», и на определенном этапе «история слов» стала неотъемлемым дидактическим материалом при освоении русского языка, его лексики, словообразования. На наш взгляд, это позволяет считать Н. М. Шанского ярким продолжателем традиции Ф. И. Буслаева, который еще в первой половине XIX в. в своем известном труде «О преподавании отечественного языка» (1844) сформулировал идею о необходимости преподавания русской грамматики в контексте ее исторического развития.

II. У истоков изучения русской фразеологии

Н. М. Шанский внес значительный вклад в развитие русской фразеологии и фразеографии. Учебник Н. М. Шанского «Фразеология современного русского языка» (1963) стал первым в России учебным пособием, в котором подробно, системно и углубленно была дана характеристика этого еще достаточно нового в середине XX в. для отечественной лингвистики объекта. В учебнике ученый предложил расширенную типологию фразеологических единиц, включив в нее, наряду с фразеологическими сращениями, единствами и сочетаниями, введенными ранее В. В. Виноградовым на основе классификации Шарля Балли

1905 г., фразеологические выражения — полностью воспроизводимые говорящими свободные словосочетания, к которым можно отнести цитаты, поговорки (*любви все возрасты покорны*), терминологические словосочетания (*социалистическое соревнование*) и т. п. В кратком формате те же положения были представлены Н. М. Шанским в 1957 г. в учебном пособии для студентов-заочников факультетов русского языка и литературы педагогических институтов «Лексика и фразеология современного русского языка». Впоследствии учебник «Фразеология современного русского языка» неоднократно переиздавался.

Совершенно особый вклад Н. М. Шанский внес в отечественную фразеографию.

Сейчас в это трудно поверить, но фразеологические словари русского языка в современном понимании — жанр лексикографии, который начал новый этап своего развития в послереволюционной России только в 1970-е гг. По сути, первым в истории современной отечественной лексикографии фразеологическим словарем стал «Фразеологический словарь русского языка» А. И. Молоткова (1968), идея создания которого возникла в результате непосредственного и неудовлетворительного описания и оформления фразеологизмов в структуре словарной статьи в большом академическом «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах. Один из его редакторов А. М. Бабкин, сам впоследствии автор работ по русской фразеологии, отмечал следующее: «Пришло время перестать фразеологическую часть рассматривать лишь в роли придатка к словарной статье, посвященной слову, и сделать фразеологическую единицу самостоятельным объектом не только лексикографии, но и **фразеографии** [выделено автором. — М. П.]. Несомненно и возможно в недалеком будущем появятся отдельные идеографические, синонимические, исторические и этимологические фразеологические словари русского языка» [Бабкин 1971: 37]. Н. М. Шанский стал, по сути, первым настоящим фразеографом русского языка.

Он был автором и соавтором большого количества учебных, в том числе двуязычных, фразеологических словарей русского языка. Разработав «Единый фразеологический

минимум русского языка для национальной средней школы. Проект для обсуждения» (1974), Н. М. Шанский впоследствии в соавторстве с Е. А. Быстровой подготовил и опубликовал с 1975 по 1982 г. на его основе целый ряд учебных словарей – «700 фразеологических оборотов русского языка» для говорящих на английском, венгерском, вьетнамском, испанском, итальянском, монгольском, немецком, словацком, таджикском, турецком, узбекском, финском, французском, чешском языках. Он также был соавтором «Краткого русско-туркменского фразеологического словаря» (1981), «Учебного русско-эстонского словаря устойчивых сочетаний» (1983). Закономерным следствием такой работы стали и разработанные Н. М. Шанским «Методические рекомендации по использованию учебного фразеологического словаря в процессе обучения русскому языку учащихся национальных школ» (1985).

Н. М. Шанский был соавтором и целого ряда других, преимущественно учебных, фразеологических словарей русского языка². В связи с этим особенно показательно в истории отечественного языкознания то, что интерес к этимологии и происхождению слов и выражений, с одной стороны, и к фразеологии – с другой, привели Н. М. Шанского к созданию, казалось бы, очень закономерного, однако совершенно нового для русской лексикографии типа словаря: этимологического словаря русской фразеологии. Словарем такого типа стал «Опыт этимологического словаря русской фразеологии», созданный Н. М. Шанским в соавторстве с В. И. Зиминим и А. В. Филипповым (1987).

Словарь включает выражения, этимология, объяснение происхождения которых было лингвистически, культурологически интересным и познавательным и могло бы пригодиться в процессе изучения или преподавания русского языка. Ср., например:

² Учебный фразеологический словарь русского языка для национальной школы / Е. А. Быстрова, Н. М. Шанский. М.: б. и., 1979. 263 с.; Учебный фразеологический словарь / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. М.: АСТ, 1998. 289 с.; Фразеологические обороты русского языка: словарь / Н. М. Шанский, Е. А. Быстрова, В. И. Зимин. М.: Рус. яз., 1988. 389 с.; и др.

БУМАГА НЕ КРАСНЕЕТ. О том, что написать и напечатать можно все что угодно.

Неточная *калька* с лат. *epistola non erubescit*. Восходит к древнеримскому оратору и писателю Цицерону (106–43 гг. до н. э.), букв. «письмо не краснеет». Производное собств. русск. *бумага всё терпит*³.

НЕ МУДРСТВУЯ ЛУКАВО. Просто, без затей.

Собств. русск. Из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1831 г.): «Описывай, не мудрствуя лукаво, всё то, чему свидетель в жизни будешь ты!» (слова летописца Пимена)⁴.

Предназначенный для преподавателей и учителей русского языка и различных групп учащихся, изучающих русский язык, а также для всех, «интересующихся историей русского языка и культурой речи», информативный словарь-справочник стал началом новой традиции в лексикографии по созданию этимологических словарей русской фразеологии, прекрасным продолжением которой стали не только переиздания этого словаря, но и словарь А. К. Бириха и др. (1998)⁵.

III. Влияние на традиции русской лексикографии

Уникальный и очень значительный след оставил Н. М. Шанский и в истории отечественной лексикографии.

Во-первых, он является автором целого ряда словарей русского языка, в том числе и первого в послереволюционной России «Этимологического словаря русского языка» (МГУ), автором и соавтором многочисленных учебных этимологических словарей⁶, уже упомянутых словарей по фразеологии, а также автором целого

³ Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. М.: Русский язык, 1987. С. 20.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Словарь русской фразеологии: ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; С.-Петерб. гос. ун-т. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 700 с.

⁶ Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; под ред. [и с предисл.] чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. 542 с.; Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. 7-е изд., стер. М.: Дрофа, 2004. 398 с.

ряда типологически новаторских словарей, идея создания которых была обязательно связана, с одной стороны, с вопросами происхождения, этимологии и словообразования слова, а с другой — с вопросами применения, использования, функционирования слова в русском языке. К таким словарям можно отнести, например, «Краткий словообразовательно-этимологический словарь русской полисемии» Н. М. Шанского, Н. Н. Романовой, А. В. Филиппова, публикуемый на страницах журнала «Русский язык в школе» в 1983—1986 гг., «Учебный словарь античных имен в русской поэзии» Н. М. Шанского, В. С. Соловьевой, А. В. Филиппова (1989 и др.).

Во-вторых, особый вклад Н. М. Шанский внес в методику изучения и преподавания лексикографии, включив в свой учебник «Лексикология современного русского языка» (1964) большой раздел, посвященный лексикографии и типам словарей. Став одним из методически закономерных разделов, существенно превышающим объем аналогичного раздела в учебнике «трех авторов», этот очерк по типам современных словарей стал важным звеном в изучении истории, теории и практики русской лексикографии.

Содержание, объем и оформление раздела «Важнейшие словари русского языка», включающего, например, такие параграфы, как «Основные типы словарей», «Толковые словари», «Диалектные словари», «Словари синонимов» и т. п. (всего 14 параграфов), можно рассматривать как жанрообразующие категории, так как на момент выхода этого учебника, кроме пособия по лексикографии Р. М. Цейтлин⁷ и очень кратких разделов в упомянутых учебниках Е. М. Галкиной-Федорук и «трех авторов», в учебнике Л. А. Булаховского «Введение в языкознание», сводной системной информации по словарям русского языка и особенно их типологической характеристики практически не было. Традиция именно такого принципа оформления лексикографического раздела продолжится, например в учебнике А. В. Калинина «Лексика русского языка»,

а также в широко востребованных пособиях и учебниках В. А. Козырева и В. Д. Черняк по лексикографии — «Слово в системе словарей русского языка» (1989), «Вселенная в алфавитном порядке» (2000), «Русская лексикография» (2004). Эта традиция представлена и в ряде других учебников по русской лексикографии.

Особый интерес представляет не только структура, но и содержание раздела «Важнейшие словари русского языка». Дав фактически впервые в советской России краткий по объему, но при этом самый широкий по охвату обзор типов имеющихся словарей, Н. М. Шанский создал и своего рода точку отсчета для изучения истории каждого из описываемых им лексикографических жанров. Материалы очерков Н. М. Шанского в учебнике 1964 г. позволяют увидеть, насколько неузнаваемо изменилась лексикографическая картина в России за последние 50—60 лет. Так, например, в очерке по фразеологическим словарям речь идет еще только о словарях С. В. Максимова «Крылатые слова» (1890), М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (1903—1904) и Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова» (1955), тогда как сейчас фразеологических, идиоматических словарей, словарей крылатых слов и выражений насчитывается десятки. Характеризуя этимологические словари и особенно подробно практически единственный до определенного момента времени «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, автор очень скромно, корректно, но объективно сообщает о выходе в 1961 г. «Краткого этимологического словаря русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской под ред. С. Г. Бархударова и достаточно подробно его описывает.

Помимо историко-научной перспективы, очерки Н. М. Шанского являются и очень ценными с научно-теоретической точки зрения. Приведем в качестве примера один очень важный для истории отечественной лексикографии эпизод.

Незавершенный «Словарь русского языка» Я. К. Грота — А. А. Шахматова, так называемый шахматовский словарь, являющийся в череде больших академических толковых словарей русского языка

⁷ Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии: (Словари рус. яз.). М.: Учпедгиз, 1958. 136 с.

предшественником «Словаря современного русского литературного языка» в 17 т. (1948–1965), был словарем трудной исторической судьбы.

Начатый в конце 1880-х гг. под ред. Я. К. Грота как строго нормативный (в 1891–1895 гг. были опубликованы выпуски с А до Д), словарь с 1895 г., начиная с буквы Е, был продолжен под редакцией А. А. Шахматова как полный словарь всей лексики русского языка, встретившейся и в памятниках древнерусской письменности, и в художественной, и в научной литературе, и в современных диалектах и социальных жаргонах за весь период существования русского языка. Работа над словарем шла медленно и продолжалась после смерти Шахматова с 1920 г. до 1929 г., когда, по инициативе В. М. Истрина и Л. В. Щербы, принципы работы над словарем изменились (словарь начал издаваться с начала алфавита и стал словарем с о в р е м е н н о г о русского языка с историческими данными, а с 1934–1936 гг. в концепции, возможно под влиянием «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, усилилось нормативное начало). С 1932 г. главным редактором словаря был назначен академик Н. С. Державин. Однако в 1937 г., ввиду обвинения ряда авторов и выборщиков словаря в троцкизме и в участии в контрреволюционной деятельности, в прессе началась кампания по дискредитации словаря, и 5 августа на заседании Президиума АН СССР было объявлено о прекращении работы над этим словарем и сообщено о начале работы над новым нормативным «Словарем современного русского литературного языка», первые тома которого были опубликованы уже в 1948 г.

Причины закрытия словаря в 1937 г. привели к тому, что последние годы работы над «Словарем русского языка» под ред. Я. К. Грота – А. А. Шахматова практически выпали из официальной истории отечественного языкознания. Не случайно поэтому датировка «шахматовского» издания академического словаря определяется исследователями непоследовательно: либо периодом 1891–1920 гг., либо периодом 1891–1929 гг., либо периодом 1891–1937 гг. Количество упоминаний об этом словаре в целом, а особенно о его переиздании с 1929 по 1937 г., в истории

отечественной лексикографии исчисляется единицами. Но современники и ближайшие свидетели событий если и указывали формально правильные годы создания словаря вплоть до 1937 г., то давали негативные оценки изданию, вынужденно объясняя причины прекращения работы над ним. Словарь вскользь и, как правило, в критическом и даже в отрицательном ключе упоминается лишь в ряде публикаций 1940–1950-х гг. (позднее упоминания о нем встречаются только в специальной научной литературе), в том числе в учебнике Е. М. Галкиной-Федорук: «В прежнем словаре <шахматовском> были допущены серьезные политические ошибки даже в послереволюционных выпусках. Иллюстративный материал выбирался из реакционных писателей. Появилась необходимость составления нового словаря. В 1929 г. по требованию общественности был пересмотрен план издания и поставлены иные задачи: дать толковый словарь современного русского языка с XVIII века до наших дней, который был бы и нормативным словарем» [Галкина-Федорук 1954: 186]. После 1950-х гг. об этом словаре упоминаний в учебниках и пособиях по лексикографии не встречается.

Однако десять лет спустя Н. М. Шанский в учебнике «Лексикология современного русского языка» (1964) впервые в истории отечественного языкознания не просто подробно анализирует «шахматовское издание» и приводит большие по объему иллюстрации из него, но и дает иную его научную оценку, не упоминая исторически предвзятую политическую критику: «Замечательным научным трудом, отражающим лексику русского литературного языка, “как он образовался со времен Ломоносова”, является неоконченный словарь отделения русского языка и словесности Академии наук, первые выпуски которого под ред. Я. К. Грота появились в 1891–1895 гг. Этот словарь выходил (после смерти Я. К. Грота – под ред. А. А. Шахматова, а затем – В. И. Чернышева, Л. В. Щербы) вплоть до 1937 г., последний выпуск включал в себя слова *до ободаться* до *обратность*. По тщательности обработки материала этот словарь является лучшим из всех существующих толковых словарей русского языка» [Шанский 1964: 281–282].

Н. М. Шанский, хоть и не упомянул редакторство Н. С. Державина (но этот факт не был широко известен даже специалистам, учитывая, что практически все выпуски словаря 1929–1937 гг. издания были изъяты из библиотек страны), однако исторически справедливо указал и редакторскую работу в словаре В. И. Чернышева и Л. В. Щербы, и справедливо высоко оценил «тщательность» обработки, и точно указал границы последнего из изданных выпусков словаря. Словарь, хотя и не является образцом лексикографической работы и достоин критических оценок от специалистов по этимологии, лексике и семантике, однако, безусловно, заслуживает добрых слов. И эти слова впервые в истории отечественной лексикографии сказал Николай Максимович Шанский...

Заключение. Два вектора, два особых таланта и дара определили научный и творческий путь Н. М. Шанского: поиск и разгадка тайн слова, его происхождения, его внутренней формы и стремление свои открытия, разгаданные тайны донести до самой широкой аудитории, сделать процесс обучения интересным, ярким и творчески активным. Именно поэтому Н. М. Шанский остается в памяти поколений и как *Прекрасный Ученый*: он сделал много открытий при изучении этимологии, лексики, фразеологии, словообразования, стилистики русского языка; и как *Великий Просветитель*: автор учебников и словарей, педагог, методист, он на многие десятилетия определил традиции преподавания лексикологии, фразеологии, словообразования, стилистики в вузе и русского языка в школе, в том числе — в национальной школе; сделал жанр истории слов обязательным и необходимым методическим элементом при изучении русского языка; и как *Настоящий Новатор*: преданно, ответственно и творчески работая в годы, когда наука и методика в стране находились в стадии

активного развития, Н. М. Шанский стал первым в целом ряде направлений своей деятельности. И став важнейшей и неотъемлемой частью истории отечественной науки, культуры и отечественного образования, он выполнил один из своих заветов: «Но хочется дожить свой век, Чтоб в памяти, но жить...», и потому, безусловно, останется в научной и человеческой памяти уже нескольких поколений...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин А. М. Новый академический словарь русского языка. Проспект. Л.: Наука, 1971. 41 с.
2. Боброва Т. А. Предисловие // Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». 3-е изд., перераб. М.: URSS, 2007. 305 с.
3. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык: лексика: курс лекций для вузов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. 204 с.
4. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие для педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1964. 327 с.

REFERENCES

1. Babkin A. M. New academic dictionary of the Russian language. Prospect. Leningrad: Science, 1971. 41 p. (In Russ.)
2. Bobrova T. A. Foreword. In N. M. Shansky. Lexicology of the modern Russian language: a textbook for the students of Russian language and literature faculty (3rd ed., revised). Moscow: URSS, 2007. 305 p. (In Russ.)
3. Galkina-Fedoruk E. M. Modern Russian language: Vocabulary: Course of lectures for universities. Moscow: MSU Publ., 1954. 204 p. (In Russ.)
4. Shansky N. M. Lexicology of the modern Russian language: a textbook for the students of Russian language and literature faculty. Moscow: Education, 1964. 327 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марина Николаевна Приемышева, доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе

Marina N. Priemysheva, Doctor of Sciences (Philology), Deputy Director for Research

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 21.09.2022.

The article was submitted 03.08.2022; approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 21.09.2022.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 655.552

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-93-96>

Рецензия на книгу: Астахина Л. Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 492 с.

Олег Викторович Никитин

*Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия, olnikitin@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-2815-6691>*

Для цитирования: Никитин О. В. Рецензия на книгу: Астахина Л. Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 492 с. // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 93–96. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-93-96>.

REVIEW

Review of the monograph: L. Yu. Astakhina. Sources on Russian historical lexicology. Voronezh: Science-Unipress, 2021. 492 p.

Oleg V. Nikitin

*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, olnikitin@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-2815-6691>*

For citation: Nikitin O. V. Review of the monograph: L. Yu. Astakhina. Sources on Russian historical lexicology. Voronezh: Science-Unipress, 2021. 492 p. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2022;83(6):93–96. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-93-96>.

Историческая лексикология русского языка — традиционная и в то же время новаторская область лингвистики, призванная изучать и комментировать памятники письменности, документы, картотеки, имеющие языковедческую ценность как носители редких филологических фактов. Первые исследования в этой области, как известно, начал В. Н. Татищев, издававший юридические документы Древней Руси, которые ученый попытался прокомментировать с учетом личного источниковедческого опыта и знания языков. С тех пор облик этой науки сильно изменился, усовершенствовались ее методы, стали более современными подходы к анализу

таких материалов, появились электронные базы данных и, главное, стали доступны и оцифрованы многие интересные документы.

Одним из таких уникальных источников по истории русского языка является картотека древнерусского словаря (КДРС), хранящаяся ныне в Институте русского языка имени В. В. Виноградова РАН и собравшая на своих рукописных страницах десятки тысяч слов с их вариантами и цитатами из разнообразных источников XI–XVII вв. Анализ этой картотеки и сопутствующих материалов, трудностям в расшифровке текстов и в целом важности изучения исторических документов

и посвящена рецензируемая монография Л. Ю. Астахиной. Ее автор посвятил всю свою профессиональную жизнь работе с этой картотекой и ее источниками. Среди участников данного проекта, который начинался почти 100 лет тому назад, были выдающиеся исследователи старорусской словесности — академики А. И. Соболевский и М. Н. Сперанский, Б. А. Ларин и мн. др., заложившие основы исторической лексикографии как науки. О создании КДРС и библиографических данных ее авторов Л. Ю. Астахина уже рассказывала в отдельном исследовании «Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск» (М., 2001).

Указанная монография написана в русле лингвоисточниковедческой традиции С. И. Коткова, предпринявшего в 1950–1980-е гг. целую серию публикаций новых памятников местной деловой письменности. Л. Ю. Астахина, ученица С. И. Коткова, последовательно исполняет заветы ученого как в теории лингвистического источниковедения, так и в практике изучения текстов. Следуя за ним, она разделяет лексическую содержательность первичных и промежуточных источников: «Применительно к вторичным источникам с **заданными** свойствами (картотекам, словарям, словоуказателям) понятие **лексическая содержательность** должно вобрать не только их лексический массив, но и способ его подачи. Это может быть список-индекс слов, отобранных по определенному принципу. <...> Указатели слов объединяют все встречающиеся формы одного слова под его начальной формой...» (с. 28). Этот принцип в значительной мере был реализован в издающемся сейчас «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

Весьма информативными стоит признать разделы книги, в которых излагается материал о введении в научный оборот источников по исторической лексикологии. Автор особо подчеркивает роль академика А. А. Шахматова в обеспечении объективности излагаемых данных (с. 58), говорит о ценности использования редких «провинциальных» жанров письменных текстов для распознавания семантики слова, о привлечении рукописей разных территорий. Так, например, было установлено,

что самая ранняя фиксация слова *изорницы* отмечается в памяти 1621 г., а *изоры* «встретились в памяти 1632 г.» (с. 73).

Л. Ю. Астахина подробно разбирает промежуточные источники по истории лексики — тот справочный аппарат публикаций, который начал формироваться в XVIII веке. В книге приводятся факты о работе В. Н. Татищева над «Сводом древних законов русских», о подготовке к изданию «Русской Правды» и «Судебника» 1550 г., о «Древней Российской Вивлиофике» Н. И. Новикова и правилах издания рукописей, предложенных К. Ф. Калайдовичем, о деятельности А. А. Шахматова по исследованию и изданию деловых текстов, о новых источниках по истории русского языка, открытых Б. А. Лариным (записи иностранцев и двуязычные словари), о деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы и мн. др. (см. подробнее с. 141–259).

Отдельным пунктом в этой части книги стоит подраздел «Издания для обучения» (с. 250–259). Здесь содержится обзор наиболее известных хрестоматий и текстов, публикации которых были предприняты с педагогической целью — для знакомства учеников с древними рукописями и жанрами литературы допетровского (прежде всего) периода. Особенно активно эта работа проводилась в XIX в., когда вышли «Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка» (1848) А. Д. Галахова, «Историческая хрестоматия (так в подлиннике. — О. Н.) церковно-славянского и древнерусского языков» (1861) Ф. И. Буслаева. «Наиболее полной и методически выдержанной» Л. Ю. Астахина называет «Хрестоматию по истории русского языка» (1990) В. В. Иванова, Т. А. Сумниковой и Н. П. Панкратовой, знакомую всем филологам со студенческих лет. Но почему-то в данном обзоре не указана подробная и очень информативная «Хрестоматия по истории русского литературного языка. Памятники X–XIV веков по рукописям X–XVII веков» (2012) А. М. Камчатнова. В целом этот подраздел может быть полезен составителям подобных учебных пособий как практический опыт издания, комментирования и учебного описания древнерусских памятников.

Основное внимание Л. Ю. Астахина уделила так называемым вторичным источникам — картотекам как историко-культурным фондохранилищам слов. Она приводит любопытные факты о лингвистической содержательности КДРС. По мнению ученого, «на долю памятников XVI в. приходится основная масса житий, сказаний, хождений, повестей, посланий, деловых хозяйственных книг, таможенных записей. В качестве источников по истории русской лексики привлечены труды таких писателей и государственных деятелей, как Иосиф Волоцкий, старец Артемий, Максим Грек, Вассиан Патрикеев...» (с. 99). Важно отметить, что КДРС включала и эпистолярные памятники: выдержки из писем царей, посланий патриарха Никона, князя Н. И. Одоевского, священника Сильвестра Медведева и др. Частично использованы в картотеке и фольклорные материалы (с. 100).

О специфике работы коллектива ученых в довоенный период автор книги рассказывает с грустью, ведь историко-лингвистическая наука в это время понесла большие утраты: «Летом 1937 г. фактически прекратилась работы по пополнению Картотеки ДРС и по составлению словаря, так как было сокращено финансирование и уволены все внештатные выборщики. А затем в конце 1938 г. Группе ДРС, руководимой Б. А. Лариным, было предложено составить Краткий исторический словарь учебного характера. Но без полного словаря, отражающего семантику слова во всем объеме, сделать это было невозможно» (с. 101). В дальнейшем Б. А. Ларин из-за своей последовательной научной позиции также пострадал по делу космополитов, когда его фигура была подвергнута критике на заседании Ученого совета Института языка и мышления и Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, проходившего в июне 1949 г. По имеющимся в монографии Л. Ю. Астахиной фактам можно понять, что основной удар заключался в обвинении «в антипатриотическом характере» и «преклонении проф. Б. А. Ларина перед сомнительными в научном отношении свидетельствами иностранцев о русском языке прошлого» (с. 237). Все эти источники: и «Грамматика» Лудольфа, изданная ученым в 1937 г.,

и «Парижский словарь москвитов» (1948), и «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса» (1959) — впоследствии вошли в «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и другие лексикографические источники. Иностранные лексиконы показали правильность выбора ученого. Его работа к этим необычным материалам бытовой и филологической культуры Московской Руси значительно пополнила и обогатила славяно-русский словарный фонд новыми реалиями языка.

Еще один важный вопрос, который возникает всегда при большом массиве рукописных и печатных источников, заключается в степени достоверности КДРС. Здесь порой человеческий фактор играл против ученых. Некорректно прочитанное слово или опечатка в первоисточнике могли привести к тому, что в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» появлялись несуществующие в природе лексемы. Вот какую занятую лингвистическую историю, приключившуюся с выражением *и на позорища ходят и грыдля дают*, приводит в монографии Л. Ю. Астахина. Из КДРС в 4-й выпуск Словаря попало *грыдля*, обнаруженное в тексте рукописной Кормчей Балашова XVI в. Произошло две ошибки: порча оригинального текста, где писец вместо буквы *г* зафиксировал *д*, и погрешность выборщика, неправильно разделившего этот фрагмент на слова. В итоге вместо *игры глядают* вышло загадочное *грыдля дают* (с. 113).

Заключительная глава монографии как раз и посвящена псевдогапсам в источниках по истории русского языка. Напомним, что под этим термином понимается слово или словосочетание, которое реально не существовало в языковой практике и возникло вследствие субъективных факторов: ошибок, описок, неточностей, порчи текста и т. п. Л. Ю. Астахина подробно излагает историю этого явления в отечественной лексикографической традиции и говорит о том, что псевдогапсы были обнаружены уже в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, они есть и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, в Словаре русских народных говоров и других источниках. Немало таких призрачных слов было обнаружено Л. Ю. Астахиной, И. Г. Добродомовым, А. Ю. Козловой, А. Б. Страховым

и другими исследователями в «Словаре русского языка XI–XVII вв.». Например, в 30-м выпуске напечатано *трасна* вместо *травна* (*травный*), *тренье* вместо *цре-ны* (с. 313). Таких примеров десятки, если не сотни! Эти ошибки позволяют восстановить подлинное слово, объяснить искаженное написание и причину его появления и тем самым помогают ученым в изучении лингвистических процессов, восстанавливают реальный корнеслов.

Рецензируемая книга будет полезна начинающим и опытным лексикологам и лексикографам, так как содержит очень полезный и актуальный опыт многолетней работы с источниками, показывает их

информативность и дает рекомендации по текстологической обработке подобных материалов. Монография Л. Ю. Астахиной станет незаменимым подспорьем при подготовке региональных диахронических словарей русского языка, в преподавании вспомогательных предметов междисциплинарного цикла на филологических и исторических факультетах вузов, в освоении навыков практической палеографии и прежде всего привлечет внимание читателей к такой удивительной, полной тайн и открытий, области современной науки — исторической лексикологии русского языка.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

Oleg V. Nikitin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 23.07.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 23.07.2022; accepted for publication 25.08.2022.

ХРОНИКА CHRONICLE

Международный научный семинар «Славистика на перекрестке эпох: от А. Х. Востокова и А. Ф. Гильфердинга до А. А. Шахматова и О. Брока»

Олег Викторович Никитин

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия, olnikitin@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Для цитирования: Никитин О. В. Международный научный семинар «Славистика на перекрестке эпох: от А. Х. Востокова и А. Ф. Гильфердинга до А. А. Шахматова и О. Брока» // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 97–98. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-97-98>.

International scientific seminar "Slavistics at the crossroads of history: from A. Kh. Vostokov and A. F. Gilferding to A. A. Shakhmatov and O. Broch"

Oleg V. Nikitin

Moscow Region State University, Mytishchi, Russia, olnikitin@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

For citation: Nikitin O. V. International scientific seminar "Slavistics at the crossroads of history: from A. Kh. Vostokov and A. F. Gilferding to A. A. Shakhmatov and O. Broch". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(6): 97–98. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-97-98>.

22 декабря 2021 года на базе Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) при участии российского общества «Знание», Союза литераторов России, Ассоциации преподавателей русского языка и литературы высших учебных заведений, Института лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН), Московского государственного областного университета (МГОУ) и Арктического университета Норвегии (г. Тромсё) в онлайн-формате проходил международный научный семинар «Славистика на перекрестке эпох: от А. Х. Востокова и А. Ф. Гильфердинга до А. А. Шахматова и О. Брока». Его первая часть была посвящена истокам славистики и юбилеям выдающихся филологов XIX столетия – А. Х. Востокову и А. Ф. Гильфердингу. С докладами выступили преподаватели ПетрГУ О. С. Казаковцева, Н. В. Патроева, В. А. Новоселова,

осветившие деятельность и достижения основоположников славяноведения в разных областях гуманитарного знания: от лингвистических открытий до анализа поэтического творчества А. Х. Востокова, от пионерских идей в области компаративистики до исследования онежских былин А. Ф. Гильфердингом.

Вторая часть семинара «...до А. А. Шахматова и О. Брока» включила работу международного круглого стола «Фортуналов – Шахматов – Брок: лингвистическая эпопея профессора Т. П. Лёнгрен», в котором приняли участие ведущие российские и зарубежные лингвисты и общественные деятели. Даже в официальной части выступавшие не просто приветствовали участников, а говорили о важности изучения славянской истории, преемственности поколений, ценности исследования архивов для восстановления летописи науки. Среди официальных

лиц, открывших вторую часть, отметим ректоров ПетрГУ и Арктического университета Норвегии А. В. Воронина и Даг Рюне Ульсена, научного руководителя Института русского языка имени В. В. Виноградова А. М. Молдована, члена Норвежской АН Арне Бугге Амудсена, заместителя директора по научной работе ИЛИ РАН М. Н. Приемышеву, правнука А. А. Шахматова Д. Н. Копылова-Шахматова и др. Ведущий это заседание О. В. Никитин зачитал присутствующим письмо Ингвиль Брок, внучатой племянницы норвежского слависта Олафа Брока. Затем состоялись презентация и обсуждение новой книги «А. Шахматов — О. Брок. Переписка. 1889—1919» (М.: Издательство им. Сабашниковых, 2021). В дискуссии участвовали составитель, автор предисловия, комментариев и примечаний профессор Т. П. Лёнгрен, генеральный директор издательства имени Сабашниковых С. М. Артюхов, заместитель директора по научному сотрудничеству Санкт-Петербургского института российской истории РАН профессор В. Г. Вовина, профессора Е. А. Галинская (МГУ), В. И. Супрун (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), доктор филологических наук Д. В. Сичинава (ИРЯ РАН). Текст выступления профессора Арктического университета Норвегии Э. Эгеберга прочитал ведущий. Все участники отметили уникальность изданных материалов, их актуальность для современной филологии.

В основной части семинара прозвучали доклады, которые тематически примыкали к «шахматовско-броковской» проблематике. Были заслушаны следующие выступления: Н. В. Патроева (ПетрГУ) «Ф. Ф. Фортунатов и Карелия: от века девятнадцатого — к двадцать первому», Т. П. Лёнгрен (Арктический университет Норвегии) «“Нравственный представитель России в Норвегии” Олаф Брок», Ст. Гжибовский (Университет им. Николая Коперника в Торуне, Польша) «У истоков фонетического сопоставления языков», И. И. Исаев (РГГУ) «Броковские говоры Тотмы: 100 лет спустя», О. В. Никитин (МГОУ) «Conclusio: лингвистическая эпопея профессора Т. П. Лёнгрен». После докладов состоялся обмен мнениями, были подведены итоги. Гости этого мероприятия указали на важность межславянских культурных связей для лингвистических контактов, на положительный опыт сотрудничества О. Брока и А. А. Шахматова в деле филологического просветительства, отметили вклад Т. П. Лёнгрен в исследование неизвестных страниц отечественной славистики XIX—XX вв. В заключительной части выступили известные лингвисты: Г. Э. Имполи (Болонья, Италия), Н. В. Зорихина-Нильссон (Стокгольм, Швеция), А. М. Кузнецов (Даугавпилс, Латвия), В. В. Буйлов (Йоэнсуу, Финляндия), А. В. Тер-Аванесова (Москва), В. Н. Курцова (Минск, Беларусь), Г. С. Кобирина (Киев, Украина), Ю. А. Сафонова (Москва).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

Oleg V. Nikitin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 23.07.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 23.07.2022; accepted for publication 25.08.2022.

V Международная научно-практическая конференция «Традиции И. И. Срезневского в русской лексикологии и лексикографии XXI века. К 210-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского»

Нина Васильевна Колгушкина

*Музей академика И. И. Срезневского, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Россия, i.sreznevsky.rgu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6665-1971>*

Олег Викторович Никитин

*Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия, olnikitin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>*

Для цитирования: Колгушкина Н. В., Никитин О. В. V Международная научно-практическая конференция «Традиции И. И. Срезневского в русской лексикологии и лексикографии XXI века. К 210-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского» // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 99–101. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-99-101>.

V International scientific and practical conference "The traditions of I. I. Sreznevsky in Russian lexicology and lexicography of the XXI century. To the 210th anniversary of the birth of Academician I. I. Sreznevsky"

Nina V. Kolgushkina

*Museum of Academician I. I. Sreznevsky, Yesenin Ryazan' State University, Ryazan', Russia,
i.sreznevsky.rgu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6665-1971>*

Oleg V. Nikitin

*Moscow Region State University, Mytishchi, Russia, olnikitin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>*

For citation: Kolgushkina N. V., Nikitin O. V. V International scientific and practical conference "The traditions of I. I. Sreznevsky in Russian lexicology and lexicography of the XXI century. To the 210th anniversary of the birth of Academician I. I. Sreznevsky". *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2022;83(6):99–101. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-99-101>.

26–28 сентября 2022 г. в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина (далее — РГУ) состоялась V Международная научно-практическая конференция «Традиции И. И. Срезневского в русской лексикологии и лексикографии XXI века. К 210-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского», подготовленная при поддержке Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (далее — ИРЯ РАН). В ней приняли участие ученые академических институтов и вузов Москвы и Санкт-Петербурга, а также преподаватели и аспиранты университетов из разных городов России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Украины, Казахстана, Китая, Македонии, Приднестровской Молдавской Республики. На пяти секциях было представлено 70 докладов.

Открывший пленарное заседание и. о. ректора РГУ О. А. Сулица рассказал о роли университета в сохранении наследия ученого-земляка, отметил вклад Музея академика И. И. Срезневского в популяризацию его идей. С приветственными словами к участникам конференции обратились официальные лица: от ИРЯ РАН Я. А. Пенькова, руководитель группы «Словаря русского языка XI–XVII вв.»; В. И. Аннушкин, профессор Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, зачитал письмо и. о. ректора Н. С. Трухановской; председатель оргкомитета Е. П. Осипова (РГУ) огласила приветствие М. Н. Премышевой (ИЛИ РАН). В адрес конференции поступили также письма и от потомков И. И. Срезневского, проживающих в России и за рубежом. Директор Музея академика

И. И. Срезневского РГУ Н. В. Колгушкина зачитала одно из них, из Таллина, от праправнука Олега Игоревича и прапраправнучки Хелены Игоревны Лисенко. В письме было отмечено, что изучение и использование русского языка как средства общения переживает за рубежом трудные времена, поэтому высокий славистический дух конференции, несомненно, обратит внимание культурной общественности на историю отечественного языка и его богатые традиции. В обращении подчеркивались давние плодотворные связи эстонских потомков И. И. Срезневского с Музеем (они подарили РГУ уникальные фотографии из личной коллекции).

На пленарном заседании были заслушаны доклады Л. Д. Бондарь (Санкт-Петербург) «И. И. Срезневский и И. А. Бодуэн де Куртенэ — учитель и ученик в зеркале архивных документов (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН)», М. В. Пименовой (Владимир) «Словарь И. И. Срезневского как источник исторической фразеологии», М. И. Чернышевой (Москва) «Продолжая исследования И. И. Срезневского (темные места в славянском переводе "Хроники Иоанна Малалы")» и В. И. Аннушкина (Москва) «Содержание и эволюция филологических наук в эпоху И. И. Срезневского (1830–1880)». Особый интерес вызвало выступление Л. Д. Бондарь, представившей неизвестные факты из истории лингвистики второй половины XIX в.

На первой секции «Проблемы славянской и русской исторической лексикологии» прозвучали доклады М. В. Ермоловой (Москва) о происхождении причастий по данным Новгородской первой летописи; Ю. И. Ковтунович (Караганда) о теониме «перун» в трудах И. И. Срезневского; Ю. В. Кореневой (Мытищи) о религиозной лексике на -ение в «Словаре» И. И. Срезневского; Т. В. Леонтьевой и А. В. Щетининой (Екатеринбург) о современных обликах лексики тематической группы «Речь»; Н. В. Халиковой (Мытищи) об употреблении фонового термина «стихия языка» в научной прозе XIX — начала XX в.; Я. А. Пеньковой (Москва) о формировании системы начинательных глаголов типа *возникнуть*, *появиться* в истории русского языка; А. С. Щёкина (Санкт-Петербург)

о лексических новообразованиях в русских переводах «Истории Эфиопской» Иова Лудольфа и др.

На второй секции обсуждались вопросы русской и славянской лексикографии XVIII–XXI вв. Следует выделить доклады О. В. Васильевой (Санкт-Петербург), проанализировавшей «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» и «Псковский областной словарь с историческими данными» в контексте развития идей И. И. Срезневского; А. В. Корольковой (Смоленск), рассказавшей об истории лексикографирования афористики в России в XIX–XX вв.; Е. И. Державиной (Москва), рассмотревшей иноязычную лексику в 33-м выпуске «Словаря русского языка XI–XVII вв.»; Л. Н. Дониной (Санкт-Петербург) — о концепте «православие» в исторических словарях и «Летописце Еллинском и Римском» (Санкт-Петербург). Прозвучали также выступления В. И. Теркулова (Донецк) — о проблемах лексикографии XXI века; Ли Нин (Китай) — о русско-китайской словарной традиции; В. К. Щербина (Минск), заявившего интересную тему «Об опасности утраты заложенной И. И. Срезневым традиции подготовки энциклопедически образованных лексикографов».

Из докладчиков третьей секции «Актуальные задачи источниковедения: от И. И. Срезневского до наших дней» отметим выступления Е. А. Бекасовой (Оренбург) об этимологическом аспекте изучения русского языка в словацкой аудитории; В. С. Картавенко (Смоленск) о региональной деловой письменности XVI–XVIII вв. как лексикографическом источнике; Н. В. Патроевой (Петрозаводск) «“Синтаксический словарь русской поэзии XVIII в.” как лексикографический источник для исследований в области диахронической риторики»; С. И. Иорданиди (Москва), сопоставившей фигуры И. И. Срезневского и И. В. Ягича; Т. А. Исаченко (Москва), представившей редкие материалы переписки И. И. Срезневского с архимандритом Леонидом (Кавелиным); А. А. Решетовой (Рязань), рассказавшей об И. И. Срезневском как исследователе русского купеческого травелога, и др.

На четвертой секции «Русские народные говоры: история и современное состояние. Славянская и русская этнолингвистика»

с интересными докладами выступили Н. А. Красовская (Тула), Н. С. Ганцовская и С. В. Окуловская (Кострома), О. Е. Кармакова (Москва), Н. А. Стародубцева и М. В. Рассахатская (Волгоград), Е. П. Осипова (Рязань), О. А. Волошина (Москва), Е. Б. Кузьмина (Санкт-Петербург).

Заключительный день конференции, 28 сентября, остался в памяти участников особой душевной интонацией и верностью исторической традиции. Гости посетили Мемориальный комплекс академика И. И. Срезневского в с. Срезнево Шиловского района Рязанской области. На могиле ученого состоялась лития, были произнесены краткие речи. А в стенах сельского музея работала секция «Жизнь и наследие академика И. И. Срезневского», на которой прозвучали доклады Н. В. Колгушкиной (Рязань) «И. И. Срезневский в содружестве с хранителями древностей (Ф. Г. Солнцев и А. Н. Оленин)», С. А. Рылова (Нижний

Новгород) — о развитии идей ученого в современной русистике, О. В. Никитина (Мытищи) «“Словарь” И. И. Срезневского как лексикографический феномен». Уютную атмосферу дополнили историко-этнографическая и филологическая экскурсии по срезневскому храму, прогулка к Оке, живые беседы коллег, обсуждение перспектив дальнейшей работы по изучению новой науки — «срезневедения».

Кроме традиционного сборника материалов конференции, планируется выпуск уникального фотоальбома династии Срезневских «Дорогой для меня цвет семейности», подготовленного Н. В. Колгушкиной. Таким образом, юбилейный год завершится галереей исторической памяти протяженностью три века — от восемнадцатого к двадцать первому, ведь идеи ученого, как показали участники конференции, живут и сейчас, а его «Мысли об истории русского языка» стали настольной книгой нескольких поколений филологов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Нина Васильевна Колгушкина, директор музея, заслуженный учитель Российской Федерации

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

Nina V. Koldgushkina, Director of the Museum, Honored Teacher of the Russian Federation

Oleg V. Nikitin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; принята к публикации 03.10.2022.

The article was submitted 30.09.2022; accepted for publication 03.10.2022.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ» В 2022 ГОДУ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

Богданова Е. С. Реализация принципа соизучения языка и культуры (к 90-летию профессора Лии Александровны Ходяковой) // № 3. С. 18–24.

Бондаренко М. А. Уроки по Шанскому: потенциал наследия Н. М. Шанского в решении задач, стоящих перед современным учителем русского языка // № 6. С. 12–24.

Борисенко Н. А. Может ли учебник воспитать патриота? (О воспитательном потенциале учебника русского языка) // № 3. С. 7–17.

Воителева Т. М. Родное слово как воплощение народного духа // № 6. С. 7–11.

Ерохина Е. Л. Развитие письменной речи учащихся: методический потенциал аналитических заданий // № 1. С. 7–13.

Кузнецова О. В. Таксономия планируемых результатов по русскому языку, разработанная для Московской электронной школы (на примере отдельных тем) // № 3. С. 25–33.

Маслова М. В. Интонационно-звуковая интерпретация диалогических фрагментов поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на уроках русского языка // № 1. С. 14–25.

Маслова М. В. Формирование аудитивных умений методом аудиотеатра в рамках проектной деятельности // № 4. С. 17–29.

Мишатина Н. Л. Методическая лингво-концептология: перезагрузка в эпоху метамодернизма // № 4. С. 7–16.

Салтыкова А. А., Володько Н. В., Яновская К. В. Основные подходы к описанию планируемых результатов по русскому языку в «Московской электронной школе» // № 5. С. 7–20.

Ускова И. В. Домашняя учебная работа по русскому языку: векторы обновления // № 5. С. 21–28.

Шутан М. И. О междисциплинарном подходе к изучению концептов в школе // № 6. С. 24–34.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Сулъниченко В. Н. Алгоритмическая технология овладения лексико-семантическими и грамматическими нормами употребления местоимений. Часть I. Контекстуально-заместительная функция местоимений // № 5. С. 29–35.

Сулъниченко В. Н. Роль алгоритмов в повышении эффективности процесса изучения

местоимений в VI классе: семантический и грамматико-орфографический аспекты. Часть I. Лексико-грамматические разряды местоимений и их соотношенность с именными частями речи // № 1. С. 26–35.

Сулъниченко В. Н. Роль алгоритмов в повышении эффективности процесса изучения местоимений в VI классе: семантический и грамматико-орфографический аспекты. Часть II. Грамматические признаки, склонение и правописание местоимений // № 3. С. 34–43.

Чибухашвили В. А. О работе лаборатории компьютерного обучения русскому языку при Елецком государственном университете им. И. А. Бунина, созданной Н. Н. Алгазиной // № 4. С. 30–36.

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Ларионова Л. Г. Вклад Н. Н. Алгазиной в методику обучения орфографии в средней школе (60–80 гг. XX века) // № 4. С. 43–49.

Скрябина О. А. Методическое наследие профессора Н. Н. Алгазиной и современность // № 4. С. 37–42.

Сотова И. А. Обучение письменной речи в концепции В. Е. Мамушина (к 100-летию со дня рождения) // № 3. С. 44–52.

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ

Мякишева О. В. «От первых слов до первого класса»: 100 лет спустя // № 2. С. 12–22.

Елисеева М. Б. Нормы речевого развития: анализ научных трудов и дневника А. Н. Гвоздева в сопоставлении с современными данными // № 2. С. 7–11.

Краснощекова С. В. Местоимения в роли прямого дополнения в речи русскоязычных детей // № 2. С. 23–34.

Еливанова М. А., Готовцева А. И. К вопросу об особенностях усвоения грамматической категории рода русско-якутскими билингвами младшего школьного возраста // № 2. С. 35–45.

Цейтлин С. Н. Детские речевые инновации // № 5. С. 36–41.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Бобылев Б. Г. Филологический анализ художественного текста как наука и искусство в трудах академика Н. М. Шанского // № 6. С. 35–43.

Виноградова Е. М. Лингвистический анализ фрагмента повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» // № 3. С. 84–96.

Вороничев О. Е. Средства выражения иронической экспрессии в рассказах Н. А. Тэффи (к 150-летию со дня рождения) // № 3. С. 53–64.

Геймбух Е. Ю. Метафорические поля в романе В. Каверина «Два капитана» (к 120-летию со дня рождения) // № 2. С. 69–76.

Грязнова А. Т. Языковые механизмы смыслообразования в стихотворении О. Мандельштама «Дворцовая площадь» // № 1. С. 36–43.

Димитриева О. А. Метафорическое осмысление жизненного пути и поиска смысла жизни в романе В. Пелевина «Непобедимое солнце» // № 5. С. 68–76.

Леденёв А. В. Образные и стиливые черты судопроизводственного мышления в прозе Леонида Андреева // № 2. С. 77–87.

Маринченко И. А., Васильева Е. В. Региональная специфика фитообразов в произведениях приморского писателя Михаила Деменка (к 85-летию со дня рождения) // № 4. С. 64–72.

Маринченко И. А., Васильева Е. В. Стилистические приемы использования звукоподражательной лексики в произведениях Виталия Бианки // № 1. С. 50–55.

Огольцева Е. В. Диалог с прошлым: лингвостилистический анализ рассказа В. Г. Распутина «Уроки французского» (к 85-летию со дня рождения) // № 3. С. 65–74.

Панова Е. А. «И в первом плане глубже дышит план второй»: лингвопоэтический анализ стихотворения Юнны Мориц «Всего лишь звук, сквозящий меж листьями...» (к 85-летию со дня рождения) // № 3. С. 75–83.

Романов Д. А. Лингвопоэтика повести Д. В. Григоровича «Пахарь» в контексте языковых традиций русской литературы XIX–XX веков (к 200-летию со дня рождения) // № 2. С. 57–68.

Романов Д. А. Пути развития отечественной словесности и формирование стиля романтической критики в статьях А. А. Бестужева-Марлинского (к 225-летию со дня рождения) // № 5. С. 42–52.

Урюпин И. С. Семантика морской образности в стихотворении Р. И. Рождественского «Домик Петра Первого в Саардеме» (к 90-летию со дня рождения) // № 4. С. 50–54.

Фролова Е. А. «...и всё начать сначала»: лингвостилистический анализ стихотворения

Ю. Д. Левитанского «Была зима, как снежный перевал...» (к 100-летию со дня рождения) // № 1. С. 44–49.

Фролова Е. А. Гармония природного мира в творчестве В. К. Арсеньева: лингвостилистический анализ путевого романа «По Уссурийскому краю» (к 150-летию со дня рождения) // № 5. С. 53–59.

Черникова Н. В. Композиционно-смысловая структура сложного синтаксического целого в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // № 6. С. 44–52.

Шутан М. И. Употребление личных местоимений в лирической поэзии // № 4. С. 73–79.

Яблоков Е. А. Игрушки живые и мертвые: концепт игры в повести А. С. Грина «Алые паруса» // № 5. С. 60–67.

Ясакова Е. А. Рассказ Ю. Казакова «Манька»: опыт филологического анализа (к 95-летию со дня рождения) // № 4. С. 55–63.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Барандеев А. В. Специфика отражения некорректного статуса географических объектов в орфографии топонимов // № 4. С. 92–97.

Барандеев А. В. *Хоть горшком назови, только в печку не ставь*: парадокс или закономерность номинации? // № 3. С. 97–102.

Бешенкова Е. В. Написание кратких форм отглагольных прилагательных на -ный: *н* или *ни* (из материалов академического описания русской орфографии) // № 4. С. 80–85.

Бусарева С. Г. Графический искусственный язык эмодзи на образовательно-просветительском сайте «Arzamas» // № 5. С. 84–89.

Зеленин А. В. Синтаксическая аномалия: «от слова совсем» // № 1. С. 67–77.

Зеленин А. В. Жизненные циклы суффикса -ость- в русском языке (перечитывая Н. М. Шанского) // № 6. С. 73–84.

Иванова О. Е. О наречиях, образованных от местоимений: коррекция орфографического правила (из материалов академического описания русской орфографии) // № 4. С. 86–91.

Иванова О. Е. Правописание наречий: старые и новые вопросы (из материалов академического описания русской орфографии) // № 1. С. 56–66.

Маркова Е. М. Русская фразеология в аспекте учения Н. М. Шанского // № 6. С. 53–62.

Пацюкова О. А. Идиоматичность семантики отсубстантивных существительных с суффиксом *-ник-* // № 5. С. 77–83.

Романик А. Языковые маркеры «поколения миллениалов» (на примере заимствованных наименований лиц в русском языке) // № 2. С. 88–97.

Шестакова Л. Л. Учебные словари языка писателей // № 6. С. 63–72.

В МИРЕ СЛОВ

Тошович Б. Мартобрь/я // № 5. С. 90–96.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ВУЗАХ

Черникова Н. В. Психолого-педагогические условия формирования профессионально-коммуникативной компетенции студентов на дисциплинах речеведческого цикла (из опыта работы) // № 1. С. 78–86.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Каверина В. В. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова — первый свод правил русского правописания // № 1. С. 87–95.

Круглякова Т. А. Научное наследие А. Н. Гвоздева в исторической перспективе: от зарождения интереса к речи русского ребенка к становлению онтолингвистики // № 2. С. 46–56.

Приемышева М. Н. Ученый, просветитель, новатор... (к 100-летию со дня рождения Н. М. Шанского) // № 6. С. 85–92.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Болотнова Н. С. Рецензия на монографию: Ходякова Л. А. Методика овладения аналитико-синтетическими умениями в контексте культуры на уроках русского языка и во внеурочной деятельности. М.: МПГУ, 2020. 214 с. // № 1. С. 96–98.

Жданова Е. А., Рацибурская Л. В. Рецензия на коллективный проект: Русский язык коронавирусной эпохи: монография / Т. Н. Буцева, Х. Вальтер, И. Т. Вепрева и др.; отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 556 с. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост.: Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников и др.; отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 440 с. // № 2. С. 98–103.

Камчатнов А. М. Рецензия на монографию: Малинаускене Н. К. Церковная лексика греческого происхождения. История слов: учебное пособие для бакалавриата теологии. М.: Познание, 2022. 240 с. // № 4. С. 98–100.

Никитин О. В. Рецензия на книгу: Астахина Л. Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 492 с. // № 6. С. 93–96.

Пранцова Г. В. Рецензия: Чтение. Энциклопедический словарь / под ред. чл.-корр. РАО Ю. П. Мелентьевой. М.: ФГБУН НИЦ «Наука» РАН, 2021. 448 с. // № 5. С. 97–101.

Шутан М. И. Рецензия на монографию: Мишатина Н. Л. Методическая лингвоконцептология: новые идеи и антропопрактики. СПб.: Книжный дом, 2022. 304 с. // № 5. С. 102–104.

ХРОНИКА

Абрамова Е. А., Пименова М. Вас., Рыкин Е. Ю., Соколова О. И. XIV Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» // № 1. С. 99–100.

Антонова Л. Г. Всероссийская научно-методическая конференция «Актуальные вопросы изучения языка и литературы в школе и в вузе» («Лебедевские чтения») // № 1. С. 103–104.

Колгушкина Н. В., Никитин О. В. V Международная научно-практическая конференция «Традиции И. И. Срезневского в русской лексикологии и лексикографии XXI века. К 210-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского» // № 6. С. 99–101.

Никитин О. В. Международный научный семинар «Славистика на перекрестке эпох: от А. Х. Востокова и А. Ф. Гильфердинга до А. А. Шахматова и О. Брока» // № 6. С. 97–98.

Никитин О. В. Национальная научная конференция «Русское слово в научной парадигме XXI века» // № 1. С. 101–102.

Сотова И. А. Круглый стол к 100-летию со дня рождения профессора Всеволода Евгеньевича Мамушина // № 3. С. 103–104.

Янченко В. Д., Сергеев В. С. Международная научно-практическая конференция «Методика сотрудничества в обучении русскому языку» // № 4. С. 101–103.

Лия Александровна Ходякова (к 90-летию со дня рождения) // № 4. С. 104.

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русский язык в школе» в 2022 году // № 6. С. 102–104.

Н. М. Шанский о прилагательном лингвистический

...Прилагательное *лингвистический* на первый взгляд ничего интересного не содержит. Совершенно ясна его словообразовательная структура, не вызывают никаких сомнений и смысловые связи. В нашем языковом сознании оно воспринимается как самое заурядное исконно русское слово, образованное с помощью суффикса **-еск(ий)** от существительного *лингвистика*, которое, в свою очередь, создано посредством суффикса **-ик(а)** от слова *лингвист* (по модели *гимнаст – гимнастика, поэт – поэтика, журналист – журналистика* и пр.).

Что касается существительного *лингвист*, то по своему морфемному составу оно выглядит как производное с суффиксом **-ист** от связанного корня *лингв-*, известного также и в таких словах, как *лингвострановедение, билингв* «человек, способный употреблять в ситуациях общения две различные языковые системы, т. е. говорящий на двух языках», *лингво-дидактика* и т. д. ...

По сравнению с прилагательным *лингвистический* слово *лингвист*, наверное, у большинства из вас вызывает впечатление иностранного. И не напрасно. Оно действительно является заимствованным в первой половине XIX в. из французского языка, где было известно как ученое новообразование от лат. *lingua* аж с XVII в.

Однако не нашим – как это ни кажется нам парадоксальным – является и исходное прилагательное *лингвистический*. Это (и таких слов немало) по своему устройству и форме будто бы самое «нашенское» слово на деле, как и существительное *лингвистика*, тоже усвоено из французского языка, правда, франц. *linguistique* в соответствии с законами русского языка при заимствовании было переоформлено с помощью суффикса **-еск(ий)**.

Между прочим, синонимы слова *лингвистика* – *языковедение* и *языкознание*, как и многие другие лингвистические термины XIX в. (ср.: *праязык* < нем. *Ursprache*, словообразование < нем. *Wortbildung* и т. д.), являются словообразовательной калькой нем. *Sprachwissen*.

Итак, идя по следам прилагательного *лингвистический*, мы пришли к лат. *lingua* «язык» (и в значении «орган речи», и в значении «речь, средство общения»). Есть ли в латинском и русском словах еще что-либо общее, кроме значения?.. Как внешне слова *lingua* и *язык* сейчас друг от друга ни далеки, они все же (не поразительно ли?) являются родственными, «вылетели» из одного и того же корневого гнезда...

Сравнение русского слова с соответствующим словом в других славянских языках (ср. болг. *език*, пол. *język*, чеш. *jazyk* и т. д.) позволяет восстановить общеславянскую форму этого существительного как **ęzyk*, где позже возник протетический (вставной) *у*, а *е* (в русском *’а*) восходит к звукосочетанию *en* (ср. *семя* – *семена*).

Сравнение **ęzyk* с др.-рус. *камык* «камень», суффиксальным производным от *камы*, род. п. *камене*, позволяет трактовать его как одноструктурное и выделить в нем тоже суффикс **-к(ъ)**. Тем самым вырисовывается, с учетом того что *ы* здесь является отражением *й*, старое **enȝi*. Но эта форма также не является исходной. Следует иметь в виду, что общеславянское *z* восходит к индоевропейскому *gʰ* (ср. *заяц* – готск. *gaitis* «коза», буквально – «прыгающее животное»), *зеленый* – кимр. *gledd* «зеленый дерн», диал. *зород* «огороженное место» – литер. *город*, нем. *Garten* «сад» и т. д.). В результате можно реконструировать исходную форму **engʰi*. Если учитывать, что *й* давало на славянской почве как *ы*, так и *ъв* (ср. *любьы* – *любовь*; *ы* в *камы* другого происхождения – из **-ен-**), а индоевропейский палатализованный (смягченный) заднеязычный с придыханием *gʰ* в разных языках изменялся как в *z*, так и в *g* (см. выше), то становится видимой родственность слова *язык* из *язы* **engʰi*, как др.-прус. *insuwis* «язык», авест. *hizva* – тж. так и лат. *lingua*, особенно если знать, что *l* в этом слове появилось под влиянием *lingere* «лизать» на месте старого *dingua* (ср. также готск. *tungō* «язык», нем. *Zunge* – тж.)...

(Шанский Н. М. Лингвистические детективы. М.: Дрофа, 2006. С. 12–14)

Памятные даты 2023 года

Басистов Павел Ефимович (1823–1882) – 200 лет со дня рождения
Бодянский Осип Максимович (1808–1877) – 115 лет со дня рождения
Брандт Роман Федорович (1853–1920) – 170 лет со дня рождения
Булаховский Леонид Арсеньевич (1888–1961) – 135 лет со дня рождения
Булохов Виктор Яковлевич (1933–2022) – 90 лет со дня рождения
Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – 205 лет со дня рождения
Вахтеров Василий Порфирьевич (1853–1924) – 170 лет со дня рождения
Галкина-Федорук Евдокия Михайловна (1898–1965) – 125 лет со дня рождения
Галич Александр Иванович (1783–1848) – 240 лет со дня рождения
Григорян Лариса Трофимовна (1923–1999) – 100 лет со дня рождения
Грот Яков Карлович (1812–1893) – 130 лет со дня смерти
Давыдов Иван Иванович (1794–1863) – 160 лет со дня смерти
Дашкова Екатерина Романовна (1743–1810) – 280 лет со дня рождения
Державин Николай Севастьянович (1877–1953) – 70 лет со дня смерти
Добровский Йосеф (1753–1829) – 270 лет со дня рождения
Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954) – 145 лет со дня рождения
Иорданский Николай Николаевич (1863–1941) – 160 лет со дня рождения
Истрина Евгения Самсоновна (1883–1957) – 140 лет со дня рождения
Калайдович Иван Федорович (1796–1853) – 170 лет со дня смерти
Каринский Николай Михайлович (1873–1935) – 150 лет со дня рождения
Качановский Владимир Васильевич (1853–1901) – 170 лет со дня рождения
Кондратович Кирьяк Андреевич (1703 – около 1790) – 320 лет со дня рождения
Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) – 180 лет со дня рождения
Кульбакин Степан Михайлович (1873–1941) – 150 лет со дня рождения
Ларин Борис Александрович (1893–1964) – 130 лет со дня рождения
Максимович Михаил Александрович (1804–1873) – 150 лет со дня смерти
Мещанинов Иван Иванович (1883–1967) – 140 лет со дня рождения
Мюллер Фридрих Макс (1823–1900) – 200 лет со дня рождения
Немировский Михаил Яковлевич (1883–1965) – 140 лет со дня рождения
Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920) – 170 лет со дня рождения
Обнорский Сергей Петрович (1888–1962) – 135 лет со дня рождения
Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – 160 лет со дня рождения
Панов Борис Трофимович (1923–?) – 100 лет со дня рождения
Пешковский Александр Матвеевич (1878–1933) – 145 лет со дня рождения
Сидоров Владимир Николаевич (1903–1968) – 120 лет со дня рождения
Смирницкий Александр Иванович (1903–1954) – 120 лет со дня рождения
Сухотин Алексей Михайлович (1888–1942) – 135 лет со дня рождения
Текучев Алексей Васильевич (1903–1987) – 120 лет со дня рождения
Толстой Никита Ильич (1923–1996) – 100 лет со дня рождения
Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942) – 150 лет со дня рождения
Ушинский Константин Дмитриевич (1823–1871) – 200 лет со дня рождения
Филин Федот Петрович (1908–1982) – 115 лет со дня рождения
Фортунатов Филипп Федорович (1848–1914) – 175 лет со дня рождения
Чикобава Арнольд Степанович (1898–1965) – 125 лет со дня рождения
Штейнталь Хейман (1823–1899) – 200 лет со дня рождения
Яцимирский Александр Иванович (1873–1925) – 150 лет со дня рождения